

Восточные славяне и нашествие Батыя

Вольдемар Николаевич Балязин

Книги серии «Неофициальная история России» непохожи на обычные исторические хроники. Автор ввел в ткань повествования самые разнообразные материалы: документы, письма, легенды, проповеди, пословицы и поговорки, сообщения летописей и воспоминания участников событий, а также фрагменты из произведений выдающихся российских и зарубежных историков (их фамилии выделены в тексте курсивом). История страны предстает здесь не как перечень фактов, а как сложные взаимоотношения

исторических лиц, чьи поступки, характеры, интриги оказывали прямое воздействие на развитие ситуации, на ход происходившего в стране. Серия состоит из 14 книг и охватывает события с древнейших времен до 1917 года.

В книге «Восточные славяне и нашествие Батыя» раскрывается история Древней Руси. Описывается быт, ремесла, религия, обряды восточных славян. Рассказывается о том, как пришло на Русь православие, как развивалась грамотность, какими знаменательными событиями отмечено правление великих русских князей—Владимира Святославича, Ярослава Мудрого, Юрия Долгорукого и др. Приводятся легенды об основании Москвы. Том завершается повествованием о начале монгольских завоеваний—битвой на Калке и «Батыевым нашествием».

Оглавление

Введение	5
Становление цивилизации	12
Время, календари, летосчисление	13
Восточнославянские племена	18
* * *	27
Хлеб насущный	29
Напитки восточных славян	34
Хлебный квас	36
Древнерусское пиво	38

Брага—первый алкогольный напиток Руси	39
---	----

Древнерусская корчма	41
----------------------	----

Одежда, обувь и ремесла восточных славян	44
--	----

Лапти	46
-----------------	----

Сапоги	48
------------------	----

Одежда простонародья—рубаша, порты и понёва	50
---	----

Аksamит—византийский бархат . .	50
---------------------------------	----

Атлас—китайский шелк	51
--------------------------------	----

Первые перчатки на Руси	52
-----------------------------------	----

Япончица не из Японии	52
---------------------------------	----

Клобук	53
------------------	----

Древнерусские ремесла	54
---------------------------------	----

Религия, обряды и обычаи восточных славян	58
---	----

Религия язычников-славян	59
--------------------------	----

Эволюция язычества в Древней Руси	62
Водяные культы и праздник Купалы	66
Почитание лесов и рощ	69
Обожествление солнца	71
Почитание огня. Сварог	75
Перун—бог грома и молнии	77
Пантеон богов князя Владимира	82
Бог скота—Велес, или Волос	90
Боги Позвизд, Лад, Купало, Коляда	92
Дары богам	94
Языческие игрища	97
Трапезы и пиршества	101
Погребальный обряд	103

Хлеб духовный: слово Божие и грамотность	107
Солунские братья—Кирилл и Мефодий	108
Легенда об апостоле Андрее Перво- званном	125
«Повесть временных лет» о Кирилле и Мефодии и о событиях конца IX— начала X века	132
«Повесть временных лет» о князе Иго- ре Рюриковиче и о жене его, княгине Ольге	136
«Повесть временных лет» о правлении Ольги и о сыне ее, князе Святославе Игоревиче	141
Владимир Красное Солнышко, Креще- ние Руси и пришествие на нашу зем- лю Слова Божия и грамотности	147
Трудная многовековая борьба с языче-	

Откровение от азбуки	161
Историко-филологическое предуведом- ление	162
Попытка автора книги объяснить загад- ку старого русского алфавита	165
Древнерусская светско-церковная мозаика	200
Первые русские святые—Борис и Глеб	201
Ярослав Мудрый	203
Анна Ярославна, королева Франции	205
Первый русский митрополит Иларион	212
Печерский монастырь—«свеча горя- щая», и его игумен—святой Феодо-	

В. О. Ключевский о милостыне и милостивцах	221
--	-----

* * *	222
-------	-----

Феодосий Печерский. «Слово о терпении, и о любви, и о посте»	223
--	-----

Русские святые женщины	227
------------------------	-----

Колокола и колокольный звон	229
-----------------------------	-----

Путешествие по древней библиотеке: летописи, наставнические сочинения и мудрые мысли, в них содержащиеся	233
--	-----

Крылатые выражения из «Повести временных лет» и «Ипатьевской летописи»	234
--	-----

«Наш брат, Исаакий!»	237
----------------------	-----

«Отдать на поток и разграбление»	238
----------------------------------	-----

«Из млад ногтий очисти» 239

«Растекаться мыслию по древу» . 239

Изборник Святослава Ярославича 1076
года 242

«Слово некоего инокa о чтении
книг» 243

Наставление богатым 246

Сборник нравoучений и афоризмов
«Пчела» 250

Сборник нравoучений и афоризмов
«Менандр» 255

Сборник нравoучений и афоризмов
«Изречения Исихия и Варнавы» 257

«Наставление отца к сыну» 259

«Повесть об Акире Премудром» 263

**«Наставление Тверского епископа Се-
мена»** 265

«Поучение детям» Владимира Мономаха	267
Шапка Мономаха	273
«Поучение Григория, епископа Белгородского»	275
«Слово о хмеле»	278
Повести и новеллы об Андрее Боголюбском и Александре Невском	281
«Повесть об убиении Андрея Боголюбского»	282
«Сказание о житии Александра Невского»	286
«Слово о погибели Русской земли»	294
«Легенда о Вороньем камне»	296

Ключи к секретам истории	298
Палеография	300
Метрология	300
Сфрагистика	301
Геральдика	302
Нумизматика	302
Генеалогия	303
Ономастика	303
 Русская генеалогия, сиречь ро- дословие	 305
 Начало и конец благородной дворян- ской науки	 306
 Князья Рюриковичи	 316
 Князья Гедиминовичи	 319
 Новая титулованная знать	 322
 Сказания о начале Москвы	 324
Топонимика столицы России	324

Первое летописное упоминание о Москве	329
Легенды об основании Москвы	331
Легенда	о
киевском витязе—отшельнике Ву-	
коле	333
Легенда об основании Москвы князем	
Олегом	335
Легенда об основании Москвы внуком	
Ноя—Мосохом	337

Юрий Долгорукий 338

339

В. Н. Татищев о Юрии Долгоруком 340

Н. М. Карамзин о Юрии Долгоруком 340

Детство и юность Юрия Владимировича 342

Молодость князя Юрия 345

Зрелые годы князя Юрия Владимировича 347

Братья Мономашичи	349
Всеволод Ольгович—Великий князь Киевский	355
Дальнейшие дела Юрия Долгорукого	358
Последние годы правления	361
Монгольские завоевания и уста- новление ордынского ига	366
Начало монгольских завоеваний	367
Битва на Калке	370
«Батыево нашествие»	375
«Тверская летопись» о событиях 1237– 1238 годов	377

Введение

Старый скептик и вольнодумец, фернейский мудрец Вольтер называл историю «совокупностью преступлений, безумств и несчастий, среди которых замечаются некоторые добродетели, некоторые счастливые времена, подобно тому как среди дикой пустыни там и сям обнаруживаются человеческие поселения». А еще более категоричным в оценке всеобщего хода дел человеческих был мудрец Гегель, сказавший, что «история учит лишь тому, что она никогда ничему не научила народы».

Это сказано об истории всего человечества. Что же касается России, то о ее роковой предопределенности, пожалуй, точнее других выразился Георг Бранде—не очень у нас известный, но у себя на родине, в Дании, по-настоящему знаменитый, — критик, публицист и писатель: «Каждое русское дело непременно должно быть или не по силам тем, кто его предпринимает, или же окончиться неудачей вследствие апатии людей, ради которых оно предпринято».

Полагаю, что и Вольтер, и Гегель видели у истории лишь одну из ее сторон, а она—

многогранна и столь же многолика, как и весь род человеческий, рассеянный его Создателем по лицу Земли, подобно песку морскому на берегах океанов.

Познакомившись с разными религиями, переполненными философией, и множеством философских учений, претендующих не менее чем на новую религию, могу сказать, что история рода человеческого есть не более чем гигантский исторический роман, состоящий из миллиардов томов, неодинаковых по толщине и значению, но все же в совокупности и представляющий Историю человечества. А если это так—а я убежден, что это именно так, — то едва ли есть достаточно обоснованные доводы отыскивать всеобщие законы исторического развития, деля поток Времени на фазы и формации, эпохи и периоды, разыскивая в глубине веков умозрительные отличия одного этапа в развитии производства от другого, то ли в результате появления какого-либо нового учения, то ли по требованию великого правителя, то ли из-за впечатляющего краха многовековой империи.

Я не думаю, что любой из таких или же подобных им принципов универсален. Скорее, всякий из них не более чем условность и часто определяется приверженностью того или иного историка какой-либо доктрине, не важно какой—идеалистической или материалистической. Я же считаю, что история не наука, ибо наука основывается на объективных нерукотворных законах, таких, какие лежат в основании физики и математики, химии и астрономии, когда $2 \times 2 = 4$, вслед за зимой обязательно приходит весна, а состав воды определяется формулой H_2O и в Гренландии и в Африке.

А так как «законы» истории столь же преходящи, как и их смертные творцы, придумывающие их в угоду своим единомышленникам, то мне представляется по меньшей мере несерьезным называть наукой то, что не имеет на то никаких законных оснований.

Если мы согласимся с тем общепризнанным определением науки как сферы человеческой деятельности, целью которой являются описание, объяснение и предсказание процессов и явлений,

составляющих предмет ее изучения на основе открываемых ею законов, то описание и объяснение одних и тех же процессов и явлений разными историками оказываются не только сильно отличающимися друг от друга, но и часто диаметрально противоположными.

Общее здесь только одно: что заключительную часть вышепровозглашенной триады—предсказание—никто из них сделать не может. Поэтому я не придаю значения условной рубрикации общественного бытия человечества, так как представляю себе историю подобной реке, многоводной и величественной, которая в разных местах своего русла то ускоряет, то замедляет бег, то низвергается водопадом, то выходит из берегов, заливая окрестности, но все равно остается единым потоком, как и Время, тоже часто уподобляемое вечно текущей, неостановимой реке; иногда еще говорят, что Время—корабль, никогда не бросающий якоря.

В греческой мифологии есть прекрасный миф о дочери богини раздора Эриды, которой дали имя Леты. Именем Леты в царстве мертвых бы-

ла названа река, испив из которой один глоток души мертвых забывали свою прежнюю жизнь. Однако легенда эта прекрасна тем, что рассказала и еще об одном источнике, названном именем Мнемосины, — источнике памяти.

Наверное, совсем не случайно мудрые греки сделали Мнемосину одной из жен верховного бога—Зевса, которому она родила девять прекрасных дочерей, девять муз—покровительниц поэзии, искусств и наук. Их называли музами, потому что по-гречески слово «музы» означало «мыслящие», и, таким образом, разум и память воспринимались как нерасторжимое единство, противостоящее беспamięтству, с которым связывалось представление о безумии и смерти, ибо река Лета вела в царство мертвых. А живые припадают устами к источнику памяти и преклоняются перед дочерью Мнемосины, музой Истории—Клио, помня, что история сопровождает каждого из нас от первого до последнего дня нашей жизни и мы плывем в ее потоке, не всегда пытаясь разобраться в причинах и следствиях окружающих нас событий. И даже уми-

рая, человек не выходит из такого потока, оставляя потомству свои дела, свои мысли и память о себе, какая была заслужена им.

Вместе с этим человек приходит в мир не на голое место—не в пустыню и не на целину, но на богатую ниву, возделанную неустанным трудом многих предшествовавших ему поколений. Я надеюсь, что материалы этой книги станут еще одним доказательством, что История—«философское художество людского бытия» и что нет ей равных среди иных искусств, составляющих свиту Аполлона, по мощи воздействия на умы и души людей, по силе просвещения и глубине нравственного проникновения самым коротким и простым путем—путем прямой апелляции к сердцу человека.

Становление цивилизации

Время, календари, летосчисление

Одним из первых признаков возникновения цивилизации—слова, тождественного понятию «культура», как материальная, так и духовная, — является появление календаря. Само слово «календарь» произошло от латинского «календариум»—названия древнеримской долговой книги, по которой должники платили проценты. Взимание процентов происходило в первый день месяца, называемого календою. И подобно тому как цивилизованный человек определял свое местонахождение в окружающем мире—верно или неверно, но как-то все же определял, — так же должен был устанавливать и свое место в непрерывном потоке времени.

Сначала счет времени велся по суткам—смене

дня и ночи, потом по пальцам—пять и десять суток, отсюда пошли и декады—от латинского «децем» (десять), – сохранившиеся в нашем языке и сегодня.

В языческой дохристианской Руси времясчисление велось по лунно-солнечному календарю. По этому календарю каждые 12 лет считали по 12 месяцев, а следующие 7—по 13. Этот цикл в 19 лет в 433 году до н. э. предложил древнегреческий астроном Метон (родился около 460 года до н. э. – год смерти неизвестен). Этот «Метонов цикл» был известен и древним славянам. (Лунно-солнечный календарь сохранился до наших дней в Израиле и применяется в христианской церкви для вычисления дня Пасхи.)

Древнеславянский языческий календарь имел следующие месяцы: январь—просинец (появилась просишь, становилось светлее), февраль—сечень (время рубки леса для освобождения земли под пашню), март—сухой, а иногда—просыхала, апрель—березень (начало цветения березы), май—травень, июнь—изок («изок» по-древнерусски—«кузнечик»), июль—червень, или

серпень (начало жатвы серпами), август—зарев (от слова «зарево»), сентябрь—рюень (от слова «вырывать», хотя выдающийся русский лексикограф Владимир Иванович Даль производил его название от слов «рев оленей»), октябрь—листопад, ноябрь и декабрь—грудень (от слова «груда», как называлась мерзлая колея на дорогах), другим названием ноября и декабря было «студень» (от слова «стужа»).

С введением на Руси христианства (о чем речь пойдет впереди) был принят новый, так называемый юлианский календарь с римскими наименованиями месяцев, которые сохранились до наших дней, и семидневной неделей. Этот календарь был введен в 46 году до н. э. Юлием Цезарем (отсюда и название—юлианский). По этому календарю год начинался с марта, а месяцы имели разное количество дней—от 28 до 31 (семидневная неделя была установлена значительно позже). На Руси юлианский календарь «наложился» на летосчисление, принятое в Византии, откуда и пришло на Русь христианство. В Византии счет годам шел не от Рождества Христова,

как в Западной Европе, а от Сотворения мира. А так как по Библии считалось, что Христос родился через 5508 лет после Сотворения мира, то разница между византийской эрой и ныне принятой у нас христианской и будет равна 5508 годам.

Так, например, если Ледовое побоище произошло по летописи в 6750 году от Сотворения мира, то наше летосчисление определяет это событие в 1242 году от Рождества Христова ($6750 - 5508 = 1242$. – В. Б.).

Следует иметь в виду и то, что год на Руси до 1492 года мог начинаться и в марте и в сентябре. В первом случае из даты Византийской эры вычиталось 5508, а во втором—5509.

С 1492 года новый год на Руси начинался только с 1 сентября. Так было до реформы календаря, предпринятой Петром I в декабре 1699 года.

По реформе календаря, проведенной Петром 115 декабря 1699 года, начало следующего года устанавливалось с 1 января. Причем вслед за 31 декабря 7208 года от Сотворения мира наступило 1 января 1700 года от Рождества Христова, как и

в большинстве европейских стран, но с разницей в одиннадцать дней. В XIX веке поправка составляла двенадцать дней, а в XX веке—тринадцать в сторону отставания «старого» русского стиля от стиля, принятого в большинстве европейских стран.

Это счисление времени было изменено декретом от 26 января 1918 года, когда в нашей стране календарь стал таким же, как и в большинстве стран мира.

Восточнославянские племена

О том, какую систему счисления лет приняли в Древней Руси, определив тем самым свое место во времени, мы уже знаем. Вторым, не менее важным признаком цивилизации является определение своего места на Земле. Где обитает твой народ и с кем он соседствует, что находится за пределами хорошо известной территории и какова Ойкумена, то есть вся населенная человечеством часть планеты, – вот вопросы, на которые должны были отвечать грамотные люди, занимавшиеся историей своего народа. (О приходе на Русь грамоты и о появлении первых грамотных людей будет рассказано дальше.)

Предки русских, украинцев и белорусов в далеком прошлом составляли единый народ. Гово-

рили они на одном—древнерусском—языке и назывались великороссами, малороссами и белороссами (последнее название произошло оттого, что в Белой Руси большинство людей отличались светлыми, белесыми, волосами и белой, ничем не крашенной, домотканой одеждой). Они знали, что принадлежат к родственным племенам, которые именовали себя славянами. Название свое славяне производили от «славы». Второе свое название—«словене»—объясняли они тем, что их следует считать «разумеющими слово», тех же, кто не понимал их языка, называли они немцами (от слова «немой»).

По свидетельству западных хронистов, получивших письменность раньше, чем славяне, эти народности, населявшие восточную, юго-восточную и часть Центральной Европы, отличались отвагой, храбростью, презрением к физической боли и такой честностью, что вместо клятвы говорили: «Да будет мне стыдно», — и слова своего никогда не нарушали. Кроме того, были они чрезвычайно гостеприимны и, уходя из дома, не только не запирали дверей, но оставля-

ли на столе хлеб и молоко для любого прохожего.

Какие же славянские племена обитали на территории, впоследствии известной как Древняя Русь?

Если мы двинемся по Восточно-Европейской равнине с севера на юг, то перед нами последовательно появятся 15 племен.

1. Ильменские словене, центром которых был Новгород Великий, стоявший на берегу реки Волхов, вытекавшей из озера Ильмень и на чьих землях стояло немало других городов, отчего соседние с ними скандинавы называли владения словен «гардарикой», то есть «землей городов».

Это были: Ладога и Белоозеро, Старая Русса и Псков. Свое имя ильменские словене получили от названия озера Ильмень, находящегося в их владениях и называвшегося также Словенским морем. Для жителей, отдаленных от настоящих морей, озеро длиною в 45 верст и шириною около 35 казалось огромным, потому и носило свое второе название—море.

2. Кривичи, жившие в междуречье Днепра, Волги и Западной Двины, вокруг Смоленска и

Изборска, Ярославля и Ростова Великого, Суздаля и Мурома.

Их название происходило от имени основателя племени князя Крива, получившего прозвище Кривого от природного недостатка. Впоследствии кривичем называли в народе человека неискреннего, лживого, способного кривить душой, от которого не дождешься правды, но столкнешься с кривдой. (На землях кривичей впоследствии возникла Москва, однако об этом вы прочтете дальше.)

3. Полочане расселялись на реке Полоти, при ее впадении в Западную Двину. На месте слияния двух этих рек и стоял главный город племени—Полоцк, или Полотск, название которого производят и по гидрониму: «река по границе с латышскими племенами»—латами, летами.

К югу и юго-востоку от полочан обитали дреговичи, радимичи, вятичи и северяне.

4. Дреговичи жили на берегах реки Припять, получив свое имя от слов «дрегва» и «дряговина», означающих «болото». Здесь находились города Туров и Пинск.

5. Радимичи, обитавшие в междуречье Днепра и Сожи, назывались по имени их первого князя Радима, или Радимира.

6. Вятичи являлись самым восточным древнерусским племенем, получив свое название, подобно радимичам, от имени своего прародителя—князя Вятко, что представляло собою сокращенное имя Вячеслав. В земле вятичей располагалась старая Рязань.

7. Северяне занимали поречье Десны, Сейма и Сулы и в древности были самым северным восточнославянским племенем. Когда же славяне расселились до Новгорода Великого и Белоозера, они сохранили свое прежнее название, хотя изначальный его смысл оказался утраченным. В их землях стояли города: Новгород Северский, Листвен и Чернигов.

8. Поляне, населявшие земли вокруг Киева, Вышгорода, Родни, Переяславля, назывались так от слова «поле». Обработка полей стала главным их занятием, что привело к развитию сельского хозяйства, скотоводства и животноводства. Поляне вошли в историю как племя, в большей

степени, чем другие, способствовавшее развитию древнерусской государственности.

Соседями полян на юге были русь, тиверцы и уличи, на севере—древляне и на западе—хорваты, волыняне и бужане.

9. Русь—название одного, далеко не самого крупного восточнославянского племени, которое из-за своего имени стало наиболее знаменитым и в истории человечества, и в исторической науке, ибо в спорах вокруг его происхождения учеными и публицистами было поломано множество копий и пролиты реки чернил. Многие выдающиеся ученые—лексикографы, этимологи и историки—производят это название от почти повсеместно принятого в IX—X веках имени норманнов—русы (руссы). Норманны, известные восточным славянам под именем варягов, завоевали около 882 года Киев и окружающие его земли. Во время своих завоеваний, происходивших 300 лет—с VIII по XI век—и охвативших всю Европу—от Англии до Сицилии и от Лиссабона до Киева, — они оставляли иногда за покоренными землями свое имя. Так, например, территория, завоеванная норман-

нами на севере Франкского королевства, получила название Нормандия.

Противники этой точки зрения считают, что название племени произошло от гидронима—речки Рось, откуда впоследствии и вся страна стала называться Россией. А в XI–XII веках Русью стали называть земли руси, полян, северян и радимичей, некоторые территории, населенные уличами и вятичами. Сторонники этой точки зрения рассматривают Русь уже не как племенной или же этнический союз, но как политическое государственное образование.

10. Тиверцы занимали пространства по берегам Днестра, от его среднего течения до устья Дуная и берегов Черного моря. Наиболее вероятным кажется происхождение их названия от реки Тивр, как древние греки называли Днестр. Их центром был город Червень на западном берегу Днестра.

Тиверцы граничили с кочевыми племенами печенегов и половцев и под их ударами отошли на север, смешавшись с хорватами и волынянами.

11. Уличи были южными соседями тиверцев, занимая земли в Нижнем Поднепровье, на берегах Буга и побережье Черного моря. Их главным городом был Пересечень. Вместе с тиверцами они отошли на север, где и смешались с хорватами и волынянами.

12. Древляне жили по течению рек Тетерев, Уж, Убороть и Свига, в Полесье и на правом берегу Днепра. Их главным городом был Искоростень на реке Уж, а кроме того, были еще и другие города—Овруч, Городск, несколько иных, названий которых мы не знаем, но следы их остались в виде городищ. Древляне были самым враждебным восточнославянским племенем по отношению к полянам и их союзникам, образовавшим древнерусское государство с центром в Киеве. Они были решительными врагами первых киевских князей, даже убили одного из них—Игоря Святославовича, за что князь древлян Мал, в свою очередь, был убит вдовой Игоря, княгиней Ольгой.

Древляне жили в густых лесах, получив свое имя от слова «древо»—дерево.

13. Хорваты, жившие вокруг города Перемышль на реке Сан, именовали себя белыми хорватами, в отличие от одноименного с ними племени, жившего на Балканах. Название племени производят от древнеиранского слова «пастух, страж скота», что может свидетельствовать о главном его занятии—скотоводстве.

14. Волыняне представляли собою племенное объединение, образовавшееся на территории, где ранее проживало племя дулебов. Волыняне селились по обоим берегам Западного Буга и в верховьях Припяти. Их главным городом был Червень, а после того как Волынь была завоевана киевскими князьями, на реке Луге в 988 году был поставлен новый город—Владимир-Волынский, который дал название образовавшемуся вокруг него Владимир-Волынскому княжеству.

15. В племенное объединение, возникшее на месте обитания дулебов, входили кроме волынян и бужане, размещавшиеся на берегах Южного Буга. Существует мнение, что волыняне и бужане были одним племенем, а их самостоятельные названия произошли только вследствие

различных мест обитания. По данным письменных зарубежных источников, бужане занимали 230 «городов»—скорее всего, это были укрепленные городища, а волыняне—70. Как бы то ни было, но эти цифры свидетельствуют о том, что Волынь и Побужье были заселены довольно плотно.

* * *

Что же касается пограничных с восточными славянами земель и народов, то эта картина выглядела так: на севере жили финно-угорские племена: черемисы, чудь заволочская, весь, корела, чудь; на северо-западе обитали балтославянские племена: корсь, земигола, жмудь, ятвяги и пруссы; на западе—поляки и венгры; на юго-западе—волохи (предки румын и молдован); на востоке—буртасы, родственная им мордва и болгары волжско-камские. За пределами этих земель лежала «терра инкогнита»—неведомая земля, о которой восточные славяне узнали лишь после того, как их познание мира очень сильно раздвинулось с появлением на Руси новой

религии—христианства, а вместе с тем и письменности, которая была третьим признаком цивилизации.

Хлеб насущный

Прежде чем мы заговорим о хлебе духовном, каким являлись письменность и грамотность, познакомимся с сюжетами, касающимися хлеба насущного.

Одной из важнейших реалий человеческого бытия является пища. Жизнь во многом зависит от того, насколько легко или трудно достается она человеку и что из себя представляет.

Воистину, для того чтобы жить, человеку нужно есть, пить и одеваться. Поэтому время от времени будем обращаться к этому сюжету и мы.

Традиционно считается, что у предков русских, украинцев и белорусов с древнейших времен важнейшим продуктом питания был хлеб. Это и так, и вместе с тем не так.

В Приднестровье, на черноземных землях, предки восточных славян сеяли и собирали разнообразные злаки.

Первое место в посевах занимала рожь, из которой после помола пекли черный хлеб. Именно рожь была основным хлебным злаком, кормившим простых людей. Об этом свидетельствовали поговорки: «Матушка-рожь кормит всех дураков сплошь, а пшеничка—по выбору»; «Черный хлеб—не голод, посконная рубаха—не нагота». «Тот и хорош, у кого родилась рожь», — говорили об удачливом земледельце. И замечали: «Съешь и ржаного, коль нет никакого». Следом за рожью шла пшеница, бывшая питанием более обеспеченных жителей сел и городов. Из пшеничной муки пекли хлеб белый. Широкое распространение в Древней Руси получило и просо, из которого приготавливалась пшенная каша. Столь же популярным был и ячмень—самый неприхотливый, морозоустойчивый злак, культивировавшийся в северных районах Руси.

Рожь, пшеница, просо и ячмень представляли собою разные сорта хлебных растений, об-

щим свойством которых было то, что и каждое из них в отдельности, и все они вместе составляли главную пищу для русских людей—хлеб. К хлебу на Руси относились как к святыне, считая его даром Божиим. Так и говорили: «Хлеб—дар Божий, отец-кормилец»; «Хлеб всему голова»; «Хлеб греет, а не шуба»; «Не будет хлеба—не будет и обеда»; «Хлеба ни куска, так и в тереме тоска, а хлеба край, так и под елью рай»; «Хлеб на столе, и стол—престол, а хлеба ни куска—и стол доска»; «Зимой без шубы не стыдно, а холодно, а в шубе без хлеба и тепло, да голодно».

На протяжении тысячи лет хлеб на Руси оставался основной пищей простых людей, и потому неурожай хлеба влек за собою голод, поражавший страну вплоть до XX века.

Однако не только хлебные злаки культивировали в Древней Руси.

На корм лошадям выращивался овес. Так как коней было много, то и посевы овса были весьма значительными. О значении овса в питании лошадей из разных веков отечественной истории дошли до наших дней такие пословицы и

поговорки: «Не лошадь везет—овес едет»; «Не гладь лошадь рукой—гладь овсом»; «Не спеши кнутом—спеши овсом», то есть «Не погоняй кнутом—погоняй овсом».

Все только что сказанное в полной мере относилось к южным районам Древней Руси. А в Новгороде и окрестностях хлеба почти не выращивали из-за скудных, болотистых земель и плохого климата. В Новгороде ловили рыбу, били и ловили зверей: рысей, белок, куниц, выдр, бобров, соболей, лисиц, медведей. Охотились на туров (первобытных быков), зубров (первобытных бизонов), лосей, ланей, косуль, кабанов, зайцев, мясо которых шло в пищу и на продажу или на обмен. Славяне собирали в лесах мед диких пчел, грибы и ягоды, добывали соль. Затем меняли меха, мед и соль на хлеб и ремесленные изделия.

В рацион славян входили блюда, которые готовились из мяса домашних животных и птиц. Археологические раскопки древних восточнославянских поселений свидетельствуют, что в хозяйстве горожан и сельских жителей—а следует иметь в виду, что и в городах и в деревнях хо-

зяйство было одинаковым, — выращивались лошади и коровы, овцы и козы, волы и свиньи, а из птиц—куры, гуси, утки, голуби, лебеди. Причем голуби и лебеди считались более изысканной пищей, чем куры или утки. Дикие ягоды—клюква, брусника, смородина, малина—и разные виды грибов дополняли стол древних славян.

Напитки восточных славян

Выдающийся знаток истории пищевых продуктов, напитков и мировой кулинарии В. В. Похлебкин писал, что на Руси основным сырьем для производства напитков стали естественные продукты лесов: ягодные соки (брусничный, малиновый, клюквенный, морошковый, черничный), березовый сок и чрезвычайно ароматный мед диких лесных пчел.

Первоначально у язычников-русов самым популярным был березовый сок, с течением времени он был вытеснен «питным медом», приготовляемым из смеси ягодных соков, доведенных до состояния морса, с медом диких пчел, который затем подвергался многолетней выдержке.

«Питный мед» превратился в одну из самых

выгодных статей русского экспорта за рубеж, а на Руси его потребителем остался узкий круг властителей и богачей всякого рода. Первое упоминание о большом народном гулянии, сопровождавшемся «великим возлиянием», связано с принятием в Киеве христианства.

На следующий год после похода на Корсунь в Киеве, на том самом холме, где прежде стояло капище Перуна, была заложена первая каменная православная церковь. Десятинная церковь, названная так оттого, что на ее содержание шла одна десятая часть княжеской казны, посвящена была Богородице, ставшей с самого начала христианства на Руси ее небесной покровительницей. Ее освящение произошло через пять лет после начала строительства—в 996 году, 11 мая. День освящения был избран с глубоким смыслом: именно 11 мая в Константинополе традиционно отмечался день основания города. 11 мая 952 года в Константинополе была освящена и величайшая из цареградских церквей—Святой Софии.

В честь освящения Десятинной церкви Вла-

димир устроил грандиозный восьмидневный пир, на который были созваны все желающие—от бояр и воевод до нищих и убогих. Было сварено 300 провар меду, то есть 3000 пудов. (На современный счет это составляет около 50 000 литров.) Соответственно этому количеству хмельного было подано для многих тысяч гостей и столь же внушительное изобилие съестного.

Хлебный квас

Уже в IX веке стал известен безалкогольный напиток—хлебный квас. Он не только утолял жажду, но и был основой для приготовления почти всей тогдашней пищи.

Из-за того что древние русские семьи нередко состояли из 25–30 человек, представлявших три, а то и четыре поколения родственников, в каждой такой патриархальной семье хранилось не менее тонны кваса.

На квасу готовили окрошки, тюри, ботвиньи, свекольники—русские холодные супы, а также супы горячие—щи и борщи. На квасу делались и

закуски—тертая редька с хреном, репа и морковь.

С квасом приготавливались и мясные блюда: баранина, свинина, медвежатина и зайчатина отваривались или парились в квасе, обретая особый «русский вкус», не сравнимый ни с каким иным.

Все сладкие блюда представляли собою комбинации из меда и ягод с небольшими добавлениями муки, основой которых всегда был квас. Такими были и кулаги, называвшиеся также саламатами, которые медленно парили на квасу от суток до двух, а то и трех.

Квасом запивали соленые, жирные и мучные блюда, для которых мед ни по вкусу, ни по назначению не годился.

В голодные годы квас превращался в «жидкий хлеб», благодаря тому, что в него добавляли разные травы—мяту, чебрец, душицу, липовый цвет, смородиновый лист, — он становился и более калорийным, более вкусным, богатым и витаминами и ферментами.

К XV веку на Руси существовало более 500 сортов кваса, и эксперименты по созданию новых его видов привели к появлению различных видов

зброженного теста, откуда был всего один шаг до производства отечественного пива.

Древнерусское пиво

Производство пива основывалось на соответствующей обработке тех злаков, которые выращивались в том или ином районе Руси.

Так, вокруг Новгорода и Пскова использовался ячмень, а в окрестности Москвы в дело шли рожь и пшеница. Этот этап в развитии пивоварения привел к появлению ржаного хлебного вина, которое с первой половины XV века стало известно под названием «водка». Примерно за полвека до этого появились еще два термина, предшествовавшие водке, – «хлебное вино» и «вареное вино», или «перевар».

Почти сразу же государство ввело монополию на водку, объявив вне закона и изготовление «домашнего вина», аналога и прототипа сегодняшнего самогона.

Брага—первый алкогольный напиток Руси

До появления винокурения существовало три способа производства алкоголя.

Первый—самопроизвольное закисание и сбраживание березового или кленового сока и превращение его в брагу. Он получил развитие, когда вместо древесных соков стали использовать зерно или муку, разводя их в воде и давая закиснуть при помощи солода, дрожжей и прокисшего хлебного теста. Брагу готовили, как правило, 1 марта, то есть на Новый год. (Следует заметить еще раз, что новый год до 1492 года начинался 1 марта, а потом с 1 сентября, пока не произошла реформа календаря, предпринятая Петром I в 1700 году.)

Второй способ—настаивание и выдержка сброженного сусла при производстве ставленого меда. Этот метод требовал очень длительного времени—от пяти до сорока лет—и применялся крайне редко. Рецепт приготовления такого меда содержался в «Домострое»—прекрасном литературном памятнике XVI столетия.

Третий способ—медоварение, производство «питного меда»—отличался от медостава тем, что в мед добавляли воду в пропорции 7:1 и к этой смеси добавляли патоку.

Виноградное же вино с IX по XIV век было привозным из южных стран, и его пили только при княжеских боярских дворах, в домах церковных иерархов и богатых «гостей»—купцов самой высокой гильдии.

Древнерусская корчма

С различными напитками—медом, пивом, брагой, вином, а потом и с водкой—связано в истории России очень многое.

Не было почти ни одного значительного события, которое отмечалось бы без возлияний—будь то рождение ребенка, свадьба, похороны или же постройка избы, спуск на воду корабля, покупка какой-нибудь вещи: сапог или шубы, поросенка или коровы.

Общительность, или, как потом говорили, артельность, свойственная русским людям испокон веку, требовала и соответствующих форм изъясления этих качеств.

Собираться «миром», на котором для русского человека, как известно, и смерть была красна,

издавна стало одним из непременных обычаев. Дома, в избе или же под открытым небом делать это было не всегда удобно, и потому люди часто шли в корчму.

Корчма—общественное заведение во всех славянских землях, где собирались мужчины и женщины для питья и еды, нередко с песнями и музыкой. В корчмах нередко творили суд, разбирали дела между приезжими, там находили приют странствующие и путешествующие.

С XI века корчмы известны и в Древней Руси. В каждом русском городе обязательно была хотя бы одна корчма, а в больших городах было их несколько.

Сначала корчмы были вечевыми и городскими заведениями, а потом перешли в ведение воевод, бояр и князей.

Как только такое происходило, тут же возникало противозаконное корчество: пиво, брагу и хлебное вино начинали творить тайно—у себя в избах, во дворах, в казармах и монастырях. Корчествовали все: и воеводы, и дьяки, и городские головы, несмотря на жесточайшее пре-

следование властей, лишившихся огромных доходов, которые они получали от целовальников—правительственных кабачных сидельцев, торговавших вином.

Развитию корчества способствовал древний русский обычай—платить за работу не деньгами, а водкой. В конце XVII века было объявлено, что корчемником считается тот, кто «вино дает за работу или мастерство больше ведра».

Одежда, обувь и ремесла восточных славян

Давайте познакомимся с тем, какими были ткани в Древней Руси и во что одевались восточные славяне на заре русской истории.

Производством тканей занимались «опонники»—делавшие парчу и другой «красный товар», «ручечники», ткавшие обиходные материи, из которых шили всю детскую, женскую и мужскую одежду. А верхнее платье изготавливалось преимущественно из выделанных кож и сермяги—грубой ткани. Обувью же повсеместно служили лапти и постолы, или поршни, — сандалии из сыромятной кожи. Сапоги же и сапожки были редкостью.

Однако все сказанное выше—лишь самое общее введение в большую и интересную проблему: одежда и обувь восточных славян в древности.

Автор заранее приносит извинения за то, что последующий материал об одежде и обуви будет несколько мозаичен и, по-видимому, не полон. Однако о главных предметах древнерусского гардероба будет рассказано.

Лапти

По-видимому, мы не сделаем ошибки, если, отыскивая самый древний и самый распространенный вид обуви на Руси, отдадим предпочтение лаптям.

Лапти испокон веков были главной обувью крестьян—и мужчин и женщин. Этимологи по-разному объясняют происхождение и смысл этого слова, однако наиболее убедительным кажется производство его от слова «лапа», ибо лапой в простонародье часто называли стопу ноги. А лапоть как раз и обувал стопу, иногда закрывая ногу до щиколотки.

Лапти плелись из лыка различных деревьев—липы, из мочала—липового дуба, размоченного и разодранного на волокна. Делались лапти и из коры ракиты («верзни»), и из коры ивы («ивняки»), вяза («вязовики»), березы («берестяники»), дуба («дубовики»). Но не только лыко и кора деревьев шли на изготовление лаптей, их делали из ветлы, вербы, ракиты, то есть различных видов лозы, а также из пеньковых оческов, старых веревок («чуни» и «шептуны») и из кон-

ского волоса—грив и хвостов («волосянки»), и даже из соломы («соломенники»).

Для изготовления пары лаптей обдирались три молодые липы, именно молодые, потому что только деревья 4–6 лет способны давать лучшее лыко для лаптей, а мужику пары лаптей хватало максимум на одну неделю.

Потому и существовала поговорка: «В дорогу идти—пятеры лапти сплести!» Лаптем называли и простодушного человека, лапотником—крестьянина, а ведь лапти были хороши для любого времени года: зимой были они теплы, летом—прохладны.

А вместе с тем были они очень красивы: их плели из материалов разных цветов, в прямую и в косую линейку, а иногда и в клетку, чаще лапти плелись без затей и назывались «простоплеткой». Нередко лапти были симбиозом многих материалов: лыка, пеньки, веревки и даже кожи.

Примечательно, что лапти плелись на одну ногу, без различия левой и правой.

В русском языке осталось множество пословиц и поговорок, связанных с лаптями. Вот неко-

торые из них: «Жениться—не лапоть надеть», «Лапти подковырки не стоят», «Это—как лапоть сплесть», «Без снаряда и лапоть не сплесть», «Сапог с сапогом, лапоть с лаптем», «И мы не на руку лапоть обуваем», «Не берись лапти плести, не надравши лык», «Лапти плетешь, а концов хоронить не умеешь», «Путает, словно кашу в лапти обувает», «Станешь лапти плесть, коль нечего есть», «Правда в лаптях, а кривда хоть и в кривых, да в сапогах».

Сапоги

Теперь расскажем о сапогах, которые в предыдущем очерке столь часто оказывались рядом с лаптями.

Для того чтобы не возвращаться к этому сюжету впредь, выйдем за хронологические рамки Древней Руси и сообщим о сапогах времен более поздних.

Сапоги, как и лапти, были и мужской и женской обувью с голенищами различной длины, из кожи или ткани. Существует множество версий

о происхождении этого слова. Ученые-этимологи находят корни названия «сапог» и в старославянском, и в прибалтийских, и в монгольском, и в тюркских языках. Однако общее у всех этих слов то, что в каждом из них первоначальный смысл заключен в определении формы слова.

Это—дымоход, трубка, сабля, стебель, а в маньчжурском и печенежском языках «саб» и «сапай»—«обувь с голенищем». Как бы то ни было, но сапоги получили широкое распространение во времена татаро-монгольского ига. Они имели загнутые кверху носы, что свидетельствовало об их восточном происхождении, и были удобны для верховой езды. Сапоги всегда противопоставлялись лаптям и постолом—обуви простолюдинов—и были принадлежностью чаще всего воинов и состоятельных людей из других слоев общества.

Выходные, нарядные сапоги шились из цветной кожи или бархата, расшивались шелком, жемчугом, а то и драгоценными камнями.

Австрийский посол в Москве, барон Сигизмунд Герберштейн, побывавший в России в пер-

вой трети XVI столетия, так описывал сапоги москвичей: «Сапоги они носят красные и очень короткие, так что они не доходят до колен, а подошвы у них подбиты железными гвоздями».

Одежда простонародья—рубаха, порты и понёва

Одежда простых людей была в Древней Руси весьма незамысловатой: мужчины носили портки (порты) – штаны из грубого полотна—и длинные рубахи такого же качества. Женщины одевались в рубахи и платья бесхитростного покроя, с течением времени усложняя и совершенствуя свой гардероб. Древнейшим элементом женской одежды была понёва, набедренная одежда замужних женщин, которую носили поверх рубахи.

Аksamит—византийский бархат

По-иному обстояли дела у людей богатых и знатных. Кроме обиходной одежды, изготавливавшейся из лучших сортов полотна, их платье ши-

лось не из домотканого холста, а из иноземных тканей, привозимых купцами из дальних стран— Византии, Китая, Ирана.

Древнерусская знать носила одежду из аксамита—ткани ручной выработки, похожей на бархат. Это была чаще всего золотая или серебряная материя, плотная и ворсистая, с травами, узорами и разводами разных цветов. Аксамит привозили на Русь из Византии, и он шел на нужды княжеских дворов, считаясь принадлежностью высокородных особ.

Аksamит спадал с фигуры большими жесткими складками, придавая фигуре особенные достоинство и величие.

Он вышел из моды после 1717 года, когда в России стали работать первые мануфактуры по производству шелковых тканей и парчи.

Атлас—китайский шелк

Атлас—шелковая блестящая ткань, название которой произошло от арабского слова «атлас», что означает «гладкий». Появился он в Древ-

ней Руси еще в домонгольский период, сохранив свою привлекательность на протяжении тысячи лет. Чаще всего атлас завозили из Китая по Великому шелковому пути, проходившему и через Византию. Атласные ткани завозились и из других восточных стран: Египта, Персии, Леванта и др.

Первые перчатки на Руси

В Древней Руси знатные люди носили и перчатки, изготавливавшиеся из кожи или сукна, парчи или бархата. Перчатки отделялись по внешней стороне вышивкой, кружевами, жемчугом или даже драгоценными камнями.

Япончица не из Японии

В Древней Руси распространена была и широкая, просторная накидка с капюшоном—япончица, которую впоследствии стали называть епанчой. Завезена она была с арабского Востока.

Ее носили чаще всего как дождевик; для того

чтобы епанча лучше оберегала от влаги, сукно или войлок, из которого была она сделана, пропитывали олифой.

В конце XVII века епанча с драгоценной застежкой под подбородком, расшитая цветными узорами, превратилась в торжественную придворную одежду, а в XVIII веке стала форменной одеждой солдат и офицеров, напоминая современную армейскую плащ-палатку.

Клобук

В конце XI—начале XII века, вскоре после принятия на Руси христианства, монахи и монашествующие священники стали носить черные округлые шапочки с покрывалом, опускающимся на плечи и грудь. По плечам концы покрывала имели плавные вырезы. В более поздние времена монахи и почти все монашествующие священнослужители носили черные клобуки. И только митрополиты и патриархи носили клобуки белого цвета.

Архиепископы и митрополиты на лобной части клобука имели крест, как знак их высокого

достоинства.

В народе отношение к клобуку, как знаку монашествующему, определялось оценкой того состояния, в котором находились ушедшие в монастырь. Жалея монахов, отказавшихся от мирских соблазнов, говорили: «Дожила голова до черного клобука». А те, кто полагал принятие монашества ничего не значащим поступком, говорили: «Нашел чернец клобук—не скачет, а потерял—не плачет».

Древнерусские ремесла

Познакомившись с самыми необходимыми элементами бытия—пищей, питьем и одеждой, — коротко коснемся и иных сторон жизни восточных славян, обратив внимание на их рукотворчество, которое называлось и рукоремеслом.

Глиняная обожженная посуда, сделанная иногда вручную, но чаще на гончарном круге, являет нам и корчаги, и кринки, и миски, и чашки, и даже игрушечную детскую посуду. Изделия из металла выковывались кузнецами, железо для

которых выплавлялось из болотных, озерных и дерновых руд в специальных домнах, называемых крицами. Домники, или кричники, отдавали железо кузнецам, и те делали из него сошники и серпы, оковки для лопат, ножи и гвозди, подковы и стремяна, ключи и замки, скобы и косы. Для воинов ковались мечи, боевые топоры, наконечники стрел и копья, кольчуги и шлемы, щиты и нагрудники, а позже—поручи и поножи.

Немало обиходных предметов—от котлов до булавок—делалось из меди, а серебряных и золотых дел мастера изготавливали множество прекрасных украшений и предметов роскоши—колец, серег, называемых височными кольцами, ковшей и кубков, пряжек и наградных цепей и ожерелий.

Кроме доменщиков, кузнецов и ювелиров известны (уже из летописей и сказаний) скорняки-кожевники—«усмари», потому что выделанная кожа называлась «усма». Это—сафьянники, сапожники, седельники, тульники, делавшие колчаны («колчан» по-древнерусски—«тула»). А самым распространенным строительным материа-

лом было дерево. Древнюю Русь часто называли «деревянной», противопоставляя ее «каменной» Европе. Потому и самым распространенным ремеслом было «плотницкое дело».

Из дерева строились дома и кремли, мосты, позднее—церкви, хотя издавна в ходу были и кирпич и черепица.

Все изделия ремесленников можно было купить или обменять на торжищах. Торговые и обменные пункты назывались у восточных славян погостами—от слова «погостить», отсюда же произошло слово «гость»—в значении «купец». Больше всего погостов было на берегах главной торговой дороги—Днепра. С течением времени на погостах стали устраиваться ярмарки. (Это слово пришло из немецкого языка: «яр»—год и «маркт»—торговля, — так как в Новгороде чаще всего бывали немецкие купцы.) Однако ярмарки собирались не раз в год, а гораздо чаще, как правило, открывались они в пятницу, и именно в этот день торговцы брали товар, а с появлением денег—и деньги под честное слово. Отсюда (одна из многих версий) происходит пословица «семь

пятниц на неделе».

Таким вот в самых общих чертах было телесное, или, как стали говорить позже, материальное, бытие. Однако не хлебом единым жил человек, ибо кроме этого был он существом духовным, что и отличало его от всех иных живых созданий, обитающих на Земле.

В отличие от них он задумывался над тем, кто он и что есть мир, существующий вокруг него.

Религия, обряды и обычаи восточных славян

Религия язычников-славян

Современный украинский историк Я. Е. Боровский так писал об обрядах и обычаях славяноязычников в книге «Мифологический мир древних киевлян»: «С древнейших времен, еще задолго до принятия христианства, наши предки обожествляли непонятные им силы природы и поклонялись рекам, озерам, источникам, деревьям и животным».

Летопись, рассказывая о восточных славянах, отмечает разнообразие их языческих обрядов: «...имели обычаи свои, и законы отцов своих и предания, и каждые свой нрав». Эти слова относятся к племенам полян, древлян, дреговичей, полочан, кривичей, северян, радимичей, вятичей.

Особо летописец выделяет полян, которые почитают «обычай отцов своих, кроткий и тихий, и перед снохами своими и сестрами, матерями и родителями, перед свекровями и деверями великую стыдливость имеют». У полян существовал брачный обычай, по которому зять не ходил брать невесту. Ее приводили накануне, а на следующий день приносили за нее, «кто что даст». А вот древляне, ближайшие соседи полян, браков не знали, они похищали себе девиц возле воды и жили «по-скотски». Подобные обычаи были у радимичей, вятичей и северян. Жили они в лесу, отмечает летописец, как звери, браков не имели, а устраивали игрища между селами.

Сходились на эти игрища, на танцы и на всякие бесовские песни и здесь умыкали (похищали) себе жен по сговору с ними.

В летописных описаниях замечаем резкий контраст между племенами. Нестор-летописец, составлявший «Повесть временных лет» в 1113 году в Киеве, хвалил крещенных в свое время полян и, наоборот, показывал довольно неприглядную жизнь других племен, которые «жили в ле-

су, как звери», и придерживались еще языческих обычаев.

Поляне (и особенно киевляне) находились на более высоком уровне развития, чем северные племена, из-за чего и названы мудрыми и смыслеными. Они строят города, придерживаются добрых обычаев отцов, имеют правильные семейные взаимоотношения. . .

Рассказ о полянах-язычниках относится к известному сказанию об основании Киева тремя братьями—Кием, Щеком и Хоривом.

Интересно, что в «Истории Российской» В. Н. Татищева (XVIII в.) сообщение о почитании полянами озер, колодцев и деревьев дополнено строками, которых нет ни в одном из летописных списков. Имеется в виду почитание киевлянами Солнца, Огня и других богов: «Эти мужи были мудры и смыслены, называются они полянами и до сего дня, верою же были тогда язычниками, приносили они жертвы озерам, колодцам и рощениям. Солнце и огонь и других почитали как богов, как и другие язычники творят».

Эволюция язычества в Древней Руси

Сведения о древних верованиях киевлян (а в широком понимании—восточных славян) в памятниках письменности указывают на несколько периодов языческого мировосприятия древних. Первоначально они поклонялись озерам, колодцам и рощам, небесным светилам и лишь позднее стали представлять грозных богов в человеческом облике (антропоморфные божества).

Интересно, что периодизацию истории славянского язычества предложил еще в начале XII века киевский книжник. По мнению исследователей, он происходил из митрополичьих клирошан киевской Софии, ставшей центром борьбы с язычеством и двоеверием на Руси. Направля-

ясь по делам русской митрополии к константинопольскому патриарху, книжник в пути заинтересовался греческим текстом «Слова Григория Богослова», перевел его, кое-что опустил и сделал ряд дополнений о русском язычестве, его мифологии и обрядах. Так возник древнерусский текст «Слова о том, как язычники поклонялись идолам и приносили им жертвы» («Слово об идолах»).

В первом обширном дополнении говорилось о том, что славяне продолжали молиться старым языческим богам и приносили им жертвы. Перечисляются вилы, Мокошь, Дева, Перун, Хорс, Род, Рожаницы, упыри, берегини, Переплут и Сварожич. Указывается на разные обычаи: питье из рогов, баня для предков, обрядовое печенье...

Другое дополнение относится к периодизации славянского язычества. Вначале, отмечает автор «Слова...», древние почитали упырей и берегинь, что, по мнению Б. А. Рыбакова, осмысливается как дуалистический анемизм далекой первобытности, когда люди верили в духов, думали, что божество живет в образе духов в предметах и

явлениях, а скалы, растения и животные имеют бессмертную душу. Позже распространился культ рода и рожаниц, которым приносились жертвы и устраивались пиры в их честь. В исследованиях Б. А. Рыбакова Род—древнее земледельческое божество Вселенной, а рожаницы—божества благополучия и плодородия. Род—верховное божество неба и земли. По представлениям древних, Род находился на небе, распоряжался дождем и молнией, с ним связаны источники воды на земле, подземный огонь. От него зависел урожай земледельца (слово урод в восточнославянских языках употреблялось в значении урожай). Род дает жизнь всему живому, а отсюда целый ряд понятий: народ, природа, родня, родить, рождать, рожаницы. Праздник Рода и рожаниц—это праздник урожая по окончании обмолота.

Позже появился на Руси культ Перуна, заменившего старых богов. Бог грозы и молнии стал государственным культом Древней Руси в связи с развитием дружинно-военного элемента в обществе.

С введением христианства язычество, по сло-

вам автора «Слова об идолах», отступило на «украины», где люди и в его время молились «проклятому богу Перуну», а также Хорсу, Мокоше и вилам, однако делали это тайно. Последний период характеризуется как двоеверие, с которым церковники вели упорную и длительную борьбу.

Водяные культы и праздник Купалы

В древних памятниках довольно часто говорится о водяных культах язычников. Прежде всего это молитвы у воды, жертвоприношения. Жертву клали или выставляли на берегу, и ее должна была поглотить боготворимая стихия. Некоторые старинные памятники (например, «Слово Иоанна Златоуста о том, как поганные кланялись идолам») объясняют, из чего состояла такая жертва. Оказывается, в воде топили кур. Это известие подтверждается сообщением Льва Диякона, согласно которому воины Святослава погружали в воды Дуная живых петухов. Безусловно, среди русских воинов было много киевлян.

Славяне считали воду стихией, из которой

образовался мир, а поэтому и поклонялись ей. Они населяли воды различными божествами—морьянами, водяными, русалками. Боготворились ими и особые женские водяные существа—берегини, культ которых связан с водой. О почитании берегинь осталось немало свидетельств в речах проповедников против язычества. В том же «Слове Иоанна Златоуста» сказано, что на Руси поклонялись «и речкам, и источникам, и берегиням».

По представлениям древних, поклонение воде и источникам должно было спасать от засухи, орошать поля. Поклоняясь водяным божествам, восточные славяне клялись ими, очищались водой как священной стихией, приносили в жертву цветы, пищу, кур. Водяным существам посвящались особые праздники для свершения перед ними торжественных служб и обрядов. Такие праздники возле воды отмечались и в начале и в середине лета.

Летний праздник с 23 на 24 июня (ст. ст.) происходил возле воды (речек, озер, прудов) в честь древней языческой богини Купалы. Некоторые

исследователи, в том числе и автор «Синописа» 1674 года, считали, что это был праздник Купала—бога земных плодов, урожая, достатка и воды. Однако есть основания считать, что первоначальной была богиня Купала, могущество которой распространялось на все полевые прорастания. То, что под именем мифической Купалы на Руси подразумевалось существо женского рода, подтверждается и обрядовыми играми, где богиню представляло дерево—ива, которое часто упоминается в купальских песнях. Иногда место дерева занимала кукла или девушка, которую называли царицей, купайлой или мареной.

На праздник Купалы возле воды собирались девушки и парни, раскладывали костры, прыгали через них, пели песни, жгли березовую кору. Девушки плели венки и пускали их на воду. Прыганье через огонь, купанье на заре, хороводы вокруг костров имели особый магический смысл—очищение от грехов.

Почитание лесов и рощ

Как указывает летопись, киевляне поклонялись деревьям, то есть почитали леса и рощи, посвящая их богам. Отдельные рощи у славян обожествлялись полностью: в них не разрешалось ловить птиц, зверей, рубить деревья. Нарушителей ожидало суровое наказание, иногда смерть. Леса и рощи считались жилищами богов. Поэтому здесь, иногда возле отдельных деревьев, поклонялись божеству, вели богослужение, приносили жертвы. На почитание деревьев у славян указывают иностранные источники, народные предания. В «Уставе» Владимира и церковных судах, например, говорится о тех, «кто молится в роще». О поклонении деревьям упоминается в житии Константина Муромского, о жерт-

воприношениях рощам—в Густынской летописи.

По мнению ученых, почитание священных деревьев наряду с обожествлением воды и культом огня под овином составляют главнейшие черты народной веры наших предков. Эта вера у племен, живших преимущественно земледелием, была связана с сельским хозяйством, то есть эти культы имели хозяйственное значение.

Кроме поклонения воде и деревьям, восточные славяне почитали как особые божества солнце, луну, звезды и огонь.

Обожествление солнца

Солнце почиталось восточными славянами издавна. Недаром арабский писатель X века Аль-Масуди называет славяноязычников солнцепоклонниками.

В апокрифе XII века «Хождение Богородицы по мукам» среди других славянских богов упоминается и бог Солнце. К солнцу как к божеству обращается в плачемолении Ярославна. Вот как об этом пишет автор «Слова о полку Игореве»:

Ярославна рано плачет
в Путивле на забрале, приговаривая:
«Светлое и тресветлое солнце!
Для всех ты тепло и прекрасно.
Зачем, господин, простерло ты горя-
чие свои лучи

на воинов моего милого?

В поле безводном жаждою им луки
согнуло,
горем им колчаны заткнуло?..»

Да и главные герои «Слова о полку Игореве» Олег и Игорь считали себя внуками бога Солнца.

Бесспорно, древний славянин видел в солнце могущественного подателя тепла и света, представляя его раскаленным небесным огнем, колесом, от которого всецело зависели его жизнь и благополучие. Смены времен года вызывали представления об умирающем и оживающем божестве. О солнце говорили как о живом существе: оно пробуждается ото сна, садится, прячется за тучи.

Солнцем клялись при заключении мирных договоров: клятвы и заклинания провозглашались в сторону восхода божественного светила. Часто жрецы, волхвы и другие служители верховного божества на земле выступали от его имени. Красному солнцу, оживляющему всю природу, посвящались и особые праздники—Ивана Купала, Коляды, проводов. Они сопровождались обрядовыми играми, танцами и песнями, в которых лю-

ди прославляли солнце, просили у него дождя и урожая. Однако солнце бывало не только добрым. Как живое существо, оно гневало на людей, иногда приносило и несчастья. В «Слове о полку Игореве» солнце своими горячими лучами губит воинов князя Игоря.

Как видим, более всего почитали славяне светлое-тресветлое солнце. Поэтому и неудивительно, что красному солнцу поклонялись Кий, Щек и Хорив, их воины и рядовые киевляне. Со временем они могли называть солнце Трояном. Недаром имя этого божества четыре раза упоминается в «Слове о полку Игореве» при указании «веков Трояна», «земли Трояна», «тропы Трояна» и «седьмого века Трояна».

Первоначальное значение Трояна заключается в триедином божестве, признававшемся многими религиями древних народов во все периоды человеческой цивилизации. В Древней Руси слово Троян толковали как три солнца в одном, то есть три Яна.

Другие восточнославянские племена, соседи полян, могли называть солнечное божество по-

своему. Поэтому в древних памятниках встречаем такие имена солнца у восточных славян, как Дажьбог, Ярило, Купало, Коляда, Троян.

Почитание огня. Сварог

Другим богом, которого почитали киевляне, был Огонь. В древнейшие времена и во время Кия его могли называть Сварогом. Ведь в представлении древних именно Сварог олицетворял Небо и был богом, зажигающим огонь и дающим жизнь солнцу, то есть был отцом Сварожича и Дажьбога—двух самых могущественных богов на Руси. Кроме того, имя Сварога, верховного бога славян, и его происхождение связывают с санскритскими словами, обозначающими свет, солнце на небе. А это подтверждает, что Сварог в древние времена был богом света, неба и всего мира, подобно древнейшему главному божеству греков Урану.

Верховный

повелитель

ми-

ра, властелин небесного огня Сварог в переводных памятниках XII века отождествляется с греческим Гефестом, богом огня и богом-кузнецом. Так, в рассказе о Свароге-Гефесте в Ипатьевской летописи даны выписки из хроники Иоанна Малалы. Во времена Сварога, отметил летописец, люди научились «ковать оружие», овладели искусством кузнечного ремесла. С именем Сварога связана также борьба за моногамную семью, единобрачие, в связи с чем его считали покровителем брака и семьи.

Перун—бог грома и молнии

После Сварога и Рода главное место среди языческих богов Древней Руси занял Перун—бог грома и молнии. По своим функциям Перун напоминает греческого бога Зевса, римского Юпитера, скандинавского Одина.

Из текстов договоров русов с греками известно, что княжеские дружины Олега, Игоря и Святослава неизменно присягали именем Перуна. Присяга постоянно присоединялась к традиционной клятве оружием. Так, повествуя о заключении мира греков с Олегом, летописец отмечает: «А Олега с мужами его водили в клятве по закону русскому, и клялись те своим оружием и Перуном, их богом». Еще более эффектна клятва 945 года: «Если же кто-нибудь из князей

или людей русских, христиан или нехристиан, нарушит то, что написано в хартии этой, – да будет достоин умереть от своего оружия и да будет проклят от бога и от Перуна за то, что нарушил свою клятву».

Клятвопреступника ожидала грозная и страшная месть неумолимого бога, о чем сказано в договоре Святослава с греками в 971 году: «Если же не соблюдем мы чего-либо из сказанного раньше, пусть я (то есть князь Святослав. – Б. В.) и те, кто со мною и подо мною, будем прокляты от бога, в которого веруем, – от Перуна и Волоса, бога скота, и да будем желты, как золото, и пусть посечет нас собственное оружие».

Из договоров русов с греками, записанных в «Повести временных лет», ясно, что Перун X века стал богом оружия, княжеской дружины, покровителем самого князя, то есть богом княжеско-дружинной Руси.

Идол Перуна стоял в Киеве на горе. Вот как об этом рассказывает под 945 годом «Повесть временных лет»: «На следующий день призвал

Игорь послов и пришел на холм, где стоял Перун; и сложили оружие свое, и щиты, и золото и присягали Игорь и люди его, — сколько было язычников между русскими». По мнению исследователей, в частности Е. В. Аничкова, упомянутый здесь идол Перуна стоял в самом княжеском дворе Игоревичей, то есть в древнейшем городище на Старокиевской горе.

Когда же князь Владимир стал властелином Руси, то есть князь и дружина стали политической властью, тогда, по летописи, Перун был поставлен «за теремным двором» на холме, окруженный сонмом других богов. Основание языческого пантеона в Киеве было осуществлено с целью объединения различных племен в единое государство с единой верой. Перун—бог князей и дружинников—был превращен Владимиром в главное божество всей Русской земли.

Среди новопоставленных богов (Дажьбога, Хорса, Стрибога, Симаргла, Мокоши) летописец на первое место ставит Перуна. Этот всемогущий бог имел человеческое подобие. Тело его было высечено из дерева, голова отлита из серебра, а

усы—из золота. Густынская летопись дополняет образ Перуна: ноги у него были железные, глаза—из драгоценных камней. В руке он держал каменное подобие стрелы, осыпанной яхонтами. Перед Перуном всегда горел огонь, который жрецы под страхом смерти обязаны были поддерживать.

Культ Перуна был установлен также в Новгороде. Тем самым два главных пункта пути из «варяг в греки» объединялись единым культом. Новгородское святилище разместили на левом берегу Волхова, на высоком холме. В центре стоял кумир Перуна. Он держал тяжелый дубовый посох и смотрел на восток, а вокруг него постоянно горело восемь костров.

Введение христианства на Руси привело к уничтожению всех идолов того времени, в том числе и Перуна. Владимир приказал свергнуть кумиров: одних изрубить, других сжечь. По летописи, первым был низвергнут главный бог Киева и Руси. Его привязали к хвосту коня и волочили с горы по Боричеву взвозу к Днепру, а 12 сильных мужей колотили бога жезлами. И сбросили Перуна в Днепр, и поплыл он, а язычники бе-

жали следом и кричали: «Выплывай, боже, выплывай». Прошел Перун пороги, и выбросило его ветром на берег. С той поры и называется то место Перуновой отмелью.

Не менее жалкой была участь и новгородского Перуна. Легенды рассказывают, что новокрещенные новгородцы сбросили идола в Волхов. Один из новгородцев бросил Перуну, что тот «досыта поел и попил», издеваясь над его позорным отплытием Волховом из Новгорода. Разгневанный Перун будто замахнулся на него дубовой палицей и забросил ее на мост, крикнув людям: «Вспоминайте меня и бейтесь на мосту сем». Так в старину объяснялась причина частых столкновений новгородцев на мосту через Волхов, причем палки их назывались Перуновыми палицами.

Пантеон богов князя Владимира

Следует вспомнить о таких языческих богах, которые стояли на горе Киевской рядом с Перуном, как Хорс, Дажьбог, Стрибог, Симаргл и Мокошь. Это могли быть боги различных племен и местностей Древней Руси.

Хорс и Дажьбог считались богами солнца. Если Дажьбога признавали славянским богом солнца, то Хорса считали богом солнца южных племен, в частности торков, где еще в X веке было сильным скифско-аланское влияние. Имя Хорса выводится из персидского языка, где корш (коршид) обозначает «солнце».

Однако существует взгляд о славянском названии великого Хорса, его принадлежности славянам. «За разъяснениями значения этого рус-

ского божества, — писал И. М. Гальковский, — нет нужды обращаться к восточным народам. Хорс мог обозначать собою солнце в его ежедневном круговороте». Он сравнивал русское Хорс с греческим хорос—«круг». Круглый подсвечник, находившийся в древние времена в храмах под самым куполом, назывался хоросом, обозначая небесный свод. Да и само солнце, поднимаясь на востоке и опускаясь на западе, словно описывало круг.

Однако это еще не значит, что Хорс был богом солнца. Правильная трактовка его назначения помогает уяснить «Слово о полку Игореве», где упоминается величественное языческое божество, которому Всеслав Полоцкий путь перебегал. За одну ночь он добегал от Киева до Тмутаракани: «Всеслав-князь людям суд правил, князьям города рядил, а сам ночью волком рыскал: из Киева дорыскивал до петухов Тмутаракани, великому Хорсу волком путь перерыскивал».

Последнее принято понимать так, что Всеслав пересекал путь самому солнцу. Однако уже Е. В. Аничков по этому поводу отмечал: «Но ведь

речь идет о ночи?! Как можно вызывать представление о солнце при описании скорости ночного пути?» По его мнению, местность, которую пробежал Всеслав, принадлежала торкам, еще во времена Владимира покорившимся его государству.

Ясно, что Всеслав перебежал путь Хорсу ночью. Великим Хорсом было не солнце, а месяц, которому, как известно из различных источников, также поклонялись восточные славяне. Это засвидетельствовано хотя бы в таком древнем памятнике, как «Хождение Богородицы по мукам», где во вставке, сделанной переводчиком, сказано, что люди называли богами «солнце и месяц, землю и воду, и зверей, и гадов; все это те люди сделали из камней, — Трояна, Хорса, Велеса и Перуна в богов превратили».

Как известно, культ поклонения месяцу—один из важнейших. В эпоху средневековья он был широко распространен у народов Европы. Отражением этого культа являются подвески-лунницы в виде полумесяцев. На территории Руси их найдено очень много, в том числе и на современной

территории древнего Киева. Лунницам приписывались священные свойства. Известны слова из «Заповеди» митрополита Георгия, где сказано: «Аще кто целует месяц, да будет проклят».

В языческих религиях, в том числе и славянских, почитание солнца и месяца как божеств—покровителей брака—довольно распространенное явление. Месяц обычно является мужским началом, женихом, солнце—невестой, то есть месяц и солнце являются божественной брачной парой.

В киевском пантеоне на Перуновом холме находился и Дажьбог—один из главных богов языческой Руси. Под этим именем обожествлялось красное солнце, которое, по верованию наших далеких предков, давало жизнь, питало всю окружающую природу. Отсюда объясняется и название Дажьбог (от древнего даждь—дать, то есть дай-бог, дающий бог, буквально: дающий жизнь).

По древнерусским памятникам, солнце и Дажьбог—синонимы. Солнцем называет Дажьбога в 1114 году Ипатьевская летопись: «Солнце же царь, сын Сварога, он же Дажьбог». В этом понимании Дажьбог считался «де-

дом всех людей». Славяне вообще считали, что их родословная происходит от богов, которые, по древним памятникам, когда-то были людьми, предками живущих. В числе таких богов называлось солнце. Недаром автор «Слова о полку Игореве» — прекрасный знаток народной мифологии — называет русский народ Дажьбожьими внуками.

Дажьбог был также источником благополучия, богатства человечества, что побуждало славян высоко чтить его и называть могущественнейшим среди богов.

(Некоторые исследователи считают, что Дажьбог был божеством северян.)

Кроме Дажьбога почитались на Руси и другие солнечные боги: Сварожич, которого называли еще огнем, или мечущим стрелы, то есть солнечные лучи; Ярило — бог весеннего солнца; Купало — бог летнего солнца, а также Троян, Коляда, Переплут.

Под тем же 980 годом в «Повести временных лет» наряду с другими богами Владимира, стоявшими на Киевской горе, упоминается

Стрибог. По «Слову о полку Игореве»—это дед, родоначальник всех ветров: «Вот ветры, Стрибожьи внуки, веют с моря стрелами на храбрые полки Игоря». Но веяние стрелами и метание ими (в другом месте «Слова...» ветер-ветрило мечет «хиновский стрелы») позволяет говорить о Стрибоге и как о славянском боже-стве войны. Вышесказанное подтверждает и пояснение первой части слова Стрибог, где стри от древнего стрити—уничтожать. Отсюда Стрибог—уничтожитель добра, бог уничтожающий, или бог войны. Таким образом, Стрибог—уничтожающее начало в противовес доброму Дажьбогу. Другое название Стрибога у славян—Позвизд.

Среди перечисленных в летописи богов, стоящих на Старокиевской горе, не совсем ясна сущность Симаргла.

Отдельные исследователи сопоставляют Симаргла с иранским божеством Симургом (Сенмурв), священным крылатым псом, хранителем растений. По предположению Б. А. Рыбакова, Симаргл на Руси в XII–XIII веках был заменен богом Переплутом, имевшим то же значение, что

и Симаргл. Очевидно, Симаргл был божеством какого-то племени, подвластного великому киевскому князю Владимиру.

Не менее загадочно имя идола Мокоши—единственной женщины среди божеств киевского пантеона. Мокошь почиталась на Руси и в некоторых других местах Славянщины, на что указывают названия местностей (Макошино на Черниговщине, Мокошин у чехов). Рассмотрение исторических источников и различных народных поверий у славян, а также этимология слова Мокошь (связывают с общеславянским мокрый, мокнуть) наводит на мысль о том, что Мокошь олицетворяла богиню воды, дождя, грозы, следовательно, и плодородия, подобно украинской Марене (богине воды и весны) и Великой богине славян.

По народным верованиям, Мокошь (Мокоша, Мокша) была также теснейшим образом связана с овцеводством и женским хозяйством и считалась спутницей Велеса (Волоса) в народном быту. Она будто бы помогала прясть пряжу (издавна женское занятие), сама же была невидимой, и

о ее присутствии свидетельствовало лишь жужжание веретена. В связи с тем что в разных церковных поучениях Мокошь упоминалась рядом с рожаницами, девами жизни, ее считали также покровительницей рождаемости.

Мокошь еще долго почитали после 988 года. На это указывает хотя бы один из вопросников XVI века, по которому церковник на исповеди обязан был спрашивать женщину: «Не ходила ли еси к Мокоше?» Богине Мокоше (позже Параскеве Пятнице) приносились в жертву снопы льна и вышитые полотенца.

Бог скота—Велес, или Волос

Договоры Олега и Святослава с греками засвидетельствовали почитание восточными славянами еще одного языческого бога Велеса, или Волоса, бога скота. В летописи сказано, что князья со своей дружиной присягали Перуном и Велесом: «... по закону русскому... клялись те своим оружием и Перуном, богом их, и Волосом, богом скота».

По народным поверьям и песням, Велес также бог, помогающий земледельцам. Так, во время жатвы «Велесу завивают бороду» (обычай украинских жнецов завязывать в начале жатвы или в конце ее пучок несрезанных колосьев) или дарят ему на бороду сноп золотистых колосьев. В честь бороды пелись обрядовые песни типа:

«Ой, чья же то борода черным шелком увита, серебром-золотом увита», широко распространенные на Украине и в России.

Такие черты у Велеса видели крестьяне. Для дружинников Велес являлся покровителем певцов-поэтов, книжником, родоначальником песенного творчества (в «Слове о полку Игореве»), богом музыки и песен. Легендарный певец Боян является внуком Велеса.

Боги Позвизд, Ладо, Купало, Коляда

«Повесть временных лет» называет главных языческих богов Древней Руси в Киеве: Перуна, Велеса, Хорса, Даждьбога, Стрибога и Мокошь. Густынская летопись, раздел которой о Владимировых богах позже вошел в состав «Синописиса» 1674 года, называет в Киеве и других идов. Это Позвизд, Ладо, Купало и Коляда. Позвизд, или Похвист, которого еще называли Вихрем, был богом воздуха, погоды и ненастья. Ладо—бог веселья, благополучия и брака. Ему приносили жертвы вступающие в брак. Поэтому Ладо часто упоминался в свадебных песнях. Согласно упомянутым источникам, от Ладо зависело счастье семьи, рождение детей. Одновременно он—бог вес-

ны и любви! Его женой была Лада, которая в народных песнях воспевалась как богиня материнства. Она выступала в образе красивой женщины, украшенной цветами и колосьями, лучами солнца.

Купало—бог земных плодов, праздник которого отмечался в начале жатвы. Ему приносили жертвы возле озер и различных источников во имя плодов земных. Иногда ему в жертву приносили людей, топили их в воде. Остатком жестокого обряда является обливание людей водой во время праздника, который позже стал называться Иваном Купалой.

Другой идол, упоминаемый в Густынской летописи, – Коляда. Праздник в его честь происходил 24 декабря в виде игрищ с песнями, воспевавшими Коляду. Особенностью праздника являются различные маски и действия, которые летопись называет «богопротивными мерзостями».

Дары богам

Из летописного рассказа 980 года и свидетельствований других древних памятников ясно, что языческие божества в древнем Киеве изображались в виде людей, имели их облик. Об этом же свидетельствуют находки каменных статуй богов на Подолье и в Новгороде, а также сообщения Ибн-Фадлана о поклонении купцов-русов главному идолу с лицом, похожим на человеческое.

Чтобы умиловить богов, наши далекие предки приносили им, а также духам умерших предков и обожествляемым предметам различные дары.

В основе жертвоприношений лежат представления о вмешательстве божеств в жизнь и деятельность людей. Божествам подносили в дар

первый урожай, первый приплод. По свидетельству Густынской летописи, идолу Перуну, стоявшему в Киеве, приносили различные жертвы и пламя огня: «Ему же, как богу, жертву приносили и огонь неугасающий из дубового дерева постоянно палили». Божествам предназначались в дар также пахучие цветы, венки из них, травы. По сообщению Константина Багрянородного, русы, приезжавшие на остров Хортица, возле огромного дуба приносили в жертву живых петухов, а также хлеб, мясо и все остальное, что было у них. По Ибн-Фадлану, русы своим богам жертвовали овец и быков.

О жертвах заклания упоминает еще Прокопий Кесарийский, который говорит, что славяне с VI века поклонялись богу молнии, приносили ему в жертву быков и другие дары. Такими жертвами люди словно ублажали богов, спасая свою жизнь.

Иногда жертвенный обряд принимал жестокие формы: в жертву приносили живых людей, в частности детей. Об этом ясно говорит Нестор в «Повести временных лет», вспоминая жертвы заклания в Киеве на Перуновом холме в 980 го-

ду: «И приносили им жертвы, называя их богами, и приводили к ним своих сыновей и дочерей, а жертвы эти шли бесам, и оскверняли землю жертвоприношениями своими. И осквернилась кровью земля Русская и холм тот». В приведенном примере имеется в виду именно заклание людей, иначе Нестор пролитие крови не назвал бы осквернением земли.

Языческие игрища

Праздники в честь богов сопровождались различными играми, процессиями, танцами под песни и музыку, иногда с ряжением. Об игрищах и танцах как составной части языческого богослужения у восточных славян сообщает летописец уже в начале «Повести временных лет»:

«И сходились на эти игрища, на пляски и на всякие бесовские песни». Такие игрища продолжались и после принятия христианства. Под 1015 годом летописец отметил: «Горе городу тому, в котором князь юн, любящий пить вино с гусями вместе с молодыми советниками», — из чего можно сделать вывод, что княжеские пиры в древнейшие времена сопровождались музыкой.

О языческих игрищах и танцах как наследии

язычества рассказывает летописец после сообщения о нападении в 1068 году на Русь половцев, считая приход чужеземцев следствием грехов христиан (в том числе и киевлян), продолжавших придерживаться старых обычаев, различных примет: «... вводит в обман дьявол, всякими хитростями отвращая нас от бога, трубами и скоморохами, гусями и русалиями. Видим ведь игрища утопанные, с такими толпами людей на них, что они давят друг друга, являя зрелище-бесом задуманного действия, — а церкви стоят пустые». Здесь летописец прямо выступает против распространенного тогда обычая проводить праздники в играх и плясках.

О том, что музыка (гудьба), танцы, песни бесовские—языческие игры и «жертвы идольские», довольно ясно сказано в «Слове некоего христолюбца». Музыка и танцы были обычным развлечением при дворах киевских князей. В «Житии Феодосия» рассказывается о том, как, пройдя в палаты к Святославу, увидел он, что перед восседавшим князем играло много музыкантов: «Одни бренчали на гусях, другие гре-

мели в органы, а иные свистели в замры, и так все играли и веселились, как это в обычае у князей». Увидев неудовольствие Феодосия, князь велел музыкантам прекратить игру. С тех пор, узнав о приходе блаженного, князь приказывал музыкантам прекращать игру.

Княжеские игры и забавы изображены на стенах киевского Софийского собора. На одной фреске изображены танцоры и музыканты, акробаты и ряженые. Воссоздают фрески и поединок человека с ряженым зверем, праздник Коляды, конные соревнования.

Любовь русов к играм и танцам специально поддерживалась скоморохами, которые во время праздников, народных игр и различных обрядов были их главными участниками и исполнителями песен и танцев. «Повесть временных лет» упоминает скоморохов уже в 1068 году, хотя, несомненно, они существовали намного раньше. Вспомним знаменитые пиры Владимира Святославича в Киеве, где, по былинам, обязательно присутствовали и скоморохи. Безусловно, скоморохи были связаны с древнерусским язычеством.

И неудивительно, что церковь вела постоянную борьбу со скоморошеством начиная по крайней мере с середины XI века. Скоморохов называли дьявольскими слугами, их игры—бесовскими, а их действия—неудобными богу. Слушать скоморохов, смотреть их представления считалось одним из самых больших грехов.

Исследователи отмечают, что игрища были неотъемлемой частью богослужения язычников. Их начинали, как правило, после жертвоприношений. И главную роль играли тут скоморохи.

Трапезы и пиршества

Кроме песен и игрищ церковь сурово преследовала трапезы или пиршества, ведь они были непосредственно связаны с язычеством: трапеза—это одновременно жертва. По словам Е. В. Аничкова, «почти каждое моление, каждая жертва, каждое оправление того или другого праздника или просто обряда—все это было сопряжено с пиршеством... Принесение обильной жертвы и самая возможность совершать великое моление составляют главную надежду и центральную религиозную заботу человека».

Древняя бытовая трапеза—это важный элемент языческого богослужения. Отзвуком таких языческих трапез остались пиры князя Владимира, который, невзирая на принятие христиан-

ства, продолжал устраивать их на своем дворе в Киеве. «Каждое воскресенье, – говорит летописец, – решил он (Владимир. – В. Б.) на дворе своем в гриднице устраивать пир, чтобы приходиться туда боярам, и гридям, и соцким, и десятичным, и лучшим мужам, – и при князе и без князя. Бывало там множество мяса—говядины и дичины, – было в изобилии всякое яство». О пышных пирах Владимира рассказывают также былины, связанные с именем киевского князя и с самим Киевом. Недаром летописец вкладывает в уста князя-язычника (при выборе новой веры) выражение: «Веселие Руси есть пити, не может без того и быти».

Погребальный обряд

Наиболее полное сообщение о погребальном обряде у восточных славян до принятия ими христианства содержится в книге арабского путешественника Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 годах.

Он рассказал о том, как в 921 году присутствовал в городе Болгар на Волге при сожжении знатного русса (так арабы называли восточных славян).

По сообщению Ибн-Фадлана, сожжение—общий погребальный обычай руссов. Простых людей сжигали в ладье, которую специально строили для этого случая. Знатные и богатые сжигались с особыми почестями и приготовлениями. Умершего богатого купца хоронили в ла-

дье, которая была основным предметом его имущества и вместе с другими вещами домашнего обихода должна была удовлетворять его загробные потребности.

Ладья вытягивалась из воды, ее ставили на деревянный помост, который поддерживали четыре сосновых и березовых столба. На самой ладье строили шатер (сруб?). Здесь стояла скамья, покрытая дорогими тканями (в том числе греческой паволокой), – ложе, на котором размещался покойник, одетый в дорогие одежды. Вместе с ним клали фрукты, крепкий напиток (мед), цветы, оружие. В ладью бросали изрубленных мечами коней, быков, собаку, петуха и курицу, которые должны были служить покойнику в потустороннем мире. Вместе с умершим сжигалась одна из девушек, дававшая на это добровольное согласие.

Всем погребальным процессом распоряжалась очень старая женщина, которую называли Ангелом смерти. Девушку, наряженную в роскошные одежды, с различными украшениями (ожерельями, браслетами), душили и кололи но-

жами между ребрами. Затем зажигали под ладьей приготовленное дерево. Огромный костер охватывал ладью, шатер, покойника, девушку. . . На том месте, где стояла ладья, насыпали возвышение из земли, похожее на круглый холм (курган), ставили деревянный столб с именами покойника и русского князя.

Лев Диакон, византийский писатель X века, отметил веру русских воинов в потустороннюю жизнь, на которую они смотрели как на продолжение настоящей, с ее радостями и горестями. По словам Льва Диакона, употребляемый воинами Святослава обряд погребения—сожжение.

Обряд сожжения у восточных славян был тесно связан с верой в священный огонь, в культе которого соединялись огнепоклонничество и почитание солнца. Огонь на земле (домашний очаг) и огонь на небе (солнце) представлялись священными, так как несли благосостояние человеку.

По верованиям древних славян, огонь очищал грешных покойников и, сжигая их, открывал им царство света и вечный покой. Огонь, собственно, и переносил умерших в рай. Принимая огнен-

ное очищение, покойник в путешествии в рай становился недоступным для злых сил. Сожжение, по верованиям язычников, важнейший вид погребальной почести. По их мнению, сожжение людей в ладье, на которой они переплывали воздушное пространство и достигали вечного жилища—обители солнца, куда каждый раз уходит светило, закончив свой дневной путь, — помогало быстрее добраться до жилища отцов.

Обряд сожжения у языческих русских племен подтверждает и «Повесть временных лет»: «И если кто умирал, то устраивали по нем тризну, а затем делали большую колоду и возлагали на эту колоду мертвеца и сжигали, а после, собрав кости, вкладывали их в небольшой сосуд и ставили на столбах при дорогах».

Хлеб духовный: слово Божие
и грамотность

Солунские братья—Кирилл и Мефодий

Славянские первоучители равноапостольные Кирилл и Мефодий при жизни считались преподобными мужами, а после смерти были причислены к лику святых и в Риме, и в Византии, то есть в церквях католической и православной, чего удостоивались очень немногие—воистину великие праведники. Равноапостольными называли только тех святых, которые приобщили к христианству многочисленных язычников и просветили их, как и первые ученики Христа—апостолы.

Братья родились в городе, который греки называли Фессалоники (он имел и другие названия: Салоники, Солунь, Селунь). Он был основан в 315 году до Рождества Христова македон-

ским царем Кассандром и уже в I веке новой эры стал оплотом христианства, и сам апостол Павел, один из любимейших учеников Иисуса, обращался к фессалонянам с двумя посланиями, называя их «образцом для всех верующих в Македонии и Ахани, ибо кто наша надежда, или радость, или венец похвалы? Вы—слава наша и радость. Благодарить Господа нашего Иисуса Христа со всеми вами».

В 148 году до Рождества Христова был город завоеван римлянами, через два года после этого пали Афины, а через тысячу лет после этого, во время жизни в нем Кирилл и Мефодия, были Фессалоники вторым по значению и богатству городом Пелопоннеса, входя в состав Византийской империи.

Из-за всего этого культура Древней Греции и Древнего Рима, сплавленная воедино с культурным наследием Македонии и восточным христианством, была той благодатной почвой, на которой расцветали таланты братьев, возвышались их умы и души.

Жители города говорили и на греческом и

на славянском языке, а образованные граждане знали еще и латинский.

Старшим из братьев был Мефодий, получивший это имя в монашестве, а при рождении (около 815 года) был наречен Михаилом.

Самый младший его брат, родившийся в 827 году, получил при крещении имя Константина, Кириллом же стали называть его тоже при пострижении в монахи, случившемся незадолго до его смерти.

В историю братья вошли под своими монашескими именами Кирилла и Мефодия, поэтому и мы будем так называть их.

Их отец, Лев, был в Салониках военачальником, и потому старший брат очень рано поступил на ратную службу, быстро сделал успешную карьеру и еще молодым человеком был назначен управителем одной из областей Византийской империи, населенной славянами. Прослужив на военно-административном посту десять лет, он уехал в столицу Византии—Константинополь, а затем стал монахом монастыря Олимп. Среди восьми сыновей Льва шестеро братьев Кирилла

и Мефодия стали воинами, администраторами и священнослужителями. Кирилл, самый младший из всех, с отрочества обнаружил недюжинный ум и редкие способности к языкам. Он хорошо знал славянский, то есть древнеболгарский, греческий, латынь, древнееврейский и арабский языки. Еще четырнадцатилетним юношей он читал и комментировал сочинения одного из глубокомысленнейших теологов—отца церкви Григория Богослова. О необыкновенных способностях Кирилла вскоре узнали в Константинополе, и император Византии Михаил III пригласил мальчика ко двору, сделав талантливого юношу товарищем по учебе своего сына.

Здесь под руководством лучших византийских ученых, в том числе Фотия, впоследствии дважды занимавшего патриарший престол, в общей сложности восемнадцать лет, Кирилл изучал античную литературу, философию, математику, астрономию, риторику—искусство красноречия, музыку и совершенствовался в знании языков. Юноша был слаб здоровьем, но проникнут любовью к науке и религиозным рвением. Кирилл

рано принял сан священника, но не пошел на церковный приход, а остался служить библиотекарем патриарха.

Оказавшись в Константинополе, Кирилл обратил на себя внимание патриарха Мефодия I, а затем и сменившего его в 847 году—Игнатия, бывшего одной из крупнейших и трагических фигур византийской истории IX века. Он был сыном византийского императора Михаила I, низвергнутого с престола в 813 году Львом V Армянином. Для того чтобы лишить сына Михаила I потомства, мальчика оскостили и заточили в монастырь, дав ему имя Игнатий. (При рождении он был крещен под именем Никиты.)

Игнатий пробыл в монастыре 30 лет, после чего в 847 году стал константинопольским патриархом. Он занимал патриарший престол одиннадцать лет, почти все эти годы деля высочайший авторитет константинопольского патриарха с не менее блестящим деятелем эпохи—выдающимся философом и писателем Фотием. Вокруг Фотия собрались наиболее талантливые и известные деятели византийского просвещения, обра-

зовав ученую дружину ревнителей знаний.

Фотий, при всей его глубокой и разносторонней учености, знал лишь свой родной греческий язык, потому что Византия еще была мировой державой и высокомерные константинопольские аристократы, а именно из их среды происходил Фотий, начавший службу в императорской гвардии, а затем в дворцовой канцелярии, считали все другие народы варварами, обходясь собственной греческой культурой.

В доме Фотия была собрана самая лучшая частная библиотека империи, в которой имелось множество переводов на греческий язык, что делало ее хозяина относительно независимым от знания иностранных языков. Да и какой другой язык, кроме греческого, мог быть тогда носителем высших истин? Может быть, латынь? Да и то едва ли.

В 858 году император Михаил III сместил Игнатия с патриаршего престола и отправил его в изгнание, посадив на опустевший трон Фотия.

Девять лет, до 867 года, правил Константинопольским патриархатом Фотий, и именно за это

время в жизни Кирилла и Мефодия произошли наиболее серьезные перемены и были свершены немалые достижения. И хотя служба в патриаршей библиотеке сначала удовлетворяла Кирилла, все же вскоре он разочаровался в тихой, как ему казалось, бездеятельной жизни и, повинаясь зову сердца, тайно ушел в монастырь. Но через полгода его отыскали и возвратили в Константинополь.

Здесь начал Кирилл преподавать философию, из-за чего за ним на всю жизнь закрепилось прозвище «философ», отвечающее его глубинной сокровенной сути.

Однако и новое поприще не удовлетворило его, и Кирилл снова ушел в монастырь, на сей раз к Мефодию. Пребывание и в этом монастыре вновь оказалось весьма кратковременным: в том же 858 году из-за своей необыкновенно широкой эрудиции он вместе с братом был отправлен императором к хазарам, просившим прислать к ним ученых мужей-христиан. Хазары жили тогда на территории Крыма, Северного Кавказа и на Нижней Волге. Их столицей был город Итиль,

расположенный на обоих берегах Волги, севернее современной Астрахани.

Путь к Итилю проходил через Херсонес Таврический, называвшийся также Корсунь, – старинный греческий город-полис, принадлежавший в то время Византии. Херсонес находился в Крыму, возле современного Севастополя. По дороге к Волге братья распространяли христианство, а придя в Итиль, получили разрешение хазарского повелителя, носившего титул кагана, на крещение любого его подданного.

Братья крестили двести хазар, исповедовавших до их появления мусульманство и иудаизм, и, взяв с собою освобожденных каганом пленных греков, благополучно возвратились в Константинополь. Мефодий был направлен игуменом монастыря Полихроний на берегу Мраморного моря, а Кирилл остался служить в одной из церквей Константинополя, описывая проделанное им путешествие в Хазарию и приступив к созданию азбуки для славян.

Составляя азбуку, он начал перевод Библии на древнеболгарский язык. Кирилл знал, что у

многих народов Кавказа, Крыма, Ближнего Востока богослужение проходит не на греческом языке и не на латинском, а на языках этих народов.

Следует знать, что в глубокой древности все славяне говорили на одном языке, который ученые называют праславянским, выполнившим историческую роль родоначальника всех, как бывших прежде, так и ныне существующих, славянских наречий.

Во времена Кирилла и Мефодия единый славянский язык пребывал во всей своей красе и силе, и все братские народы от Балтики до Средиземноморья и от Влтавы до Днестра не нуждались в переводчиках, ибо словарный состав, определявшийся во многом схожим материальным и духовным развитием, включал множество общих слов и корней, схожих значений.

Славяне уже за две тысячи лет до появления солунских братьев-просветителей представляли единый этнос, с единым языком, и только пришедшие в их среду различия в материальном, духовном и общественном развитии, а также язы-

ковое и культурное влияние соседних с ними народов на рубеже I и II тысячелетий христианской эры привели к обособлению отдельных племен и народов.

С течением времени некогда единый славянский этнос разделился на три группы—западную, южную, восточную, — в конце первого тысячелетия начали формироваться средневековые славянские народности: на западе—поляки, чехи, словаки; на юге—словены, сербы, хорваты и болгары; на востоке—многочисленные племена, от Волхова до Карпат впоследствии образовавшие три народа—великороссы (русские), малороссы (украинцы) и белорусы.

А теперь возвратимся в IX столетие христианской эры, когда все славяне еще имели один язык и Кириллу выпало великое счастье составить славянскую азбуку.

Судьбе было угодно, чтобы богослужение на славянском языке впервые произошло в Моравии, занимавшей территорию современной Восточной Чехии. В 863 году византийский император послал братьев на помощь искавшему

проповедников-славян моравскому князю Ростиславу, боровшемуся против германского короля Людовика Немецкого, заявившего притязания на Моравию.

Отправляя братьев в путь, император сказал Кириллу: «Знаю, что ты слаб и болен, но, кроме тебя, некому исполнить то, о чем очень просят. Вы—солуняне, а все солуняне чисто говорят по-славянски». Кирилл ответил: «Да, государь, я и слаб, и болен, но рад идти бос и наг и готов умереть за христианскую веру».

Более трех лет проповедовали братья веру Христову в Моравии, впервые совершая богослужение на славянском языке и употребляя при этом Библию и другие церковные книги, переведенные с латыни и греческого, написанные ими же новой славянской азбукой.

Книги были переведены братьями перед самым их отъездом в Моравию, а этим переводам предшествовало создание нового алфавита. (Греческое слово «алфавит» происходит от слияния названий двух первых букв—«альфы» и «беты», или «виты», — и по конструкции соответствует

славянскому слову «азбука», которое тоже является результатом слияния двух первых букв славянского алфавита—«аз» и «буки».)

О самой азбуке, созданной солунскими братьями, речь пойдет впереди, а здесь будет рассказано о дальнейшей судьбе Кирилла и Мефодия.

В 866 году братья с тремя учениками-славянами отправились в Рим, распространяя христианство среди болгар, ибо их путь в Италию лежал через Болгарию. Дорога к ватиканскому престолу оказалась долгой и полной опасностей. Лишь через полтора года добрались Кирилл и Мефодий до Рима, где их с распростертыми объятиями принял папа Адриан II. Папа не только одобрил переводы Библии и других богослужебных книг, но и разрешил совершать славянские службы в церквях Рима. Мефодия, не имевшего сана священника, папа рукоположил в это достоинство. Священниками стали и трое учеников, пришедших с братьями в Ватикан.

Следует объяснить, почему папа Адриан II принял солунских братьев с очевидным и непри-

крытым благорасположением.

В отличие от Фотия, и Кирилл, и Мефодий не признавали преимущества византийской культуры над культурой других народов. Они были лишены имперских амбиций патриарха и внутренне исповедовали идею равенства, сердцем восприняв слова апостола Павла, что «нет ни эллина, ни иудея. . . ни варвара, скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос».

И потому же они были убеждены в том, что каждый народ должен иметь свое письмо, на своем языке, и через это приобщаться ко всему лучшему в мировой культуре.

В этих обстоятельствах Папа Римский, противостоявший константинопольскому патриарху, с готовностью поддержал солунских братьев, тем более что в его ближайшем окружении оказались восторженные поклонники Кирилла и Мефодия. Один из них, Анастасий Библиотекарь, не раз говорил папе Николаю I, предшественнику Адриана II, что Кирилл—муж, украшенный многими добродетелями и достоинствами, прекрасный проповедник Слова Божия, философ и богослов.

Между тем в 867 году в Константинополе были свергнуты и император Михаил III, и патриарх Фотий—стойкие противники Ватикана, а на смену им пришли сторонники папства.

А вскоре после описанных событий, 14 февраля 869 года, слабый здоровьем Кирилл умер, сказав перед кончиной Мефодию: «Мы с тобой, как два вола, вели одну борозду. Я изнемог, но ты не подумай оставить труды учительства и снова удалиться в монастырь».

Кирилл скончался, когда ему было чуть более сорока лет. Однако он вошел в историю мировой цивилизации как один из величайших ее сподвижников. Науке неизвестны имена создателей греческого, латинского, древнееврейского алфавитов и иероглифических систем языков китайского и японского. Что же касается алфавита славянского, то имя его создателя известно точно, причем и сам алфавит наречен его именем и зовется кириллицей.

Кирилл успел высказать последнее свое желание, совпадавшее с завещанием матери, согласно которым тело его следовало увезти на родину и

предать земле в Салониках. Однако как ни пытался Мефодий исполнить волю брата и матери, он не сумел сделать этого и вынужден был похоронить прах Кирилла в Риме, в базилике святого Климента.

После смерти Кирилла Мефодий был возведен в сан епископа и послан по просьбе славянских князей с миротворческой миссией к враждовавшим князьям—Ростиславу и Святославу, а по возвращении в Рим папа возвел его в сан архиепископа. Мефодий был определен руководителем большой епархии—Моравии и Паннонии, где с 870 года стал энергично внедрять богослужение на славянском языке.

Паннония, занимавшая часть территории современных Венгрии, Австрии, Словении и Хорватии, долгое время была предметом вожделений немецких епископов, пользовавшихся поддержкой великоморавского князя Святополка, который хотя и доводился племянником князю Ростиславу, но, несмотря на это, был его соперником в борьбе за власть и оттого откровенным недругом.

Миротворческая миссия Мефодия не дала никакого результата—Святополк и Ростислав продолжали враждовать, и их борьба закончилась поражением великоморавского князя. В 870 году Святополк, поддержанный немецкими князьями, организовал заговор знати и сверг Ростислава, но Людовик Немецкий арестовал его и заключил в тюрьму. Немецкие прелаты учинили суд и над Мефодием и вслед за Ростиславом бросили в тюрьму и его. Мефодий провел в тюрьме три ужасных года и лишь усилиями нового папы, Иоанна VIII, был освобожден из неволи и возвращен в Моравию, сохранив прежний сан. Однако борьба немецких епископов продолжалась, и если бы 6 апреля 885 года Мефодий не скончался, то его ожидало бы еще одно поражение и, возможно, тюрьма или изгнание.

Последние годы жизни Мефодий занимался переводами Библии на славянский язык, завещав продолжать его дело своим ученикам. Однако после его смерти враги Мефодия взяли верх, и около двухсот священников-славян были изгнаны из Моравии, заключены в тюрьмы или проданы в

рабство на венецианские галеры.

Но те ученики и последователи солунских братьев, которые бежали в Сербию и Болгарию, продолжили там дело Кирилла и Мефодия, распространяя в этих странах славянскую грамотность и проводя богослужения на языках этих народов.

А когда в 990-х годах, через сто лет после смерти Мефодия, христианство в форме православия пришло на Русь из Византии, бывшей центром зарождающегося православия, то кириллица и славянская письменность, возникшая на ее основе, стали краеугольным камнем русской грамотности и главным средством просвещения Руси.

Так семена, брошенные за сто лет перед тем солунскими братьями в почву южных и западных славян, наиболее пышные и богатые всходы дали на земле их восточных братьев, живущих в бассейнах Днепра и Волхова—от Днестра и Буга до Волги.

Легенда об апостоле Андрее Первозванном

Первый достоверно известный русский летописец Нестор, монах Киево-Печерского монастыря с 70-х годов XI века, составил около 1113 года летописный свод «Повесть временных лет». В ней он рассказал о начальных веках русской истории. Первое датированное событие относится к 852 году, когда «начал царствовать Михаил», тот самый византийский император, с которым мы уже встречались. И тогда же восточнославянские земли стали прозываться «Русская земля». «Узнали мы об этом потому, – писал летописец, – что при этом царе приходила Русь на Царьград (Константинополь), как пишется об этом в летописании греческом. Вот почему с этой по-

ры начнем, и числа положим».

Здесь летописец ошибся, ибо Михаил начал царствовать десятью годами раньше—в 842 году, но для нас важно другое: первая русская летопись в первой датированной статье упоминает именно его, а вслед за тем и Кирилла Философа, и брата его—Мефодия.

В то самое время, когда Кирилл и Мефодий собирались отправиться в Моравию, в устье реки Волхова высадились викинги—скандинавские дружинники, пришедшие из «полуночных северных морей», которых на Руси называли варягами.

Во главе этих воинов стоял южнодатский (ютландский) князь Рюрик. Его призвали жители Ладоги, сказав: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет, придите и володейте нами».

По легенде, с ним вместе прибыли и два его брата—Синеус и Трувор, но в наше время эту версию ученые подвергли сомнению, ибо слова «синеус и трувор» по-древнескандинавски означали: «со своей верной дружиной».

Рюрик принял власть и пошел войной на

соседние племена—мерю и весь, а затем покорил и племя полочан с их главным городом—Полоцком. Затем Рюрик оставил Ладогу, пришел к озеру Ильмень и в шести верстах от него, на берегу Волхова, велел срубить Новый город, который и нарекли Новгородом. (Впоследствии его называли Новгородом Великим, а после основания в 1221 году на Волге еще одного Новгорода—Нижнего—его иногда именовали Верхним Новгородом.)

Вскоре два дружинника Рюрика—«бояре» Аскольд и Дир, взяв с собою часть дружины, дошли по Днепру до Киева, захватили его и стали в нем княжить.

Оттуда их воины пошли в ладьях на юг по Днепру, дошли до его устья и хотели переплыть Черное море, чтобы осадить Константинополь, но буря разбросала их корабли, и они возвратились в Киев.

Еще до того, как Аскольд и Дир отправились в поход на Константинополь, в Новгороде уже были недовольны их усилением. И когда в 879 году Рюрик умер, то его родственник варяж-

ский князь Олег занял опустевший новгородский трон и, собрав большое войско из восточнославянских племен, захватил сначала Смоленск и Любеч, а затем в 889 году спустился к Киеву. Обманом захватив город, Олег убил Аскольда и Дира и стал править, назвав Киев «матерью городов русских». С основанием Киева связана и первая легенда из истории Руси, тоже сохраненная «Повестью временных лет». Нестор поместил ее после того, как рассказал о расселении славян.

...Апостол Андрей, брат апостола Петра, проповедовал на берегах Понта—Черного моря, которое называлось у славян Русским морем. Однажды из Синопа он отправился в Корсунь (ныне это Херсонес Таврический, расположенный в городской черте Севастополя) и там узнал, что недалеко от Крыма—устье Днепра. Добравшись до устья, решил он отправиться вверх по Днепру. «И случилось так, что он пришел и стал под горами на берегу. И утром встал и сказал бывшим с ним ученикам: “Видите ли горы эти? На этих горах воссияет благодать Божия, будет го-

род великий, и воздвигнет Бог много церквей". И взошел на горы эти, благословил их и поставил крест, и помолился Богу, и сошел с горы этой, где впоследствии возник Киев, и отправился по Днепру вверх. И пришел к славянам, где нынче стоит Новгород, и увидел живущих там людей—каков их обычай и как моются и хлещутся, и удивился им». (Впоследствии многие иностранцы-путешественники очень удивлялись этому обычаю—моясь в бане, хлестать себя венниками.)

Потом Андрей побывал у варягов и, возвратившись в Рим, рассказывал: «Удивительное видел я в Славянской земле... Видел бани деревянные, и разожгут их докрасна, и разденутся и будут наги, и обольются квасом кожевенным (здесь "кожевенный квас"—закваска из пшеничных отрубей и овсяной муки с солью для выделки кож), и поднимут на себя прутья молодые и бьют себя сами, и до того себя добьют, что едва вылезут, чуть живые, и обольются водою студеною, и только так оживут. И творят это всякий день, никем же не мучимые, но сами себя мучат,

и то совершают омовенье себе, а не мученье».

Легенда об апостоле Андрее была широко популяризирована православной церковью, чтобы противопоставить Андрея апостолу Петру, римскому первосвященнику. А так как, по преданию, Андрей был первым из двенадцати апостолов, кого Христос позвал к себе в ученики, то, таким образом, становилось бесспорным и главенство православной церкви над церковью католической.

Андрей, прозванный Первозванным, впоследствии считался покровителем русского военно-морского флота, и военно-морской флаг, кормовой флаг всех русских военных кораблей, назывался Андреевским. Флаг белого цвета пересекался по диагонали двумя голубыми полосами, образуя крест (по преданию, на кресте такой формы апостол Андрей был распят в греческом городе Патры по распоряжению римского магистрата за проповедь христианства). Андреевский флаг был учрежден Петром I в 1699 году и существовал в русском военном флоте до 1917 года, а затем был восстановлен в 1992 году.

В 1698 году в России появился и первый орден, также названный именем Андрея Первозванного и ставший в иерархии российских орденов самым старшим; и сегодня орден Андрея Первозванного тоже считается главным орденом России.

«Повесть временных лет» о Кирилле и Мефодии и о событиях конца IX—начала X века

Однако же возвратимся из баснословных времен апостола Андрея, который жил в I веке нашей эры, в век IX, после того как Олег захватил Киев и в 883–885 годах подчинил своей власти окрестные восточнославянские племена—древлян, северян и радимичей. Далее Нестор писал: «Когда славяне жили уже крещенными, – (летописец имел в виду славян южных и западных) – князя Ростислав, Святополк и Коцел послали к царю Михаилу, говоря: “Земля наша крещена, но нет у нас учителя, который бы наставил и поучил нас, и объяснил святыя книги; ибо не знаем мы

ни греческого языка, ни латинского. Одни учат нас так, а другие иначе, от этого не знаем мы ни начертания букв, ни их значения. И пошлите нам учителей, которые бы могли нам рассказать о книжных словах и о смысле их". Услышав это, царь Михаил созвал всех философов и передал им все, что сказали славянские князья. И сказали философы: "В Селуни есть муж, именем Лев. Имеет он сыновей, знающих славянский язык; два сына у него искусные философы".

Услышав об этом, Лев вскоре же послал их. И пришли они к царю, и сказал им царь: "Вот прислала ко мне Славянская земля, прося себе учителя, который мог бы истолковать священные книги. Ибо этого они хотят".

И уговорил их царь, и послал их в Славянскую землю к Ростиславу, Святополку и Коцелу. Когда же братья эти пришли, — начали они составлять славянскую азбуку и перевели Апостол и Евангелие. И рады были славяне, что услышали они о величии Божьем на своем языке. Затем перевели они Псалтырь, Октоих и другие книги». Но против братьев поднялись «некие люди» — это были

немецкие прелаты, – утверждавшие, что не следует иметь славянам свою азбуку. И тогда Папа Римский сказал: «Да исполнится слово писания: “пусть восхвалят Бога все народы... поскольку Дух Святой дал им говорить”».

Окончание завоеваний земель древлян, северян и радимичей совпало со смертью Мефодия, последовавшей в 885 году.

А еще через 14 лет «Повесть временных лет» сообщает, что угры (венгры) прошли мимо Киева к Карпатам, прогнали племена волхов и поселились вместе со славянами, а потом стали воевать против греков и пленили землю Фракийскую и Македонскую до самой Селуни.

Далее политические события, предшествовавшие принятию христианства и приходу вместе с ним грамотности, происходили так, что и в ретроспективе трудно было в начале X века обнаружить признаки того, что это когда-нибудь произойдет.

В 907 и 911 годах Олег совершил успешные походы на Константинополь, но через год после второго похода умер, оставив княжеский стол сы-

ну Рюрика—Игорю.

«Повесть временных лет» о князе Игоре Рюриковиче и о жене его, княгине Ольге

Последовательно и подробно рассказывать о всей истории Руси и России у нас нет возможности, и потому здесь мы сообщаем лишь о важнейших и интереснейших событиях прошлого.

И все же один фрагмент из «Повести временных лет» должен быть пересказан подробно, ибо речь в нем идет о князе Игоре—сыне Рюрика, и о его жене—Ольге, которой суждено было стать первой христианкой Руси.

Игорь стал Великим Киевским князем после смерти в 912 году своего предшественника—Олега. О смерти последнего знает каждый, кто

прочитал поэтическую легенду Пушкина «Повесть о вещем Олеге». Иных свидетельств у нас нет, и мы вслед за великим бардом верим в его смерть от укуса «гробовой змеи». Став Великим князем, Игорь заключил союз с печенегами, а в 914 году совершил набег на Константинополь, но византийцы почти полностью уничтожили его корабли «греческим огнем», и лишь десять русских людей остались целыми. Игорь решил вернуться под стены Константинополя через 3 года. Его пешая и конная рать дошла до Дуная. Здесь греческие послы встретили ее и предложили огромный выкуп, пообещав дать его на следующий год.

Когда Игорь уходил в походы, в Новгороде с малолетним, единственным сыном, которого звали Святослав, оставалась жена его княгиня Ольга. Об этой замечательной женщине существует немало легенд. Вот одна из них.

Рассказывали, что родилась она в деревне Выбуты, на реке Великой, в двенадцати верстах от того места, где вскоре началось строительство тогда еще не существовавшего города Пскова. Ольга отличалась сказочной красотой и недю-

жинной силой.

Семья ее была бедна, и Ольга занималась тем, что перевозила через реку на большой лодке путников и купцов с товарами.

Однажды перевозила Ольга молодого и красивого витязя. Он помог девушке переправиться через реку, а прощаясь, подарил ей дорогое кольцо. Это был сын новгородского князя Рюрика, и звали его Игорь.

А через некоторое время заслал Игорь сватов к родителям Ольги, и те согласились, чтоб их зятем, а ее мужем стал князь Игорь Рюрикович.

Вскоре после свадьбы поплыла Ольга в ладье по реке Великой и увидела высокий холм с могучим бором на вершине. Показала Ольга на вершину холма и сказала: «Быть здесь городу великому и славному!» И срубили здесь первые терема, и поставили башни и стены. И стало это место Ольгиным городом, вокруг которого вскоре вырос Псков, который его жители называли «боевым оплечьем Новгорода».

Во время похода Игоря к Дунаю его воевода—варяг Свенельд—совершил набег в Закавказье,

захватив богатую добычу, чему сильно завидовали дружинники Игоря. И как записал летописец под 945 годом, «сказала дружина Игорю: “Отроки Свенельда изоделись оружием и одеждой, а мы наги. Пойдем, князь, с нами за данью, да и ты добудешь и мы”. И послушал их Игорь—пошел к древлянам за данью, и прибавил к прежней дани новую, и творили насилие над ними мужи его. Взяв дань, пошел он в свой город. Когда же шел он назад, поразмыслив, сказал своей дружине: “Идите с данью домой, а я возвращусь и пособираю еще”. Древляне же, услышав, что идет снова, держали совет с князем своим Малом: “Если повадился волк к овцам, то вырежет все стадо, пока не убьют его. Так и этот: если не убьем его, то всех нас погубит”. И послали к нему, говоря: “Зачем идешь опять? Забрал уже всю дань”. И не послушал их Игорь. И древляне, выйдя из города Искоростеня против Игоря, убили Игоря и дружину его, так как было ее мало».

Дружинников Игоря перебили, а его самого казнили: склонили к земле макушки двух рядом растущих берез, привязали их к ногам князя и

после того отпустили. Игоря разорвало на две части.

«Повесть временных лет» о правлении Ольги и о сыне ее, князе Святославе Игоревиче

А древляне послали к вдове убитого—Ольге—двадцать «лучших мужей своих». Погрузившись в ладью, поплыли древляне по реке к Киеву. И далее в летописи записано, что Ольга приветливо встретила послов, которые одновременно были и сватами, и сказала им: «Любезна мне речь ваша, — мужа моего мне уже не воскресить, но хочу вам воздать завтра честь перед людьми своими, ныне же идите к своей ладье и ложитесь в нее, величаясь. Утром я пошлю за вами, а вы говорите: “Не едем на конях, ни пеши не пойдем, но понесите нас в ладье. И вознесут вас в ладье”.

И отпустила их к ладье. Ольга же приказала выкопать на теремном дворе за городом яму великую и глубокую». На следующее утро древлянских послов принесли в ладье на теремной двор и сбросили в яму, засыпав их живых землей. Затем Ольга попросила древлян прислать еще одну делегацию, чтобы договориться о свадьбе ее с их князем Малом. Когда же «лучшие мужи древлянские» пришли в Киев, она обманом завлекла их в баню и, приказав запереть двери, велела зажечь ее. И на этом не успокоилась она и послала гонцов к древлянам, чтобы сказали им, что хочет прийти на могилу своего убитого мужа и справить по нем тризну. А когда пришла на могилу, то устроила поминальный пир для всех—и для дружинников Игоря, и для древлян. Опоив своих недругов, Ольга приказала дружинникам рубить их, и «иссекли их 5000». И после того собрала Ольга большое войско и пошла на древлян со своим малолетним сыном Святославом и воеводами Свенельдом и Асмусом.

Оба войска сошлись, и древляне, проиграв битву, бежали в Искоростень под защиту его стен

и башен.

Войско Ольги простояло под городом все лето, но осажденные яростно сопротивлялись, ибо знали, что месть княгини будет страшной. Тогда Ольга предложила древлянам заплатить ей дань—по три воробья и по три голубя с каждого двора, и с тем уйдет она с войском своим к Киеву. Доверчивые древляне, уже трижды ею обманутые, согласились, принесли дань, а княгиня раздала птиц дружинникам, и те привязали к их лапкам труты, завернутые в небольшие платочки. Ближе к ночи воины зажгли труты и отпустили птиц на волю. Голуби полетели в голубятни, а воробьи—под стрехи домов и хлевов, после чего загорелись сараи и сеновалы, клетки и избы. И потому что враз вспыхнули все дворы, пожар невозможно было погасить, и горожане выбежали в поле, где и стали добычею хитроумной Ольги. А она пошла с войском по земле древлян и не только собрала дань, какую хотела, но и установила повсюду свои укрепленные стоянки.

Еще через десять лет, «в год от Сотворения мира 6463», а от Рождества Христова в 955-й,

отправилась Ольга в Константинополь, называемый на Руси Царьградом. По приходе в гавань Суду торжественно проследовала она с огромной свитой во дворец византийского императора Константина Багрянородного. Ольга проехала мимо многочисленных дворцов и памятников, мимо храма Святой Софии, мимо множества церквей и монастырей.

После беседы с императором Ольга решила креститься, и крестил ее константинопольский патриарх Полиевкт, а крестным отцом новообращенной, получившей христианское имя Елена, был сам император. Возвратившись в Киев, просила Ольга принять крещение и сына своего Святослава, но он только насмехался над ее словами.

После того все большую славу стал завоевывать Святослав, разгромивший хазар и прославившийся тем, что, начиная войну, открыто предупреждал неприятеля: «Иду на вы!»—проявляя тем самым презрение к врагу, бесстрашие и уверенность в победе. В 971 году начал он войну с греками в союзе с болгарами и венграми.

В одной из битв он был окружен греками.

Желая ободрить свою дружину, князь сказал: «Уже некуда уйти нам отсюда. Волей-неволей надо стать против врагов. Не посраим земли Русской! Ляжем костями, мертвые сраму не имут. Я пойду перед вами. Если же сложу свою голову, тогда помышляйте о себе сами». Воины же ответили ему: «Где твоя голова ляжет, там и мы свои головы сложим».

После тяжелого боя дружина Святослава не поддалась неприятелю и вышла из окружения. Фраза «Мертвые сраму не имут» тоже стала после того крылатой.

Когда он уходил в походы, Ольга оставалась в Киеве и, случалось, отбивалась от приходивших под стены города врагов. Так было и в 971 году, когда оказался Святослав в городе Доро-столе, на Дунае, где осадил его войско, возглавляемое византийским императором Иоанном Цимисхием. Святослав вынужден был сдать город и уйти восвояси. И вот, когда был он уже на Днепре, вдруг напали на него печенеги и убили его. Печенежский же князь велел сделать себе из черепа Святослава чашу и пил из нее меда и ви-

на, похваляясь перед сотрапезниками страшным своим трофеем.

Когда Святослав погиб, Ольги не было уже три года. О ней Нестор-летописец сказал так: «Была она предвозвестницей христианской земле, как денница перед Солнцем, как заря перед светом». Солнцем же, «Красным Солнышком» русских былин, предстояло стать ее внуку, одному из сыновей Святослава—Владимиру Святославовичу.

Владимир Красное Солнышко, Крещение Руси и пришествие на нашу землю Слова Божия и грамотности

Он родился в семье князя-язычника, который имел нескольких жен. Матерью Владимира была ключница его бабушки, княгини Ольги, ее рабыня, Малуша Любечанка. Она-то и родила князю Святославу сына. Кроме Владимира у его отца было еще два сына—Ярополк и Олег. Уходя в свой последний поход, Святослав посадил Владимира князем Новгорода Великого, старшего сына—Ярополка—оставил на престоле Киева, а Олега определил во Владимир-Волынский, разделив государство на три части. После смерти

Святослава Олег и Ярополк стали воевать друг с другом, и в этой войне Олег в 977 году погиб, а Владимир, опасаясь за свою жизнь, бежал из Новгорода в варяжские земли. Через два года он вернулся с большой варяжской дружиной и начал войну с Ярополком, который, пока Владимир был у варягов, захватил Новгород. Владимир сначала вернул себе Новгород, потом покориł Полоцк и, наконец, овладел Киевом. Ярополка он пригласил на переговоры в свой лагерь под городом Родней и там велел убить его. Это произошло в 980 году. Став полновластным хозяином и в Киеве, и в Новгороде, Владимир совершил походы на Буг, на вятичей и на прусское племя ятвягов. В 983 году в Киеве от рук фанатиков-язычников погибли христиане-варяги—отец и сын, из-за того, что отец не выдал сына, выбранного жрецами в жертву идолам. Это произвело сильное впечатление на Владимира, и когда через три года в Киев пришли сразу несколько священнослужителей-миссионеров: представителей магометан, иудеев из Волжской Болгарии, епископа из Рима и грека-философа из Константинополя, — Влади-

мир, по-видимому, уже заранее был предрасположен в пользу христианства. Выслушав каждого из миссионеров и остановившись на предложении византийцев, он не стал сразу же креститься по греческому обряду, отложив осуществление этого важнейшего для христианина таинства на ближайшее будущее.

В 988 году Владимир и византийский император Василий II заключили союзный договор, направленный прежде всего против восставшего византийского полководца Варды Фоки. За это сестра императора Анна должна была стать женой Владимира при условии, что он примет христианство по греческому обряду. И, согласившись с этим, Владимир тайно принял христианство. 13 апреля 989 года войско мятежников было разбито, а Варда Фока в этой битве погиб.

После этого император отказался выдать Анну за Владимира, и тот в отместку за обман осадил византийский город Корсунь, о котором не раз говорилось в этой книге, и весной 990 года взял его. Тогда принцесса Анна прибыла в Крым на византийском корабле, сопровождаемая

многочисленной свитой, состоявшей не только из придворных и военачальников, но и из множества священников.

В Херсонесе была сыграна свадьба Владимира и Анны, и тогда же часть норманнской дружины Великого князя приняла крещение.

Широко распространено мнение, что Владимир крестился дважды: первый раз в Корсуни (Херсонесе Таврическом) в 988 году, а затем в Киеве—в 990 году, подавая тем самым пример своим дружинникам и всем киевлянам.

Крещению киевлян предшествовало сокрушение языческих идолов, причем главное языческое божество Перуна, славянского Зевса-громовержца, тащили с вершины горы, на которой он стоял, привязав к хвосту лошади, наглядно демонстрируя тем самым бессилие идола и мощную поддержку нового, христианского, Бога.

После сокрушения идолов, писал автор «Повести временных лет» монах Нестор, послал Владимир по всему городу своих глашатаев со словами: «Если не придет кто завтра на реку—будь то богатый, или бедный, или нищий, или раб—да

будет мне враг».

А первый киевский митрополит из русских Иларион писал в Киеве в своем «Слове о законе и благодати», что многие крестились не по любви, но из-за страха, «понеже бе благоверие его с властью сопряжено».

Следует иметь в виду, что одной из особенностей древней истории Руси является очень частое разночтение в датах, иногда составляющее несколько лет.

Поэтому и дата 988 года, наиболее часто упоминаемая как год крещения Руси Великим князем Владимиром Святославовичем, тоже условна.

В ходу у историков и другие даты, например 990 год, когда упоминается даже день великого события—пятница 1 августа, торговый, нерабочий день, наиболее подходящий для одновременного крещения нескольких тысяч киевлян. Причем и место крещения при этом уточняется особым образом, ибо самый большой рынок Киева лежал на Подоле, а омывался он рекою Почайной, и потому не Днепр с шедшим к его берегу

знаменитым Крещатиком, а река Почайна представляется наиболее вероятной купелью первых христиан Киева. Возможно, вслед за тем крещение происходило и в Днепре.

Как бы то ни было, но в честь массового крещения жителей Киева Великий князь заложил первую каменную церковь Богородицы, после чего Богоматерь стала считаться небесной покровительницей Русской земли. (Впоследствии эта церковь стала называться Десятинной, ибо на содержание греческого духовенства, пришедшего из Византии, тратилась десятая часть всех великокняжеских доходов.)

Через тридцать лет после этого в Киеве было построено уже большое число церквей, в которых соответственно служило и множество священников и причетников.

И с самого же начала первый киевский священник грек Михаил, а вместе с ним и Великий князь начали печься об обучении грамоте и подготовке на Руси собственных священников. Для этого, как писал знаменитый русский историк Василий Никитич Татищев, «митрополит же

Михаил советовал Владимиру устроить училище на утверждение веры и собрать детей в научение. И тако Владимир повелел брать детей знатных, средних и убогих, раздавал их по церквям священникам-сопричетникам в научение книжное. Матери же чад своих плакали о том вельми, как по мертвым, ибо не утвердились в вере и не ведали пользы учения, что тем ум их просвещается и на всякое дело благоугодное творить, и искали, безумные, как дарами откупаться».

Трудная многовековая борьба с язычеством

После крещения киевлян Владимир обратил взор на Новгород. Тем же летом туда двинулась великокняжеская дружина во главе с его дядей Добрыней и боярином Путятой. Новгородцы, в отличие от киевлян, оказали сопротивление и дружинникам, и пришедшим с ними миссионерам-грекам. По приказу Добрыни деревянных идолов сожгли, а каменных утопили в Волхове. Но и после этого не многие новгородцы сразу приняли крещение.

Остальных дружинники силой загоняли в Волхов, и потому в Новгороде возникла поговорка, что их «Путята крестил мечом, а Добрыня—огнем». И самый первый акт крещения растянул-

ся в Новгороде на целый месяц. Однако и после этого многие новгородцы в душе оставались язычниками, а то и двоеверцами. Во всяком случае, языческие волхвы появлялись в Новгороде и два и три века спустя.

Язычество необычайно прочно удерживало позиции во многих, особенно северо-восточных, районах, а также в Ростове Великом и Муроме. Там принятие христианства затянулось на век с лишним.

Чаще всего русичи внешне выказывали покорность и не очень активно сопротивлялись самому обряду крещения, оставаясь в душе прежними язычниками. И автор «Повести временных лет» со скорбью заявляет: «Словом называемся христианами, а на деле живем, как поганые. . . Ведь если кто встретит попа или монаха, то возвращается домой, так же встретив отшельника или свинью, – разве это не по-поганому?»

Христианское благочестие, то есть истинное богопочитание и исполнение заветов церкви на деле, жизнь благопристойная, спокойная, упорядоченная предусматривали отказ от многих плот-

ских утех, от всяческого греха, который выражался в поступках, противных закону Божию, когда более всего торжествовала грешная, всеильная плоть, а слабый, затемненный дух молчал. И воистину было все по пословице: «Грехи любезны доводят до бездны», то есть до ада.

А язычество не знало запретов, обуздывающих плоть. Язычники пили вино без меры. Многоженство, а также и супружеская неверность были частью бытия; они не знали постов, и аскетизм православных праведников был им не только глубоко чужд, но и отвратителен.

И потому новообращенные христиане говорили: «Рожденные во плоти причастны греху». Их плоть бунтовала против церковных запретов, и они не хотели обуздывать ее, впадая в плотугодие, которое церковь уподобляла скотству. А язычники превыше всего ценили свободу от каких-либо запретов, и их любовь к вольной жизни на деле почти всегда превращалась в своеволие, принимая особенно уродливые формы в повальном пьянстве и драках, в которых нередко случались и смертоубийства. Эти пороки бы-

ли настолько сильны и неискоренимы, что даже официальная церковь спасовала перед ними, записав в «Православном исповедании»—книге, изданной в XIX веке: «Грех сам по себе не существует, поелику он не сотворен Богом. Посему невозможно определить, в чем он состоит».

Поэтому даже через два с половиной столетия после крещения Руси краковский епископ Матвей писал аббату французского монастыря в Клерво Бернарду, которому послушно внимали кардиналы и папы: «Народ же русский множеством бесчисленному звездному небу подобный, и правило веры православной, и религии истинной установления не блюдет. Пренебрегая тем, что вне церкви католической (то есть “истинной”) нет места дароприношению, тот народ в дароприношении тела Господня (то есть в причащении), но и в уклонении от брака церковного, а равно в иных церкви таинствах позорно колеблется. Так заблуждениями различными и порочностью еретической от порога своего пропитанный, Христа лишь по имени признает, а по сути в глубине души отрицает».

И более того, еще через два с половиной века кардинал д'Эли писал в начале XV столетия: «Русские в такой степени сблизили свое христианство с язычеством, что трудно было сказать, что преобладало в его образовавшейся смеси: христианство ли, принявшее в себя языческие начала, или язычество, поглотившее христианское вероучение».

И даже в 1551 году, собравшись на Стоглавый собор, клирики и епископы с горестью отмечали, что Русь полна язычества и что в Великий четверг рано утром жгут солому и кличут мертвых, а в Троицу на кладбищах играют скоморохи, и люди скачут, и пляшут, и бьют в ладони, и поют сатанинские песни. И в пасхальную неделю учиняют на кладбищах пьяные поминки с пиршеством, с бубнами и «всяческим беснованием». А в ночь под праздник Рождества Иоанна Предтечи и в сам праздник, а также на Рождество Христово и на Богоявление в городах предаются бесовским игрищам и пьянству и только к утру «отходят в дома свои, и падают, как мертвые, от великого клокотания».

Если бы дело заключалось только в том, что на стезе язычества оставались неграмотные, темные простолюдины, то это было бы полбеды. Но следует признать, что даже и далеко не все священники были грамотны, разбирались в сложных вопросах богословия и отличались благочестием. Нередко случалось, что они еле-еле «брели по грамоте», были малограмотны, суеверны и больше почитали обряды, чем духовный смысл православия.

Однако вопреки этому по всей русской земле победно шествовала письменность и грамотность.

26 июля 1951 года при раскопках древнего Новгорода была найдена первая берестяная грамота. Специфический русский материал—береста—оказался более распространенным в обиходе, чем бумага и пергамент, свидетельствуя, что грамотность была достоянием и ремесленников, и торговцев, и окрестных крестьян.

После этой находки в Новгороде около тысячи берестяных грамот было обнаружено в Пскове и Смоленске, Старой Руссе и Ладоге, Витебске

и Мстиславле. Причем до нас дошли буквально крохи великого наследия—войны, пожары и безжалостное время унесли и сотни тысяч берестяных грамот, и не менее ста пятидесяти тысяч древних книг.

И все же вопреки всему образование медленно, но верно распространялось по Руси. И все это происходило и потому, что самым активным распространителем образования была на протяжении многих столетий русская православная церковь. Верным спутником православия была грамотность, просвещение, краеугольным камнем чего стала славянская азбука.

Откровение от азбуки

Историко-филологическое предуведомление

Теперь же, уважаемые читатели, на ваш суд будет предложен этюд, представляющий предварительные, может быть, и не бесспорные соображения по поводу нашей азбуки. Как и всякое иное эссе, этот этюд не претендует на категоричность утверждений и отражает собственные соображения автора.

Вспомним, что когда Кирилл еще только собирался совершить паломничество в Моравию, он за довольно короткое время создал славянскую азбуку, получившую потом его имя и названную кириллицей. Следует заметить, что ученым-филологам известна и более древняя славянская азбука, предшествующая, как предпо-

лагают большинство из них, кириллице и названная глаголицей. («Глагол» по-древнеславянски— «слово, речь, говор, язык», а «глаголати» означает «говорить, сказывать, изрекать».)

Глаголица почти полностью совпадает с кириллицей по алфавитному составу, по расположению, звуковому значению и названиям букв, но сильно отличается от нее вычурностью и затейливостью их написания. Выдающийся филолог-славяновед Макс Фасмер считал, что глаголица также была создана Кириллом чуть раньше кириллицы на основании скорописи и, таким образом, являлась как бы первым вариантом кириллицы. Но это—предмет дискуссий, а нас интересует история славянской азбуки в связи с распространением грамотности, особенно на Руси. Тем более что глаголица вскоре была полностью вытеснена кириллицей.

Итак, кириллица. В X–XI веках, а именно оттуда дошли до нас первые письменные памятники, составленные кириллицей, эта азбука включала 43 буквы, из которых 25 были заимствованы из византийского письма—устава, а 18 появились

впервые, чтобы передать звуки, имевшиеся в славянском языке и отсутствующие в греческом. На протяжении 1000 лет кириллица несколько раз видоизменялась. В России этот алфавит прошел через шесть реформ, важнейшими из которых были реформы, предпринятые Петром I в 1708–1711 годах и в первый год советской власти—1917–1918-й. Существо реформ состояло в упрощении азбуки. Петр I оставил старое написание букв в книгах церковных, а в книгах и документах светских ввел гражданский шрифт, близкий к современному и состоявший из 36 букв.

В 1917 году из русского алфавита были исключены четыре буквы, таким образом, оставлены лишь 33. (Две буквы, «Э» и «Е», были введены во второй половине XVIII века.) Ограничимся сказанным, не вдаваясь в историю этих преобразований, и познакомимся с тем составом русского алфавита, который существует сегодня, сохранив названия букв, принятых в кириллице.

Попытка автора книги объяснить загадку старого русского алфавита

«А»—Аз—переводится как «Я». Весьма знаменательно, что «Я» не последняя буква алфавита, а первая. Имеется ли более красноречивое подтверждение первенства личности, ее господства над всеми прочими явлениями и категориями? Равноапостольным святым Кириллу и Мефодию была известна книга Псалтирь, состоящий из полутора сотен псалмов—песнопений, принадлежащих царю древней Иудеи Давиду, жившему за 1000 лет до Рождества Христова. Псалтирь была одной из богослужебных книг, и из нее, как и из Библии, христианские книжники черпали бла-

гую премудрость слова Божия. Так вот, в псалме восьмом царь Давид восклицает: «То что есть человек, что Ты помнишь его, и сын человеческий, что Ты посещаешь его?» Так что же такое «есть человек»? И Давид отвечает: «Не много Ты умалил его перед ангелами; славою и честию увенчал его; поставил его владыкою над делами рук Твоих, все положил под ноги его».

А через полтора тысячелетия после Давида великий английский драматург Уильям Шекспир воскликнет: «Какое величие представляет собой человек! Какое благородство в его уме, бесконечность в способностях, прелесть в формах—это дух небесный, украшение света, образец для остальной природы». Сравните два этих высказывания, и вы увидите, сколь близки они и по смыслу, и по духу их.

«Б»—Буки—переводится как «Буква». Конечно же не случайно поставлена она на второе место, потому что является одной из важнейших категорий в жизни человека—человека разумного, искусного и грамотного, отличающегося от всех других живых существ Земли умением, сла-

гая буквы, читать и писать. И наверное, эта буква тоже не случайно предшествует третьей букве алфавита «В»—Веди, означающей «Знание». Слово «ведать» значит—«знать». Отсюда происходят слова: сведения, выведать, ведомо, ведомость, ведун, ведовство, ведьма.

А в сочинении сына царя Давида—«Притчах Соломоновых», также одной из наиболее почитаемых христианами книг о знании, о премудрости, — говорится так: «Премудрость светла и неувядающа и легко созерцается любящими ее. С раннего утра ищущий ее не утомится, ибо найдет ее сидящею у дверей своих. Помышлять о ней есть уже совершенство разума, и бодрствующий ради нее скоро освободится от забот, и начало премудрости есть искреннейшее желание учиться.

Я полюбил премудрость более здоровья и красоты и избрал ее, ибо свет ее неугасим.

Бог даровал мне истинное познание сущего, чтобы познать устройство мира и действие стихий, начало, конец и середину времени, смены поворотов и перемены времени, кру-

ги годов и положение звезд, природу животных и свойства зверей, стремление ветров и мысли людей, различия растений и силу корней. Познал я все сокровенное и явное, ибо научила меня премудрость—художница всего.

Она прекраснее Солнца и превосходнее сонма звезд, в сравнении со светом она выше, ибо свет сменяется ночью, а премудрость не превозмогает злоба тьмы».

Лев Николаевич Толстой полагал, что одна из величайших премудростей бытия—смысл жизни, требующий вечного поиска и состоящий, кажется, именно в этом непрерывном искании. И потому он считал истиной восточную мудрость, гласившую: «Человека, который ищет мудрости, можно назвать умным; если он думает, что нашел ее, он—безумец».

Четвертой буквой, смысл которой постараясь мы постичь, будет «Г»—Глаголь, означающая «слово, речь», а в высоком смысле—Слово Божие и Откровение свыше; отсюда же и такие понятия, как «открытие, откровенность» и другие слова этого ряда, отсюда же знаменитая пушкин-

ская строфа из стихотворения «Пророк»:

... И Бога глас ко мне воззвал:
«Восстань, пророк, и виждь, и внем-
ли,
Исполнись волею моей
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей».

Далее следует пятая буква «Д»—Добро, означающая не только буквальный смысл слова, совпадающего с древнеславянским ее наименованием, но и знаменующая собою такие понятия, как имущественный достаток, согласие, польза, долг человеческий и гражданский, хорошее дело, порядок, добротность чего-либо, добродушие, добросердечие, доброжелательство и все прочие сложные слова, в которых «добро» выступает в качестве элемента, определяющего смысл всего понятия.

Может быть, христианский просветитель Кирилл, как нам уже известно, выдающийся эрудит своего времени, знал и высокоученого

язычника—римского императора Марка Аврелия, воззрения которого были во многом близки учению Христа, сказавшего в книге «К себе самому»: «Приставлять одно доброе дело к другому так, чтобы между ними не было промежутка, вот что я называю счастливой жизнью». И конечно же Кирилл знал Новый Завет, состоявший из четырех Евангелий, записанных учениками Христа—апостолами Марком, Матфеем и Иоанном и учеником Христа Лукой. Кирилл, несомненно, знал притчу о сеятеле, которую рассказал своим ученикам Христос и которая была записана апостолом Матфеем. Именно там встретил Кирилл выражение «добрая земля» и употребил в своей азбуке слово «добро», озвучив таким образом четвертую букву древнеславянского алфавита.

Приведем фрагменты этой притчи: «Вот вышел сеятель сеять. И когда он сеял, иное упало при дороге и налетели птицы и поклевали то. Иное упало на места каменистые, где немного было земли, и скоро взошло, потому что земля была неглубока, когда же взошло Солнце, увяло,

и так как не имело корня—засохло. Иное упало в терние (колючий куст), и выросло терние и заглушило его. Иное упало на добрую землю и принесло плод: одно во сто крат, а другое в шестьдесят, иное же в тридцать».

И сколь созвучна эта притча знаменитым словам Николая Алексеевича Некрасова из любимого стихотворения русских учителей—«Сеятелям», написанного в 1877 году и обращенного поэтом к ним самим «сеятелем знания на ниву народную»:

Сейте разумное, доброе, вечное,
Сейте! Спасибо вам скажет сердечное
Русский народ. . .

И как не привести еще одну его же строфу из поэмы «Кому на Руси жить хорошо»:

Такая почва добрая —
Душа народа русского. . .
О, сеятель, приди!

Вот сколько высоких и прекрасных понятий и значений стоит за буквой «Д»—Добро.

Следующая, шестая, буква «Е»—Есть означает «быть, являться, иметь». В русском языке глагол «есть» опускается, часто заменяясь тире или двоеточием, в то время как во многих других языках он представляет собою связку. Особых пояснений эта буква едва ли требует.

Седьмая буква современного алфавита «Ё» не входила ни в глаголицу, ни в кириллицу. Она была введена в употребление выдающимся русским писателем и историком Николаем Михайловичем Карамзиным в 1797 году. Появление буквы «Ё» было следствием упорного стремления Карамзина сблизить письменный русский язык с живой разговорной речью образованных русских людей.

А седьмая буква кириллицы «Ж»—Живете означает множество категорий, связанных с целым классом понятий, образованных от слова «жизнь».

Кирилл, как я уже писал, мог знать Марка Аврелия, утверждавшего, что «задача жизни в том, чтобы жить согласно с внутренним, сознаваемым тобою законом». Мог Кирилл знать и

высказывание великого древнегреческого врача Гиппократ: «Жизнь коротка, искусство вечно, случайные обстоятельства скоропреходящи, научные опыты подвержены сомнению, и суждения затруднительны». Но если это так, то Кирилл скорее исповедовал Аврелия и не мог согласиться с Гиппократом, потому что краткой была жизнь отдельного человека, а его творение имело жизнь вечную и сам он жил согласно внутреннему, сознаваемому им Закону, недаром же был он столь последователен во всех своих поступках. И его собственная жизнь была подтверждением высказывания римского раба, ставшего выдающимся философом, – стоика Эпиктета: «Чтобы правильно и хорошо сделать какое-нибудь дело, нужно уметь сделать его. Так же точно для того, чтобы правильно и хорошо жить, нужно уметь и хотеть жить правильно и хорошо». Именно так, хотя и недолго, прожил до последнего своего дня и сам Кирилл.

Впоследствии, когда его азбука стала достоянием русских, они написали множество поучений о правильной и неправильной жизни и ее

смысле. «Уметь жить»—означает жить с пользой, бережно, по силам и средствам, успевать в делах, уживаться с людьми; «Жить—небо коптить», «Живем, день да ночь и сутки прочь»—проводить время в безделье и безалаберности; «Живи не как хочется, а как Бог велит»—жить со смыслом и совестью. А было и такое чисто русское разудалое присловье: «И пить—умереть, и не пить—умереть, так уж лучше пить и умереть».

В старых русских документах, в летописях и сказах часто жизнь называлась «животом», нередко совпадая по смыслу со словом «брюхо». Таким образом, высказывания о жизни столь же многообразны, как и само существование человека—от самого низменного, животного, до наполненного великим смыслом, поднимающим его к престолу Всевышнего.

Восьмая буква кириллицы «С»—Зело означает «весьма, очень, сильно, крепко, обильно» и в объяснениях едва ли нуждается.

Девятая буква кириллицы «З»—Земля означала и земную твердь во всем ее объеме, и некую

часть суши то ли в виде имени-страны, то ли бескрайнего простора—именно бескрайнего, потому что тогда конца земли еще никто не достигал, а после оказалось, что его и нет, ибо какой же край может быть у шара? И даже бренное человеческое тело называлось землею, ибо, по Библии, Бог сотворил Адама и Еву из глины, то есть из земли, и, по русской пословице, человек «земля еси, в землю отъидеше». И все русское православное сообщество, живущее в России—и отдельное село, и деревенская община, — все это тоже земля, мир, на котором и смерть красна и на коего пирога не испечешь и вина не напасешься, но если взять с мира по нитке, то будет и голому рубаха, если мир топнет, то и земля треснет, и что мир, то и мы, и где у мира рука, там моя голова, и если мир с ума сойдет—на цепь не посадишь, на мир суда нет, с миром не поспоришь, и, наконец, мир судит один Бог. Вон сколько и каких нравоучительных изречений, создаваемых веками народной мудростью, стоит только за одной буквой «Земля».

Десятая буква «И» выполняет функцию со-

юза. Она не отражает чего-либо важного и мировоззренческого в духовном смысле. Эта буква может остаться без комментариев.

Одиннадцатая буква «Н»—Иже означала на церковнославянском языке «если» и «который». Идущая следом двенадцатая буква «К»—Како, представляющая собою союз или местоимение «как», подобно своей предшественнице, выполняла вспомогательную функцию, ибо также была союзом и местоимением. И в связи с этим обе эти буквы оставляются мною без внимания.

Зато тринадцатая буква «Л»—Люди требует пояснений. Крупнейший толкователь русского языка Владимир Иванович Даль так объяснил это слово: «Люди—собираательно—человеки, род человеческий, народ, мир, общество». Он же приводил такие пословицы и поговорки: «Все мы люди, да не все человеки»—то есть рода человеческого, но без человеческого достоинства; «И все люди, да всяк человек по себе»; «Аль в людях людей нет?»; «Людей много, да человека нет»; «Через людей в люди выходят»; «Учи жене без детей, а детей—без людей», а жить при-

зывал «по-людски», то есть прилично человеку, доброжелательно, вежливо.

Таким образом, люди в совокупности, представляющие человечество или род человеческий, не противостоят тому, о чем было сказано в комментариях к букве Аз, то есть «Я», а строят между собой отношения на началах взаимопомощи, доброжелательства, почитания, помня, что всякий должен владеть собою настолько, чтобы уважать других, как самого себя, и поступать с ним так, как мы желаем, чтобы с нами поступали, — вот что можно назвать человеколюбием. Выше этого ничего нет. Последние мысли принадлежат великому китайскому философу Конфуцию, жившему за 1300 лет до солунских братьев, учение которого, пронизанное светом гуманизма, во многом было близко этике христианства и во времена Кирилла и Мефодия, о нем знали в Византийской империи. Так что не исключено, что и наследие «богоравного Кунцзы», так называли великого человека в Китае, в основных положениях должно было быть известно Кириллу и Мефодию.

И уж конечно знали они и знаменитую сентенцию из священной книги древних евреев—Талмуда, — которая повествует о тщете всей человеческой жизни: «Человек приходит в мир со сжатыми кулаками и как бы говорит: “Весь мир мой”. А уходит из него с открытыми ладонями и как бы говорит: “Смотрите, ничего не беру с собой”». И наверное, солунские братья были знакомы с высказыванием древнегреческого мудреца Сократа, без обиняков определявшего важнейшее качество человека: «Лучший человек тот, кто больше всех старается совершенствоваться, и счастливейшим является тот, кто всего сильнее чувствует, что он действительно совершенствуется».

Четырнадцатая буква в кириллице была буква «М»—Мыслете, означающая мысль, размышление, всякую работу ума, идею, суждение, выдумку, думу, замысел.

Кирилл Философ, прекрасно знавший мудрецов древности, да и сам бывший кладезем премудрости, придавал мысли человека и его уму первостепенное значение. Из Конфуция он

мог почерпнуть сентенции, прошедшие испытания временем и совершенно верные и в наши дни: «Мудрый человек требует всего от себя, а не от других»; «Мудрый человек тверд в своих решениях, не входя в столкновение с людьми». И еще: «Лишь самые умные и самые глупые не могут измениться» и, наконец: «Когда видишь мудрого человека, подумай о том, чтобы уподобиться ему. Когда видишь человека, не обладающего мудростью, взвесь еще раз свои собственные поступки».

Кирилл знал и эллинов—Гераклита и Аристотеля, Плутарха и Пифагора, Эпикура, — и римлян—Ювенала, Цицерона, Федра и Публия Сира. В его арсенале были и их высказывания об уме и мудрости. Не чуждался Кирилл и устной молвы простых людей, замечаний глубоких и метких. Так, среди эллинов бытовала народная мудрость, объявляющая, что глупость—мать всех зол, а лень—мать всех пороков, и потому древние мудрецы считали истинами, не требующими доказательств, по-гречески—аксиомами, оба этих утверждения. Гераклит Эфесский, жив-

ший за 1300 лет до Кирилла, утверждал, что мышление—великое достоинство, и мудрость в том, чтобы говорить истинное и чтобы, прислушиваясь к природе, поступать сообразно с нею. А старший его современник—математик Пифагор—считал разум силой, равной богам. Абсолютизируя его, Пифагор писал: «Одному только разуму, как мудрому попечителю, должно верить свою жизнь».

Младший собрат Гераклита—
Платон—обращал внимание своих последователей на то, что основа всякой мудрости—терпение, а рассудительность—это умение обуздывать свои желания, и в старости никто не станет мудрым, не будучи терпеливым.

Демокрит из Абдер, родившийся в 460 году до Христа, в тот самый год, когда Гераклит умер, говорил, что не телесные силы и не деньги делают людей счастливыми, но правота и многосторонняя мудрость. Он же определил три особенности мудрости: выносить прекрасные решения, безошибочно говорить и делать то, что следует. Он понимал и другое: трудно бороться со сво-

им сердцем, однако рассудительному мужу свойственно его побеждать.

За две тысячи лет, прошедших с тех пор, как появились доступные Кириллу древние книги, в который уже раз переписанные византийскими грамотеями, одно из почетных мест занимали сочинения величайшего из мыслителей древности, учителя Александра Македонского, ученого-энциклопедиста Аристотеля Стагирита, жившего в 384–322 годах до Рождества Христова. Он предупреждал человека об окружающих его соблазнах, указывая, что разумный гонится не за тем, что приятно, а за тем, что избавляет от неприятностей. И он же указывал, как добиться этого. Назначение человека, утверждал Стагирит, выполняется благодаря рассудительности и нравственной добродетели; ведь добродетель делает правильной цель, а рассудительность предоставляет средства для ее достижения. Невозможно не быть собственно добродетельным без рассудительности, не быть рассудительным без нравственной добродетели. Сентенции Аристотеля не пропали даром. Их подхватили не только его

ученики, но и далекие от его учения сторонники Демокрита. Один из них, младший современник Аристотеля, – Эпикур (341–270 гг. до н. э.), все же вторя Стагириту, писал: «Начало всего есть благоразумие. От благоразумия произошли все остальные добродетели, оно учит, что нельзя жить приятно, не живя разумно, нравственно и справедливо, и, наоборот, нельзя жить разумно, нравственно и справедливо, не живя приятно».

Учения о мудрости, основанной на нравственности, жили столь же долго, как и сама вечная проблема взаимосвязи этики с умственной деятельностью человека. Отдавая должное обоим этим началам, некоторые ученые ставили ум на первое место, отодвигая нравственность на второй план.

Один из крупнейших древнегреческих историков—Плутарх, живший в 46–120 годах новой эры, полагал мудрость определяющей силой бытия. «Два основных достоинства человеческой природы, – утверждал он, – это ум и рассуждения».

Между Аристотелем, его воспитанником ма-

кедонским царем Александром и Плутархом лежала полоса великих завоеваний, когда Греция и Македония—родина Кирилла и Мефодия—взошли в зенит своего могущества и славы. Александр Македонский, скончавшийся в 323 году до Рождества Христова в возрасте 33 лет, завоевывал земли от берегов Дуная до Египта и от Эгейского моря до Индии и Средней Азии. И во всех этих странах, очень разных, совершенно не похожих друг на друга, оказавшихся по воле завоевателя в одном гигантском государстве—империи, наиболее сильным элементом, цементирующим разные народы и страны, стала культура греков и македонян, которых называли эллинами, так как «покорители мира» пришли из Эллады. Принесенная ими культура, соединившаяся с местным культурным наследием, позже получила название эллинизма. Наибольшее влияние эллинизм оказал на соседнюю Италию, где он принял формы раннего просветительства, развивая философию и культуру древних греков. Кирилл хорошо знал римских поэтов, драматургов и историков, ибо Византия была наследницей и

Афин, и Рима. Среди известных ему авторов был древнеримский поэт Публий Сир, живший незадолго до Рождества Христова. Еще при жизни прославился он своими афоризмами, многие из которых посвящены были уму и глупости. Сир говорил: «Чужим пороком мудрый исправляет свой»; «Кто глуп и понял это, тот уже не глуп»; «Молчание для глупца—замена мудрости». Кирилл был не только ученым, но и миссионером-проповедником, и потому он не оставил в стороне сочинения великого оратора, гражданина Древнего Рима Марка Тулия Цицерона (106–43 гг. до Рождества Христова), не лишенного и высокого практицизма и говорившего: «Недостаточно обладать мудростью, нужно уметь пользоваться ею». А коли так, то, стало быть, мудрецу несвойственно делать то, о чем ему пришлось бы жалеть. «Однако, – утверждал Цицерон, – нет пользы мудрецу в мудрости, если он сам себе не может помочь». Кирилл, как мы уже знаем, прежде всего был просвещеннейшим богословом, но, отыскивая ключи к сердцам вчерашних язычников, он не чурался и произведений тех, кого хри-

стиане считали идолопоклонниками, в чем мы тоже неоднократно убеждались. Среди них был и Децим Юлий Ювенал, римский поэт-сатирик, родившийся через тридцать лет после Вознесения Христа, но все-таки оставшийся язычником. Однако Ювенал не был обойден благодатью мудрости и говорил, что мудрость не скажет того, что противно природе. Это было истиной, а Кирилл всегда следовал истине, из чьих бы уст она ни исходила.

А баснописец Федр—современник Христа, живший в 17–70 гг. новой эры, и тоже, как и Ювенал, язычник, — почитал ум выше храбрости, хотя в то время отвага и неустрашимость стояли на первом месте среди мужских достоинств.

Такая точка зрения была близка Кириллу. Да и Мефодий думал так же, иначе зачем бы он в зрелом возрасте оставил меч военачальника и взял в руки посох проповедника-пилигрима и миротворца? Но, конечно, превыше древних эллинов и во многом унаследовавших их мудрость язычников-римлян почитал Кирилл премудрость Божию, рассыпанную словесным золо-

том не только в Священном Писании—Библии, не только в Новом Завете, но и во многих трудах ветхозаветных пророков и мудрецов, в богослужебных книгах. «Кто внимает обличениям, тот благоразумен», – говорил царь Соломон. А в Талмуде утверждалось: «Кто мудр? – Научающийся чему-нибудь у всех и каждого». И Кирилл следовал этому завету, учась и у Конфуция, и у царя Соломона, хотя книга Соломона «Премудрости» не считалась у христиан канонической.

Однако же учил он славян прежде всего премудрости Божией, черпая ее из послания апостола Павла к жителям города Коринфа—коринфянам. А следует сказать, что апостол Павел оказался очень близок душе и сердцу солунских братьев, ибо они являлись гражданами города, который, как мы уже знаем, исстари был нерушимым оплотом христианской веры. О премудрости Божией писал Павел в первом послании к коринфянам. И говорил апостол: «Где мудрец, где книжник? Где совопросник века сего? Не обратил ли Бог мудрость мира сего в безумие? Ибо когда мир своею мудростью не познал Бо-

га в премудрости Божией, то благоугодно было Богу юродством проповеди спасти верующих».

Кирилла не смущало то, что даже проповедь объявлялась юродством, ибо по сравнению с премудростью Божией и проповедь была ничтожна. Подлинная же премудрость представляет собою благодать, каковую Бог дарует смертному человеку в истинном разумении.

Впрочем, довольно. Отвлечемся от азбуки Кирилла и оживим наше повествование известной сценой из повести Максима Горького «Детство»—сценой обучения Алеши Пешкова чтению его дедом Василием Кашириным:

«Помню, был тихий вечер: мы с бабушкой пили чай в комнате деда, он был нездоров, сидел на постели без рубахи, накрыв плечи длинным полотенцем, и, ежеминутно отирая обильный пот, дышал часто, хрипло. . .

Вдруг дедушка, достав откуда-то новенькую книжку, громко шлепнул ею по ладони и бодро позвал меня:

— Ну-ка, ты, пермяк, солены уши, поди сюда! Садись, скула калмыцкая. Видишь фигуру? Это—

аз. Говорил: аз! Буки! Веди! Это—что?

– Буки.

– Попал! Это?

– Веди.

– Врешь, аз! Гляди: глаголь, добро, есть, –
это что?

– Добро.

– Попал! Это?

– Глаголь.

– Верно! Это?

– Аз.

... От него жарко пахло уксусом, потом и печеным луком, я почти задыхался, а он, приходя в ярость, хрипел и кричал в ухо мне:

– Земля! Люди!

Слова были знакомы, но славянские знаки не отвечали им: “земля” походила на червяка, “глаголь”—на сутулого Григория, “аз”—на бабушку со мною, а в дедушке было что-то общее со всеми буквами азбуки...

Вскоре я уже читал по складам псалтирь, и каждый раз я должен был прочитать псалом:

– Буки-люди-аз—бла,

живете-есть—же—блаже, наш — ер, блажень, — выговаривал я, вода указкой по страницам».

А теперь оставим в покое буквы «Ё» и «Й»- краткое, ибо их не было в азбуке Кирилла, остановим внимание на первых четырнадцати буквах кириллицы, о которых уже шла речь, — от Аза до Мыслете. Повторим их вслух: аз, буки, веди, глаголь, добро, есть, живете, зело, земля, и, како, люди, мыслете. Получается вроде бы какая-то тарабарщина, какая-то абракадабра. Но не будем торопиться и не станем делать поспешных выводов, а еще раз прочтем то же самое, как говорил Александр Сергеевич Грибоедов, «с чувством, с толком, с расстановкой». Для начала переведем значение букв на современный русский язык, учитывая и то, что кириллице более 1100 лет, что подлинник ее, или, как говорят ученые, протограф, не дошел до нас, да и современных ей письменных памятников тоже нет, и потому нельзя с полной уверенностью утверждать, что сам Кирилл и его первые ученики придавали буквам точно тот же смысл, что и мы. И все же в основе своей азбука та же, что и в момент создания.

Позволим себе для связности ввести некоторые грамматические элементы, без которых наша реконструкция или, если угодно, первопрочтение, оказалось бы не столь ясным. (Эти введенные в текст элементы будут обозначены скобками.)

Итак, дерзнем: «Я буквы знаю (.) говорю (:) (“) Хорошо есть (знание) жизни, обильной земли и (того) как люди мыслят (”)». (Здесь опущены союзы и местоимения, играющие второстепенную роль, – буквы «иже» и «како».)

Обратите внимание: никаких ниспровержений, никаких натяжек, никаких заумствований псевдонаучного характера эта реконструкция не содержит. Просто-напросто мы прочитали то, что было написано 1138 лет назад Кириллом Философом, расположившим буквы первой азбуки в такой последовательности, которая, кроме всего, позволяла легко запомнить их очередность, ибо в основе фразы лежит несложное логически обоснованное предложение, утверждая простую истину: хорошо знать азбуку, ибо она позволяет ведать и жизнь, и землю, и то, как люди мыслят.

Такой прием запоминания аналогичен знакомой любому старшекласснику, занимающемуся физикой, вроде бы не относящейся к этой науке фразе: «Каждый Охотник Желает Знать, Где Сидит Фазан». На самом же деле первые буквы слов в этом предложении означают цвета спектра в их последовательности: Красный, Оранжевый, Желтый, Зеленый, Голубой, Синий, Фиолетовый. Это—обычный мнемонический ряд, основанный на ассоциации и имеющий целью облегчить запоминание.

Вот и Кирилл задолго до появления науки оптики использовал такой же метод запоминания, наделив при этом фразу, положенную им в основу алфавита, высоким просветительским смыслом. А коль скоро это так, а я уверен, что это именно так и никак иначе, то следом за первой фразой должна быть еще какая-то, потому что если Кирилл использовал такой метод для первых букв, то он должен был применить его и для букв последующих, хотя бы некоторых.

Дальше Кирилл расположил буквы следующим образом: Н, О, (омега), большая—

последняя буква греческого алфавита, исключенная реформой 1711 года, но не случайно, как будет показано ниже, поставленная создателем славянской азбуки именно на это место. Затем в кириллице шли буквы П, Р, С, Т. Пока ограничимся этими семью буквами, ибо в них, как мне представляется, скрыта еще одна фраза. Но прежде пройдем по азбуке дальше, используя тот же метод, что и прежде.

«Н»—Наш, пятнадцатая буква, означает «нам принадлежащий, собина наша, то есть милый, дорогой, сродный, близкий, принадлежащий нам: семье, общине, родне».

Даль поясняет, что это—и товарищ, и собрат, и земляк, и родственник.

Шестнадцатая буква «О»—Он—означает и просто местоимение «он», и иносказательно означает Бога: «Им свет стоит; к Нему Солнышко спрашивается; Никто, как Он; Он один премудр и всеведущ».

И далее идет семнадцатая буква w—Омега, последняя буква греческой азбуки, означающая конец, подобно тому как первая ее буква а—

альфа—означает начало. Отсюда происходило выражение: «от Альфы до Омеги», то есть от начала до конца (сегодня, используя современный русский алфавит с его реалиями, когда «А» занимает первое место, а последней буквой является «Я», мы говорим: «От А до Я»). И, используя это выражение, Христос сказал о себе и своем учении: «Аз есмь альфа и омега, начало и конец всего»—как говорится в «Откровении» Иоанна Богослова.

Восемнадцатая буква «П»—Покой—означает мир и тишину, безмятежное состояние, полное спокойствие, кротость, умиротворение страстей, блаженство души.

Девятнадцатая буква «Р»—Рцы—означает: говори, сказывай, молви, — отсюда слова—обречь, приговорить кого-либо, заречься, то есть дать обет отказаться от чего-либо, наречь, то есть назвать кого-то, пререкаться, спорить, пред-рекать, предсказывать; отсюда же происходят слова—речь, речистый и т. п.

А вот двадцатую букву «С»—Слово—выделим особо, ибо за нею стоит

такая бездна премудрости, как, пожалуй, ни за одной другой.

Слово, говорит Даль, есть первый признак сознательной разумной жизни, а, по Константину Сергеевичу Аксакову, «слово есть воссоздание внутри себя мира». И хотя два только что приведенных высказывания появились через 1000 лет после смерти Кирилла Философа, они верны, и его предшественники немало говорили о силе Слова. Но как бы ни были справедливы их замечания, они не идут ни в какое сравнение с первыми строками Евангелия от Иоанна, которого Богородица усыновила после смерти ее сына Иисуса Христа. Иоанн начал свое Святое Благовестование так: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Все через него начало быть, и без него ничто не начало быть, что начало быть. В нем была жизнь, и жизнь была свет человеков. И свет во тьме светит, и тьма не объяла его».

Здесь такие высочайшие категории, как Слово, Бог, Жизнь и Свет, находятся в одном смысле и эмоциональном ряду и равнозначны и

равноценны друг другу. Слово истолковывается богословами как—Бог, Сын Божий, Истина, Премудрость и Сила. И именно так понимал Слово и ученейший богослов Кирилл Философ, называя этим именем букву С.

И наконец, двадцатая буква «Т»—Твердо—означает: твердь, крепкий, нерушимый, стойкий, уверенный, верный, прочный. Слова «верный» и «уверенный» имеют корнем слово «вера», и это тоже помогает разгадке следующей фразы. Но, пожалуй, наиболее поэтично, образно и точно в смысловом и эмоциональном смысле употребил слово «твердыня» великий немецкий реформатор Мартин Лютер, сочинивший замечательный хорал, который впоследствии назвали «Марсельезой XVI века». Этот хорал был написан на основе 46-го псалма, и его лейтмотивом стала мысль Лютера о том, что Господь—наша крепость.

Исходя из того, что узнали мы о семи буквах, следующих после первой фразы, в которой было осмыслено нами значение двенадцати букв, попробуем прочесть и семь последующих: Наш,

Он, Омега, Покой, Рцы, Слово, Твердо. А теперь и это все попробуем осмыслить, как и начальные буквы азбуки: «Наш Он это—Бог, Альфа и Омега, начало и конец всего, мир и покой (И) Речет Слово (которое) Твердыня». Такова вторая фраза. А большинство последних букв—У, Ф, Х, Ц, Ч, Ш, Щ, Ъ, Ы, Ь, Э, Ю, Я—Кирилл поместил в азбуку из чисто практических соображений, так как без них не было бы полноценного алфавита, и, кажется, в этих буквах никакого скрытого смысла нет. Из всех этих букв, обозначенных как «Ус», «Ферт», «Хер», последняя из них изображена косым крестом, отчего и пошло выражение «похерить», то есть «зачеркнуть, перечеркнуть, помарать». «Ч»—единственная из всех последних букв, имеющая огласовку именем существительным—«Червь», — наводит на размышления о бренности всего земного и конце человеческого существования. Червь, живущий в земле, в могилах, в мертвых телах и животных и человека, паразитирующий в еще сохраняющейся, но уже безжизненной плоти, издавна был символом праха, тления и конца жизни. «Что червь

в орехе, то печаль в сердце», — говаривали в старину. Червоточиной называли и прогрызенный во фруктах или овощах лаз или—фигурально—болезнь, тоску, скрытый порок. По-видимому, не случайно поместил Кирилл «Червя» в самый конец азбуки, расположив после этой буквы безликие «Ша», «Ща», произносимые «Ъ»—Ер и «Ь»—Ерь, а также «Ы»—Еры, с которой не начинается ни одно слово. Столь же безлики буквы «ѣ»—Ять, о которой уже Даль говорил, что «смысл ее утерян», и «Э», введенная в алфавит после реформы Петра I и называвшаяся «Еоборотное», а также и буква «Ю»—Йу.

Последней буквой русского алфавита является буква «Я»—Яз. По смыслу она идентична первой букве Аз, также означающей местоимение «Я». Однако Аз употреблялось в этом смысле в азбуке церковной, а «Я»—в азбуке гражданской. И это вроде бы формальное различие на самом деле было весьма существенным. Аз употреблялось чаще в случаях торжественных, связано было со Священным Писанием, а «Я»—в житейском обиходе. И все же характерно, что славян-

ский алфавит с Человека начинался и Человеком заканчивался. Начало и конец представляли замкнутый круг, напоминающий венок Творцу или венец творения. Это и было тем самым, что великий немецкий философ Гегель назвал позже «мировой идеей, совершившей круг».

Если же быть педантом, то нужно сказать, что после «Я» шли еще буквы «Фита» и «Ижица», заменяющие буквы «Ф» и «И» в греческих словах. Но в русском языке с них начиналось всего десять слов, и потому и Фитой, и Ижицей можно пренебречь.

Сознаюсь, что мое прочтение девятнадцати букв славянской азбуки—это мое прочтение, его можно принимать, можно—не принимать, можно уточнять или же истолковывать по-иному. Для меня же оно стало удивившей меня реальностью, вроде бы лежащей на поверхности, на которую почему-то не обращали внимания. Это напоминало мне хрестоматийный случай, когда Исаак Ньютон, увидев падающее в саду яблоко, открыл закон всемирного тяготения, хотя до него миллионы людей видели подобное миллионы раз, но

никто из них этого закона не открывал.

Древнерусская светско-церковная мозаика

Первые русские святые—Борис и Глеб

Владимир Святославич умер 15 июля 1015 года, оставив после себя двенадцать сыновей: Святополка, Вышеслава, Изяслава, Ярослава, Всеволода, Мстислава, Станислава, Святослава, Бориса, Глеба, Позвизда и Судислава. Судьба почти каждого из братьев могла бы стать сюжетом для историко-приключенческого романа, но мы остановимся лишь на некоторых.

...После смерти Владимира Святославича киевский великокняжеский престол занял его старший сын, Святополк, впоследствии прозванный Окаянным.

Не желая делить земли и власть со своими братьями, он решил перебить их всех поодиноч-

ке.

Первыми его жертвами стали три его брата—Борис, возвращавшийся из похода на печенегов, а затем Глеб и Святослав.

Подосланные Святополком убийцы ночью добрались к шатру Бориса и пронзили его копьями сквозь полог шатра, когда Борис спал. Затем еще живым завернули его в шатер и привезли к Святополку. Тот велел двум варягам прикончить брата.

Так же предательски был убит и Глеб, плывший в Киев по Днепру, надеясь застать в живых больного отца, о смерти которого он еще не знал. Борис и Глеб стали первыми русскими святыми-великомучениками. Правда, их причисление к лику святых произошло не сразу. Понадобилось более полувека, чтобы такое признание состоялось. Константинопольский патриарх Иоанн VIII совершил этот акт лишь в 1071 году.

Ярослав Мудрый

Узнав о вероломном убийстве трех братьев, против Святополка выступил князь Новгорода Великого—Ярослав. Он узнал о случившемся преступлении от своей сестры Предславы, которая сообщила, что и ему Святополк готовит такую же страшную участь.

С новгородцами и дружинниками-варягами Ярослав пошел к Киеву и после трехмесячного противостояния у Любеча разгромил войско Святополка. Остатки разбитой рати князя-братоубийцы бежали в Польшу, к тестю Святополка—польскому королю Болеславу Храброму. А Ярослав вступил в Киев и стал Великим Киевским князем, объединив, таким образом, два крупнейших центра Древней Руси—

Киев и Новгород. Однако успех Ярослава вначале оказался непродолжительным: через три года Святополк вернулся с польским войском, разбил Ярослава на берегах Буга и снова утвердился в Киеве. Но Ярослав был крепким орешком—в 1019 году он еще раз выступил в поход, изгнал соперника из Киева, заставив его искать убежище у печенегов. Не позволив себе почивать на лаврах, Ярослав вторгся в половецкие степи и окончательно разгромил войско Святополка в битве на реке Альте. Святополк попытался найти поддержку в Польше и Чехии, но на пути в эти страны погиб.

С 1019 года Ярослав окончательно утвердился в Киеве и в Новгороде, подчинив себе и все другие древнерусские города, кроме Полоцка.

Он вошел в историю России как великий законодатель, оставивший после себя первый письменный свод законов—«Русскую Правду», а также прославившийся тем, что стал выдающимся просветителем, которого уже при жизни называли Мудрым.

Анна Ярославна, королева Франции

У Ярослава Мудрого кроме семи сыновей было три дочери—Анна, Анастасия и Елизавета. Старшей была Анна, родившаяся в 1024 году. Она была сказочно хороша и превосходила умом и обеих своих сестер, и многих братьев.

Когда стала Анна невестой на выданье, многие князья предлагали ей свою руку и сердце, но она отказывала всем, не считая ни одного из них достойным женихом. Наконец, когда исполнилось ей двадцать пять лет (возраст для того времени вполне зрелый для замужества), в Киеве появился католический епископ Роже, приехавший из Франции от короля, 37-летнего Генриха I, который послал епископа ко двору Великого

князя Ярослава для того, чтобы посвататься от его имени к Анне, слава о которой дошла до него.

Генрих I был в это время вдовцом: когда исполнилось ему тридцать пять лет, он женился на племяннице немецкого императора Генриха III, но несчастная принцесса через три месяца умерла.

Выбрать себе новую жену было для короля делом непростым: Папа Римский запретил католическим королям Европы совершать браки между родственниками вплоть до седьмого колена, а это означало, что ни одна из немецких и французских знатных девиц не может стать королевой Франции, так как из-за недавнего неудачного брака все эти девушки доводились Генриху I хотя и дальними, но все же родственницами. Да и знатные фамилии Франции по той же причине не могли предоставить своих невест Генриху Капетингу, род которого с давних пор был породнен со многими аристократическими фамилиями королевства. Генрих был уже третьим королем Франции из династии Капетингов, и хотя формально считался избранным королем, так как до XII века короли избирались французской знатью,

но фактически власть его была наследственной, ибо и его дед—Гуго Капет, – и отец—Роберт II—занимали трон Франции.

Капетинги издавна владели Парижем и землями вокруг него, называвшимися «Иль де Франсом»—«Островом Франция», потому что эта территория была заключена между большими реками: Сеной, Марной и Уазой. Однако во времена правления Генриха I местом его пребывания чаще всего был не Париж, а Реймс, старинный город, где в 496 году первый король франков Хлодвиг I из династии Меровингов принял христианство, сыграв в истории Франции роль Владимира Святославовича.

В тот же год, когда стал он христианином, Хлодвиг и короновался здесь же, в Реймсе. С тех пор, по традиции, все короли Франции 1300 лет короновались в этом же городе.

Однако же вернемся к Анне Ярославне.

Великая княжна благосклонно отнеслась к предложению Генриха, и счастливый епископ вернулся в Реймс, где тотчас же был принят не менее счастливым женихом, особенно обрадовав-

шимся тому, что невеста его действительно хороша собой, умна и молода.

Генрих послал целый обоз подарков, несколько прочных и удобных карет и стал ждать приезда невесты.

В самом начале мая 1051 года Анна Ярославна приехала в Реймс и, как утверждают старые французские хроники, при первой же встрече была крепко расцелована заждавшимся женихом. Те же хроники сообщают, что и Генрих очень понравился Анне, и 19 мая была сыграна пышная и веселая свадьба.

В 1052 году Анна родила мальчика, названного Филиппом, а потом еще троих сыновей. Анна и Генрих жили счастливо, но, к сожалению, недолго: король умер 4 августа 1060 года, оставив трон своему восьмилетнему сыну, который был провозглашен королем еще при жизни отца, 23 мая 1059 года.

Однако регентшей Анна не стала. Волею Генриха I руководить страной до совершеннолетия Филиппа назначен был граф Бодуэн, а вдовствующая королева с сыном уехала в замок Санлис,

где вскоре, забыв скорбь, предалась пирам, охоте и иным радостям жизни.

Не стоит забывать, что ей было тогда тридцать шесть лет, а в этом возрасте женщины не чувствуют себя старухами. К тому же Анна стала еще красивее, чем раньше, и у многих вельмож Франции от восхищения прекрасной королевой кружилась голова.

Один из ее поклонников—граф Рауль Валуа, к которому и Анна испытывала сильные чувства, летом 1065 года похитил вдовствующую королеву, увезя красавицу с ее согласия.

Перед тем как Рауль увез Анну из Санлиса, он выгнал свою жену из замка Крепи, где они до того жили, та в полном отчаянье ушла в монастырь, недоумевая, почему муж поступил с нею так жестоко.

Доказывая Анне прочность их союза и серьезность своих намерений, Рауль обвенчался с нею, как только они приехали в Крепи. Местный священник не осмелился возражать могучему сеньору и освятил брак церковным обрядом. Когда же бывшая графиня узнала имя соперницы, она

тут же покинула монастырь и отправилась в Рим к папе Александру II, добиваясь восстановления своих погранных супружеских прав. Папа предписал Раулю Валуа оставить Анну и вернуться к изгнанной и законной жене. Однако граф не захотел даже и слышать об этом.

Тогда папа отлучил непокорного от церкви, а брак с Анной объявил недействительным.

Рауль не испугался страшной кары, которая, по поверьям того времени, ввергала отлученного после его смерти в ад, и не оставил Анну до самой своей кончины, последовавшей в 1074 году.

Незадолго до смерти графа Рауля брак его с Анной был признан действительным. Это сделал новый папа, Григорий VII, сменивший в Ватикане своего предшественника.

Двадцатидвухлетний король Франции Филипп I еще при жизни графа Валуа помирился со своей матерью, доверив ей управление дворцовым хозяйством.

Хроники не сохранили свидетельств о смерти Анны Ярославны—королевы Франции, но мы знаем, что ее прямые потомки правили стра-

ной более двух с половиной веков, занимая трон одиннадцать раз, до 1382 года.

А когда последний из Капетингов—Карл IV Красивый, — не имея сына, вынужден был отдать престол своему племяннику Филиппу Валуа, то и новая династия оказалась родной по крови нашей героине. Короли из фамилии Валуа правили Францией 207 лет, до 1589 года, занимая престол четырнадцать раз. И даже после того как на смену династии Валуа пришли Бурбоны, и тогда кровная связь королевских домов не прервалась, ибо женой первого короля из династии Бурбонов—Генриха IV—была Маргарита Валуа.

Первый русский митрополит Иларион

При Ярославе Мудром церковная организация на Руси получила законченные формы митрополии, и в 1036 году первым киевским митрополитом стал грек Феопемп, поставленный византийским патриархом Алексием Студитом. А на следующий год в Киеве был заложен великолепный собор Святой Софии—«Премудрости Божией»—главный собор православной Руси. Знаменательно, что и в Новгороде главный храм назывался так же, и в Царьграде—Константинополе церковь Святой Софии была патриаршим собором. Константинопольский патриарх считался вселенским главой православной церкви, и «из его руки» поставлялись на троны первосвященники подчи-

ненных ему епархий.

И вдруг произошло неожиданное: в 1051 году Ярослав Мудрый поставил на митрополичий престол русского священника Илариона, настоятеля церкви Святых Апостолов, расположенной в резиденции Великого князя, в селе Берестове, под Киевом, причем Великий князь сделал это не советуясь с патриархом и без его ведома.

Иларион был знатного рода, издавна близок к семье Ярослава и более прочих священников просвещен. Летопись говорит, что был он «муж благ, и книжен, и постник».

Необыкновенная ученость и выдающиеся личные качества сделали Илариона единственным кандидатом на место митрополита. Опасаясь того, что константинопольский патриарх предпочтет ему какого-нибудь грека, Ярослав повелел собрать русских епископов, и они соборно избрали Илариона главою русской митрополии.

Илариону принадлежало много сочинений. Он был автором и «Номоканона»—свода правил церковной жизни, получившего на Руси название «Кормчей книги». Ему принадлежало «Испове-

дание веры», «Слово к брату-столпнику», некоторые другие произведения. Но самым выдающимся произведением, которое считается перлом всей древнейшей русской литературы, является его «Слово о Законе и Благодати», где впервые в русской богословской литературе достаточно популярно и доступно трактуется «Закон», то есть Ветхий Завет, и «Благодать»—Новый Завет. Однако Иларион не ограничивался кратким пересказом и толкованием Библии, но, выходя за ее рамки, воспевал просвещение Руси христианством и прославлял отца Ярослава—Владимира, приравненного к ученикам Христа—апостолам и канонизированного православной церковью как равноапостольного.

Кроме того, Иларион выступает в этом сочинении и как великий патриот Русской земли, которая «ведома и слышна есть всеми концы земли».

В «Слове о Законе и Благодати» он, кроме всего прочего, обращался к тем избранным, которые «преизлиха насыщшимися сладости книжныя». Между этими избранными был и сам

Ярослав—великий любитель книжной премудрости и прилежный книгочей, который, по словам летописи, «любил церковные законы и правила, сильно любил священников, а еще больше—монахов, и был очень прилежен в чтении книг, и читал их часто, и ночью и днем; и собрал множество переписчиков, которые переводили книги с греческого на славянский язык, и переписали много книг, и нашли много мудрости, которой учились многие верные люди, наслаждаясь божественным учением».

И далее летописец говорил: «Ибо велика бывает польза от книжного учения, и так как книги учат нас и указывают нам пути покаяния; в книгах мы обретаем мудрость и воздержание, и подобны они рекам, напоющим вселенную».

Иларион и сам был не только великим книжником, но и одним из первых писателей Руси, несомненно самым лучшим писателем своего времени. При таком князе и при таком главе церкви дело просвещения находилось в надежных руках.

Но Иларион пробыл митрополитом всего три

года—до смерти Ярослава Владимировича, случившейся 2 февраля 1054 года.

Уже на следующий год Иларион оставил митрополичью кафедру, не переменив и в епископском чине своих привычек и образа жизни, пребывая в трудах, молитвах, посте и благочинии. Как и прежде, он оставался аскетом и подвижником. Часто уходил, как и в прежние времена, на соседнюю с Берестовым гору, где усердно молился, а иногда и оставался в выкопанной для себя пещерке. Потом на этом месте вырос Киево-Печерский монастырь—первый центр русской духовной культуры и неугасимый очаг просвещения.

Печерский монастырь—«свеча горящая», и его игумен—святой Феодосий Печерский

Печерский монастырь был основан в 1051 году, в год поставления на киевскую митрополию Илариона. На холме, покрытом лесом, вначале возникла небольшая обитель, которую возглавил пришедший со святой Афонской горы монах Антоний. Родом был он из города Любеча, что на Днепре, и возвратился с Афона, из Греции, в родные места. Сначала Антоний жил в монастырях Киева, но житье там пришлось ему не по нраву, и он занял пещеру Илариона, так как она освободилась из-за того, что ее насельник стал митрополитом и три года не жил в ней.

К Антонию стали приходить мужчины, желающие пострига, и когда стало их двенадцать, они построили для себя небольшую церковь и кельи в пещерах. Антоний и здесь уединился, уйдя на соседнюю гору и поселившись в новой пещере, но монахи приходили и туда, построив рядом с его обителью свои кельи.

В 1062 году возникший монастырь стал называться Печерским, а его первым игуменом стал совсем молодой монах—Феодосий, пришедший сюда из Курска, где отец его был высокопоставленным управителем при курском князе-наместнике. Примерно в 1068 году, когда монахов было уже около 100 человек, началось строительство нового большого монастыря, а в 1073 году заложена самая крупная церковь—Успения Пресвятой Богородицы.

Но более всего славился монастырь своей библиотекой и двумя мастерскими—иконописной и книжной, где переписывались и переводились книги.

При обители была и самая большая в Древней Руси школа, где обучались будущие священники,

монахи, причетники и администраторы.

Из монахов Печерского монастыря вышел и святой—Феодосий Печерский, которого еще при жизни называли «преподобным», что означало: святой, праведный, угодный Богу. Он считался основателем русского монашества, и его жизнь впоследствии стала образцом для подражания множеству иноков и Южной, и Северной Руси.

Монастырь, основанный Феодосием, – будущая Киево-Печерская лавра, не был огражден от мира. Наоборот, Феодосий, живя милостыней от мирян, платил им тем же от монастырских избытков. В годы его настоятельства был построен дом «нищим, слепым, хромым, больным», а каждую субботу он отсылал в Киев воз хлеба для колодников, содержащихся в городской тюрьме.

Феодосий же был духовником многочисленных мирян, наставлявшим их на путь истинный. Даже по отношению к киевским князьям он оставлял за собою роль наставника, поучающего их. Князей Феодосий считал всего лишь своими духовными детьми, обязанными признавать над собою его авторитет, как авторитет церкви,

стоящей над миром и мирянами и поставленной самим Богом.

Именно от Феодосия Печерского пошла на Руси традиция милосердия и милостыни, ставшая неотъемлемой частью не просто древнерусского быта, но и чертой национального характера русских людей.

В. О. Ключевский о милостыне и милостивцах

В очерке «Добрые люди Древней Руси» выдающийся историк, академик Василий Осипович Ключевский писал: «Как в клинике необходим больной, чтобы научиться лечить болезни, так в древнерусском обществе необходим был сирый и убогий, чтобы воспитать умение и навык любить человека. Милостыня была дополнительным актом церковного богослужения, практическим требованием правила, что вера без дел мертва. Как живое орудие душевного спасения, нищий нужен был древнерусскому человеку во все важные минуты его личной и семейной жизни, особенно в минуты печальные. Из него он создал идеальный образ, который любил носить в

мысли, как олицетворение лучших своих чувств и помышлений. Если бы чудодейственным актом законодательства или экономического прогресса и медицинского знания вдруг исчезли в Древней Руси все нищие и убогие, кто знает, может быть, древнерусский милостивец почувствовал бы некоторую нравственную неловкость, подобно человеку, оставшемуся без посоха, на который он привык опираться, у него оказался бы недочет в запасе средств его душевного домостроительства».

* * *

Теперь же, уважаемые читатели, познакомимся с одним из одиннадцати достоверно принадлежащих Феодосию Печерскому сочинений.

Феодосий Печерский. «Слово о терпении, и о любви, и о посте»

«Много раз друзей я прогонял, боясь искушения: пусть уходят, пока не получают святой тот дар. То, что делаю, не понимаю, убогий! Если же я замолчу из-за вашего роптания, угождая вам из-за вашей слабости, то камни возопят! Не я говорю, но они—всей Вселенной просветители, столпы истины, насадители правой веры, наставники всему доброму благодетели, вожди верные и светила неугасимые.

Ныне же печалимся и скорбим о тех, узнавших Бога, о которых нам бы радоваться и хвалу за которых возносить благому владыке. Ведь не осудил Он пришедших в 11 часов за их промедление, но награду других даровал им—награду тех,

кто работали с утра, но возроптали на владельца виноградника.

Друг, не обижу тебя! Не так ли мы сговорились с тобою? И не могу ли я делать среди своих так, как я хочу?! Ныне же я, ничтожный, умом постигнув заповеди благого владыки, говорю вам: приличествует нам от трудов своих кормить нищих и странников, а не пребывать в праздности, переходя из кельи в келью. Слышали ведь Павла, сказавшего: “Нигде я даром хлеба не ел, но ночью работал, а днем проповедовал”, и “Руки мои послужили и мне и другим”, и опять: “Пусть не будет есть праздный”. Мы же ничего этого не делаем. Если бы благодать Божия не простерлась над нами и не кормила бы нас приношениями боголюбивых людей, то что бы мы стали делать, глядя на свои труды. А еще говорим: ради нашего пения, или поста, или бдения это все нам приносят. А за всех за приносящих ни единого раза не поклонимся. Слышали ведь притчу о десяти девах мудрых и пяти несмышленных. Как вещает святое Евангелие: мудрые же девство соблюли и светильники свои украсили

милостынями и верою, и вошли в чертог радости, никем не возбраняемый для них. Другие же, которых нарекаем несмышлеными, хотя и соблюли девственную печать, хотя постом, бдениями и молитвами истончили плоть свою, но масла милостыни не принесли в светильниках своих душ, поэтому изгнаны были из чертога. И тогда стали они искать того, кто подает милостыню нищим, но не нашли, так как затворились двери человеколюбия Божиего.

Так не следует ли и нам, возлюбленные, от посланных Богом на пользу душам и телам нашим приношений людей боголюбивых не только себе все брать, но и другим нуждающимся подавать?! “Лучше, – говорит апостол, – давать, чем брать”, “Блажен, – говорит, – заботящийся о нищих и убогих: в день Страшного суда помилует их Господь”, и опять: “Блаженны милостливые, ибо только они помилованы будут”. Да не уподобимся тем ропщущим, что чрева ради пали в пустыне.

И как же мне не стенать и не печалиться, возлюбленные мои, слыша все то от вас! Если бы

мог, обратился бы к вашим чувствам такое пророческое слово: “Кто даст главе моей камние и очам моим источник слез, чтобы плакаться день и ночь за дочерей людей моих!” И чего мы лишились, братья мои и отцы? Что вы принесли из своего имущества в это место или чего я требовал от вас, принимая в обитель сию? Чего нас лишило человеколюбие Божие? Не все ли дается нам молитвами святой Богородицы?! Поэтому молюсь о вас от всей души, возлюбленные мои: не будьте двоедушны, чтобы не прогневить благого владыку, как те, непокорные, но воздадим хвалу благому владыке, который так о нас заботится и дает нам все в изобилии, не помня грехов наших. И должны мы к нему обратиться такое Давыдово слово: “Что есть мы, грешные, Господи мой, Господи, из которых Ты и нас избрал и все нам даровал”, “Смирюсь, – говорю, – спаси меня” и “В смирении нашем помнит о нас Господь”. О Христе Иисусе, Господе нашем».

Русские святые женщины

Первой русской святой стала киевская Великая княгиня Ольга, принявшая христианство около 957 года. Ее прах был перенесен в Десятинную церковь в Киеве ее внуком—Великим Киевским князем Владимиром Святославичем, и хотя время ее причисления к лику святых точно не известно, можно с уверенностью утверждать, что княгиня Ольга была первой русской святой. Затем были канонизированы и другие женщины-святые, все до единой, как и Ольга, княжеского происхождения. Причем большинство из них имели мужьями или отцами тоже князей, причисленных после смерти к лику святых. Это Ефросиния Полоцкая, дочь полоцкого князя—основательница женского монастыря в Полоцке

(XII век); Анна Кашинская, жена святого князя Михаила Ярославовича Тверского, скончавшегося в монастыре в 1368 году; Ефросинья Суздальская, дочь святого князя Михаила Черниговского; Ефросинья (в миру Евдокия) Московская—жена святого великого князя Дмитрия Ивановича Донского, принявшая постриг незадолго до кончины (умерла в 1407 году).

Народное и местное монастырское почитание добавляет к ним Соломонию—несчастную жену Великого Московского князя Василия III, который силой заточил ее в монастырь для того, чтобы вторично жениться на Елене Глинской, ставшей матерью Ивана Грозного.

Соломония была пострижена под именем Софьи и, по легенде, уже в монастыре, будучи монахиней, стала матерью будущего разбойника Кудеяра, которого младенцем вывезли в Керженские леса и тайно воспитали в лесных скитах. (Об этом подробнее расскажем позже, когда история приведет нас в начало XVI века.)

Колокола и колокольный звон

А вот еще один церковный сюжет, правда довольно своеобразный.

С самого начала церковного строительства на Руси появились и колокола. Колокольный звон не только призывал христиан к богослужению, но и звучал во многих других случаях. В Новгороде Великом и Пскове колоколом созывалось народное собрание—вече. Звоном колоколов звали на пожар, звоном указывали дорогу путнику, заблудившемуся в лесу или при непогоде, собирали ратников на защиту города, если к его стенам подходили враги, оповещали о начале войны, о выигранных сражениях. Под колокольный звон уходили на битвы с врагами и возвращались с полей брани, одержав победу.

До XV века колокола привозились из-за рубежа и были большой редкостью. Чаще всего на колокольнях, или звонницах, помещалось их не более трех. При Иване III (правил в 1462–1505 гг.) развитие литейного дела привело к тому, что в России появилось много собственных колоколов.

Самым же большим русским колоколом стал знаменитый Царь-колокол, отлитый в 1733–1735 годах отцом и сыном Иваном и Михаилом Моториными. Исходным материалом для отливки Царь-колокола послужил поврежденный пожаром огромный колокол, созданный в 1645 году мастером Александром Григорьевым.

К этому колоколу-гиганту, весившему 8 тысяч пудов, было добавлено еще около 5 тысяч пудов сплава, и Моторины отлили невиданный дотоле колокол весом в 12 327 пудов (свыше 200 тонн). Уже отлитый и готовый к подъему Царь-колокол треснул во время пожара 1737 года, и от него отвалился кусок бронзы в 11,5 тонны.

В 1836 году Царь-колокол был поднят на постамент и поставлен в Московском Кремле.

А самым большим действующим колоколом

был Успенский, весивший около 4 тысяч пудов (64 тонны) и находившийся в Кремле на колокольне Ивана Великого. Именно с удара этого колокола начинался в Москве знаменитый пасхальный звон, в котором участвовало 5 тысяч колоколов. Известный русский писатель Иван Сергеевич Шмелев (1873–1950) называл это великое колокольное действо «единственной в мире симфонией», которую приезжали специально слушать не только из других городов России, но и из-за границы.

Звоны делились на: 1) праздничный, или «красный», звон—звон во все колокола, который производился несколькими звонарями в великие праздники и при посещении храма епархиальным архиереем; 2) благовест, то есть возвещающий благую весть о начале богослужения, когда звонит только один колокол; 3) трезвон—звон во все колокола трижды; 4) двузвон—звон во все колокола дважды; 5) перезвон—звон поочередно в каждый колокол много раз с самого большого колокола до самого маленького; 6) перебор—звон в обратном по сравнению с перезвоном порядке:

от самого маленького—к самому большому, после чего ударяют во все колокола сразу.

Каждый вид звона соответствовал особым случаям—богослужение, похороны, приезд архиерея и т. п.

Путешествие по древней
библиотеке: летописи,
наставнические сочинения и
мудрые мысли, в них
содержащиеся

Крылатые выражения из «Повести временных лет» и «Ипатьевской летописи»

В «Повести временных лет», о чем уже рассказывалось ранее, содержится крылатое выражение: «Веселие Руси есть пити, не может без того и быти». Летописец так объясняет появление этих слов: «Великий киевский князь Владимир Святославич, выбирая для Руси религию, призвал христианских миссионеров из Рима и из Константинополя, а также иудеев и магометан. И, узнав, что магометанская религия запрещает пить вино, отверг переход Руси в магометанство, сказав: “Веселие Руси есть пити, не может без того и быти”, то есть Русь не может без пития жить,

так как слово “бытие”, “быти” означало “жизнь”, “жить”».

Впоследствии выражение стало употребляться в сокращенной форме—«Веселие Руси есть пити».

Там же встречается и другое древнейшее крылатое выражение, ставшее народной пословицей: «Погибоша, аки обри», означающее гибель и совершеннейшее исчезновение кого-либо или чего-либо. Оно получило распространение еще в VII веке.

«Повесть временных лет» сообщает, что одно из кавказских племен—авары, по-старославянски «обры», — покорило славянское племя дулебов, живших на территории западной Волыни (летописных «обров» неправомерно отождествлять с современными аварцами, живущими в Дагестане).

И Бог, вступившись за славян, истребил обров. «И не оставался ни один обрин. И есть притча на Руси и до сего дня: погибоша, аки обри; их же несть племени ни наследка». («Наследок» — род, потомство.)

Так как «Повесть временных лет» начала создаваться не ранее XI века, то, стало быть, этой пословице уже тогда было около пятисот лет, а сегодня уже—полтора тысячелетия.

Множество афоризмов, ставших поговорками, пословицами и крылатыми выражениями, встречается и в других, более поздних летописях. Вот лишь несколько из тех, что рассыпаны в «Ипатьевской летописи»—одном из древнейших памятников южного русского летописания:

- Когда Бог хочет наказать человека, то лишает его разума.

- Лучше лечь костями на родине, чем быть в почете на чужбине.

- Один камень много горшков перебьет.

- Не поморив пчел (лесных пчел), меду не съесть.

- Войны без убитых не бывает.

· Не в силе Бог, а в правде.

Можно было бы привести и множество других замечательных афоризмов, но для этого понадобилась бы отдельная книга.

«Наш брат, Исаакий!»

Одно из первых русских крылатых выражений пришло из церковной среды, из «Патерика Киево-Печерского монастыря». «Патерик» — от греческого слова «патер» — отец. («Патерик» — сборник рассказов о монахах, чаще всего отшельниках, где повествовалось о их жизни и подвигах.) «Киево-Печерский патерик» составлялся монахами в XIII–XV веках и среди прочих «Посланий», «Сказаний», «Житий» содержал рассказ о некоем иноке брате Исаакии, к которому однажды в полночь явились бесы, принявшие образ прекрасных юношей. Сказали они отшельнику Исаакию, одиноко жившему в пещере: «Исаакий, мы — ангелы, а вот идет к тебе Христос, поди и поклонись ему». Исаакий принял беса за Христа и поклонился ему. Тогда бесы закрича-

ли: «Наш Исаакий!» и заставили монаха плясать вместе с ними под дудки, сопелки, бубны и гусли. Измученный пляской, отшельник пал без чувств и лишь утром понял, что с ним случилось.

Выражение «Наш брат, Исаакий!» стало означать, что человек, о котором так отзываются, близок к говорящему с ним по взглядам, положению в обществе и моральным принципам.

«Отдать на поток и разграбление»

В «Русской Правде», о которой упоминалось ранее, – своде древнерусского права, содержавшем нормы обычного права княжеского законодательства и судебной практики XI–XIII веков, – сохранились понятия и выражения, дожившие до наших дней.

Так, сегодня говорят: «Отдать на поток и разграбление», что в прежние времена означало изгнание из пределов государства, конфискацию имущества, а по утверждению некоторых историков права, подразумевало даже и смертную казнь.

«Русская Правда» впервые была напечатана в 1767 году, и с тех пор это выражение снова вошло в обиход в значении грабежа и насилия.

«Из млад ногтий очисти»

В нескольких произведениях древнерусской литературы встречается выражение: «Из млад ногтий очисти», – впервые мы находим его в «Послании Никифора митрополита Киевскому Великому князю Володимиру» (XII век).

Иван Андреевич Крылов в 1807 году употребил его в несколько иной форме: «К трудам от мягких я ногтей привык».

В сознании народа выражение отложилось в форме «от молодых ногтей», то есть с самого раннего возраста, с начала жизни.

«Растекаться мыслию по древу»

Среди многих так называемых «темных мест» выдающегося литературного памятника древнерусской письменности «Слова о полку Игореве»,

ставших тем не менее крылатыми выражениями, есть такая фраза: «Боян бо вещей, аще кому хотяще песнь творити, то растекашися мыслию по древу, серым волком по земле, шизым орлом под облакы», то есть: «Ведь Боян вещий, если хотел кому сложить песнь, то растекался мыслью по древу, серым волком по земле, сизым орлом под облаками». При буквальном прочтении фраза «растекаться мыслию по древу» получила разные толкования. Некоторые исследователи читали «мысль» как «мысь», то есть «мышь», «мысью» же называлась и белка. Однако большинство исследователей сошлось на том, что все же следует понимать слово «мысль» в его исконном, подлинном, общепринятом и сегодня значении и смысле, с некоторым оттенком аллегории, то есть растекаться мыслию по древу мудрости и творя песни и вдохновенные поэтические сказания.

В обиходное же сознание слова «растекаться мыслию по древу» вошли с совершенно иным значением: болтать пустое, впадать в излишние подробности, уходить в разговоре в сторону от

главного.

Изборник Святослава Ярославича 1076 года

В годы княжения сына Ярослава Мудрого—Святослава, правившего в 1027–1076 годах, на Руси появились два «Изборника», где были помещены самые разные статьи энциклопедического характера. Первый «Изборник» был написан в 1073 году, второй—в 1076 году.

Святослав Ярославич был, как и его отец, большим любителем книг, и оба «Изборника» были созданы по его заказу.

Своеобразным предисловием к «Изборнику» 1076 года является «Слово некоего инокa о чтении книг».

«Слово некоего инока о чтении книг»

«Доброе дело, братья, чтение книг, особенно для каждого христианина, ибо сказано: “блаженны познающие учение его, всем сердцем стремящиеся к нему”. Что же означает: познавать учение его? Когда читаешь книгу, не старайся быстро дочитать до следующей главы, но подумай, о чем говорит книга и слова ее, и трижды обратись к одной главе, ибо сказано: “в сердце моем сокрыл я словеса твои, чтобы не погрешить перед тобою”. Ведь не сказано, устами только произнес, но в сердце запечатлел, чтобы не погрешить перед тобою! Задумываясь над истинными писаниями, должны мы направляться ими.

Скажу так: конь управляется и удерживается уздой, праведник же—книгами. Не собрать корабля без гвоздей—не будет праведника без чтения книжного. Как пленник всегда думает о родных своих, так и праведник—о чтении книжном. Красота воину—оружие и кораблю—паруса, так и праведнику—почитание книжное.

“Открой, — сказано, — очи мои, и увижу чудеса

закона твоего”. Очи выражают помыслы сердечные и прочее. “Не утай от меня заповедей твоих”, ведь не от глаз скрываешь, но от разума и сердца. Потому и похули не научающихся словами: “пусть прокляты будут уклоняющиеся от заповедей твоих”. Потому и похвали сам себя, говоря: “как сладки слова твои, слаще меда для уст моих, и закон из уст твоих дороже тысячи золотых и серебряных монет”. И воспоешь, восклицая: “Порадуюсь я словам твоим так, будто получил я большую прибыль”, ибо прибылью нарекаются слова Божии; говорится: “что обрел, того недостоин, как и дара наслаждаться словами твоими день и ночь”.

Так и мы, братья, уразумеем и послушаем с пониманием, и поразмыслим над силой и мудростью святых книг! Послушай и ты житие святого Василия, и святого Иоанна Златоуста и святого Кирилла, и иных многих святых, как о том нам прежде поведали, говоря о них: измлада усердно читали святые книги, потому впоследствии и на добрые дела подвигнулись. Видишь сам, в чем источник добрых дел, — в учении святых книг!

С теми, братья, и за ними устремимся по пути жизни их, и за делами их, и поучимся и другим книжным словам, будем творить волю их, как они велят, тогда и вечной жизни удостоимся на веки. Аминь».

Наставление богатым

Позвольте представить вам еще одно обращение нравоучительного характера, помещенное в «Изборнике Святослава» 1076 года:

«Сколь великим наделен ты от Бога богатством, столь много и даже больше того должен ты отдать.

Обрати слух свой к страдающим в нищете, тогда и тебя Господь услышит.

Как у нас есть подвластные нам люди, так и над нами есть Небесный Владыка.

Уклоняйся, как от воронов, от вкрадчивых слов льстецов, выключают глаза те умники.

Если хочешь от всех почет иметь, будь сам для всех благодетелем.

Если хочешь всех тех, кто ниже тебя, испра-

вить, творящим добро создавай почет, творящих зло наказывай.

Таких имей друзей и советников, которые не все сказанное тобой восхваляют, но стремятся отвечать по суду праведному.

Внимательно выслушивать подобает судебную тяжбу, невозможно ведь открыть правду на ходу—отбегая или отгоняя от себя.

Вдумывайся в суть спора неторопливо, выноси приговор без поспешности.

Твердо знай, в чем спасение твоей души, — в том, чтобы никого из людей не обидеть.

Будь грозен для подчиненных саном своим, но любезен милосердием своим.

Насколько могуществом превыше ты всех, настолько и делами добрыми больше всех сиять и утруждаться ради них должен.

Требуя прощения грехов, прощай и сам согрешающих перед тобою, ибо кто рабов наших прощает, не навлечет на себя Божьего гнева.

Только тогда наречется кто-либо истинным властелином, когда сам собою научится владеть и не будет слугой страстей непристойных.

Пусть смерть и гонения, и напасти, и все возможные беды будут перед глазами твоими каждый день и час.

Таким будь со своими слугами, каким молишь Бога быть с тобою.

Не оправдывай виновного, даже если он и друг тебе, и не обижай правого, даже если он и враг тебе.

Если кто чист душою, свободен от человеческих заблуждений и осознает свое ничтожество, сокращение и внезапный конец этой жизни, тот не упадет в пропасть гордыни, даже если и будет иметь высокий сан.

С надежным советом сердца своего изучай нравы окружающих тебя людей, тогда воистину узнаешь ты с любовью служащих тебе или лестью обманывающих тебя.

Многие лицемерною преданностью весьма известным людям пакость творят.

Недостойно слушать клеветника сладкоглаголющего или наговаривающего на ближнего, чтобы не лишиться Божией любви и царства.

Не передавай то, что услышал от клеветника,

дабы не погибнуть вместе с ним».

Сборник нравоучений и афоризмов «Пчела»

Большой, важный, чрезвычайно интересный раздел древнерусской литературы занимают сочинения нравоучительные, «наставнические», как говорили раньше.

Одним из самых первых произведений такого жанра является сборник поучительных изречений и афоризмов «Пчела», выбранных из Священного Писания, из творений отцов церкви и античных писателей. Он представляет собою перевод, сделанный в XI веке монахом Антонием. Русский перевод сделан в конце XII—начале XIII века.

Сборник «Пчела» входил в круг чтения грамотных русских людей со времени появления

первых рукописных книг и пользовался неизменным успехом на протяжении многих веков.

Вот некоторые афоризмы и изречения из «Пчелы».

Не место может украсить добродетель, но добродетель—место.

Копаящий яму под ближним сам упадет в нее.

Лучше малое имущество, добытое правдой, чем многое богатство—без правды.

Опасно дать беснующемуся острый нож, а коварному власть и могущество.

Лучше овощи, предложенные с любовью и расположением, чем телятина—с враждой.

Не покидай старого друга, ведь новый не будет похож на него.

Друг верный не изменится—и нет меры доброте его. Не так огонь жжет тело, как душу раз-

лука с другом. Уменье коня узнается на войне, а верный друг—в беде.

Друга ищи не того, кто любезен с тобой, кто с тобой соглашается, а крепкого советника, кто полезного для тебя ищет и противится твоим необдуманным словам.

Муж обличающий—лучше льстящего.

Всем угождать—зло.

Богатым все люди—друзья.

Кто хочет другими управлять, пусть сначала научится владеть собой.

Принимающему большую власть подобает иметь большой ум. Кто многим страшен, будет многих бояться.

Завидуй не тому, кто добился большой власти, а тому, кто хорошо, с похвалой покинул ее.

Дурно и огорчительно, когда злые над добрыми властвуют, а глупые—над умными.

Лучше, одеваясь в худые одежды, радоваться,
чем в дорогих—печалиться.

Учи поступкам, а не словам.

Не мечите бисер перед свиньями.

Учение, имея горький корень, приносит сладкие плоды.

Больного не сможет излечить и золотая кровать, а глупому не пойдет на пользу ни богатство, ни слава.

Злой конь обуздывается уздой, а быстрый гнев удерживается умом.

Кроткое слово укрощает гнев.

Как нельзя поймать выпущенную птицу, так нельзя вернуть и слова, вылетевшего из уст.

Не разузнав как следует земного, бесполезно рассуждать о небесном.

Как моль вредит одежде, а червь—дереву, так печаль вредит сердцу.

Из одних и тех же уст выходят и благословение и проклятие.

Лучше споткнуться ногами, чем языком. Слушать следует дважды, а говорить—один раз.

Сборник нравоучений и афоризмов «Менандр»

К тому же разряду книг, что и «Пчела», относится и сборник «Менандр», названный именем древнегреческого драматурга, жившего в середине IV—начале III века до н. э.

Его пьесы, изображавшие обыденную жизнь, были наполнены народной мудростью, а язык героев отличался афористичностью, краткостью и мудростью.

В средневековой Руси сборники «Менандр» тоже входили в круг чтения многих грамотных людей.

Вот некоторые изречения из «Менандра».

Желая жениться, сначала расспроси соседей,

а потом женись.

Или не делай тайны, или, задумав тайное, знай об этом только сам.

Лучше копить ум, чем несправедливое богатство.

От многих печалей рождаются у людей многие болезни.

Много выпитого вина дает мало понимания.

Нет никакого имущества дороже друга.

Отец тот, кто вскормит, а не тот, кто родит.

Иной раз лучше смолчать, чем сказать.

Получив добро, помни, а сделав—забуди.

На море хорошо глядеть с берега.

Сборник нравоучений и афоризмов «Изречения Исихия и Варнавы»

К тому же разряду литературных произведений, что и два предыдущих—«Пчела» и «Менандр», принадлежит и сборник «Изречения Исихия и Варнавы».

Сторонись похвалы, стыдись же укора.

Меч губит многих, но злой язык еще больше.

Лучше плыть в дырявой лодке, чем доверить тайну злой жене: ведь лодка только тело потопит, а эта всю жизнь погубит.

Мутный разум не родит ясного слова.

Ленивый хуже больного: больной если лежит, то ест мало, а ленивый и лежа ест много.

Конец каждого дела обдумай перед началом.
Мать зла—лень.

Заткнутый сосуд и молчаливый человек подобны друг другу: неизвестно, что есть в том и в другом.

Пьяный хуже бесноватого. Бесноватый бесится на новый месяц, а пьяница бесится каждый день.

Кто красив, но глуп, подобен изголовью, набитому соломой, но покрытому паволокой. (Паволока—дорогая шелковая ткань.)

«Наставление отца к сыну»

Среди множества «Поучений», известных на Руси с XI века, особенно популярным было афористичное «Наставление отца к сыну». Приводим его в сокращенном виде.

Сын мой, когда на рать с князьями едешь, то ездй с храбрыми впереди—и роду своему честь добудешь и себе доброе имя...

Слуг же твоих, сопровождающих тебя в пути, чадо, почитай и люби.

Сын мой, если хочешь достичь многого в глазах Бога и людей, то будь ко всем почтителен и добр всякому человеку, и за глаза и в глаза.

Если над кем-нибудь смеются, ты похвали его и полюби, и от Бога получишь вознаграждение, и от защищенного тобой—почитание.

Конь познается на поле боя, другу же в беде добрый друг поможет. Верному другу цены нет, ничто на земле не может сравняться с дружбой его...

Все новое хорошо, но старое—всего лучше и крепче.

Тот, кто ищет земных благ, забывая о небесных, подобен человеку, который хочет иметь изображенного на стене пахаря, а не в поле пашущего.

Мудрый муж—мудрым и разумным друг, а друг убогим людям—Бог; муж мудрый если и беден, то премудростью владеет вместо богатства; богатство праведников—мир Бога ко всем людям; великое богатство—хороший разум...

Богатый муж, истине не наученный и нера-

зумный, подобен ослу, взнузданному золотою уздою. Бедный и богобоязненный лучше его.

Жизнь скупых и сребролюбцев подобна поминкам: все вокруг плачут и нет веселящихся.

Грешник хуже горбатого: горбатый за собой носит уродство, а грешник—в себе.

Дом скупого, как облачная ночь, закрывающая от глаз многих свет и звезды.

Волк волка не губит, змея змею не ест, а человек человека погубит.

Часто поминай Бога: если же редко поминаешь—то думаешь и вспоминаешь о греховном.

Старого учить—будто мертвого лечить; старость и нищета—две язвы незаживающие.

Кораблю пристанище—гавань, жизни же человеческой—беспечалие, без печали весело жить.

Человек, если ты не знаешь, как спастись и книг не умеешь читать, то просто не делай другому того, что самому не любо, и тем спасешься.

«Повесть об Акире Премудром»

Предлагаются вам, уважаемые читатели, полезные сентенции, не утратившие злободневности и сегодня, несмотря на то что появилась она на Востоке в VII веке до нашей эры, то есть за 2700 лет до наших дней. Затем вместе с древнегреческими, древнеримскими и византийскими книгами попала после Крещения Руси в земли восточных славян.

Вот отрывки из «Повести об Акире Премудром».

Лучше с умным таскать камни, чем с дураком пить вино.

Не будь сладок без меры, иначе тебя съедят,

но и не будь без меры горьким, ибо тогда все станут избегать тебя.

Если не имеешь своего коня, то и на чужом не езд.

Умному скажешь слово, и он сердцем примет его, а глупого если и кнутом бьешь, не вложишь в него ума.

Мзда (взятка) слепит судьям глаза.

Лучше послушать пьяного мудреца, чем трезвого глупца.

Лучше слепые глаза, чем слепое сердце.

Хорошая смерть—лучше плохой жизни.

Близкая овца лучше далекого вола.

Лучше один воробей в кулаке, чем стая воробьев, летящая по воздуху.

«Наставление Тверского епископа Семена»

К сентенциозным сочинениям в виде сборников народных пословиц, поговорок и афоризмов примыкает и другая группа литературных памятников—наставления, поучения и нравственные проповеди. В них ставились разные вопросы, издавна занимавшие русских людей, в том числе и ответственность властителей перед народом.

Во второй половине XIII века появилось «Наставление Тверского епископа Семена» полоцкому князю Константину, где этот вопрос ставился и разрешался четко, выпукло и однозначно.

Приводим текст этого «Наставления»:

«Полоцкий князь Константин, прозванный Безруким, собираясь укорить у себя на пиру свое-

го тиуна—привилегированного высокопоставленного слугу, спросил при всех епископа: “Владыко, где будет тиун на том свете?” Епископ Семен отвечал: “Где и князь!” Князь же, рассердившись, говорит епископу: “Тиун несправедливо судит, взятки берет, имущество людей продает с торгов, мучит, злое все делает, а я-то тут при чем?” И говорит епископ: “Если князь хороший, богобоязненный, людей бережет, правду любит, то выбирает тиуном или иным начальником человека доброго и богобоязненного, исполненного страха Божия, разумного, праведного, творящего все по законам Божиим и судить умеющего. Тогда князь—в рай, и тиун—в рай. Если же князь лишен страха Божия, христиан не бережет, сирот не милует и вдовиц не жалеет, то ставит тиуном или начальником человека злого, Бога не боящегося, закона Божия не знающего, судить не умеющего—только для того, чтобы добывал князю имущество, а людей не щадил. Как взбесившегося человека напустил на людей, вручив ему меч, так и князь, дав округу злому человеку, губит людей. Тут и князь—в ад, и тиун—с ним в ад!”»

«Поучение детям» Владимира Мономаха

Особое место в жанре поучений занимает сочинение, принадлежащее перу Великого Киевского князя Владимира Всеволодовича Мономаха (1053–1125).

В 1078 году отец Владимира Мономаха занял киевский великокняжеский престол, а своему двадцатипятилетнему сыну дал в управление Чернигов, который в 1094 году отнял у него князь Олег Святославич со своими союзниками-половцами. После этого Владимир Мономах обосновался в Переяславском княжестве. Но половцы постоянно совершали набеги и на его новые владения, и потому он объединил на борьбу с ними многих русских князей и в 1097, 1100 и

1103 годах водил под своим командованием общерусские силы на неприятеля.

Кроме воинов-профессионалов в войске Мономаха находились и ополченцы—крестьяне и ремесленники из разных княжеств и городов Руси. Половцы, потерпев несколько поражений, ушли в степи и надолго прекратили набеги.

После смерти Великого Киевского князя Святослава Изяславича (1113 год) его трон занял Владимир Мономах. Он предпринял ряд мер к тому, чтобы централизовать Киевскую Русь, посадив пятерых своих сыновей князьями в самые важные города—Новгород (Мстислав), Смоленск (Вячеслав), Переяславль (Ярополк), Суздаль (Юрий).

Именно им он и адресовал свой талантливый, прекрасно написанный труд «Поучение детям», где было множество назиданий и советов, вынесенных автором из собственного богатейшего жизненного опыта отца, Великого князя и полководца.

В этом «Поучении» Мономах писал:

«Приближаясь ко гробу, благодарю Всевыш-

него за умножение дней моих: рука его довела меня до старости маститой. А вы, дети любезные, и всякий, кто будет читать сие писание, наблюдайте правила, в оном изображенные. Когда же сердце ваше не одобрит их, не осуждайте моего намерения; но скажите только: он говорит несправедливо!..

О дети мои! Хвалите Бога! Любите также человечество. Не пост, не уединение, не монашество спасет вас, но благодеяния. Не забывайте бедных; кормите их, и мыслите, что всякое достояние есть Божие и поручено вам только на время. Не скрывайте богатства в недрах земли: сие противно христианству. Будьте отцами сирот: судите вдовиц сами; не давайте сильным губить слабых. Не убивайте ни правого, ни виновного: жизнь и душа христианина священна. Не призывайте всё имени Бога: утвердив же клятву целованием крестным, не преступайте оной. Братья сказали мне: изгоним Ростиславичей и возьмем их область, или ты нам не союзник! Но я отвечал: не могу забыть крестного целования... Не оставляйте больных; не страшитесь видеть

мертвых: ибо все умрем. Принимайте с любовью благословение духовных; не удаляйтесь от них; творите им добро, да молятся за вас Всевышнему. Не имейте гордости ни в уме, ни в сердце, и думайте: мы тленны; ныне живем, а завтра во гробе. — Бойтесь всякой лжи, пьянства и любо-страстия, равно губительного для тела и души. — Чтите старых людей, как отцов, любите юных, как братьев. — В хозяйстве сами прилежно за всем смотрите, не полагаясь на отроков и тиунов, да гости не осудят ни дому, ни обеда вашего. — На войне будьте деятельны; служите примером для воевод. Не время тогда думать о пиршествах и неге. Расставив ночную стражу, отдохните. Человек погибает внезапно: для того не слагайте с себя оружия, где можно встретить опасность, и рано садитесь на коней. Путешествуя в своих областях, не давайте жителей в обиду княжеским отрокам; а где остановитесь, напоите, накормите хозяина. Всего же более чтите гостя, и знамени-того, и простого, и купца, и посла; если не можете одарить его, то хотя брашном и питием удоволь-ствуйте: ибо гости распускают в чужих землях и

добрую и худую славу об нас. — Приветствуйте всякого человека, когда идете мимо. — Любите жен своих, но не давайте им власти над собой. — Все хорошее, узнав, вы должны помнить: чего не знаете, тому учитесь. Отец мой, сидя дома, говорил пятью языками: за что хвалят нас чужестранцы. Лениость—мать пороков; берегитесь ее. Человек должен всегда заниматься: в пути, на коне, не имея дела, вместо суетных мыслей читайте наизусть молитвы или повторяйте хотя самую краткую, но лучшую: Господи помилуй! Не засыпайте никогда без земного поклона; а когда чувствуете себя нездоровыми, то поклонитесь в землю три раза. Да не застанет вас солнце на ложе! Идите рано в церковь воздать Богу хвалу утреннюю: так делал отец мой; так делали все добрые мужи. Когда озаряло их солнце, они славили Господа с радостью и говорили: “Просвети очи мои, Христе Боже, и дай ми еси свет Твой красный”. Потом садились думать с дружиной, или судить народ, или ездили на охоту; а в полдень спали: ибо не только человеку, но и зверям и птицам Бог присудил отдыхать в час полуден-

ный. — Так жил и ваш отец. Я сам делал все, что мог бы велеть отроку: на охоте и войне, днем и ночью, в зной летний и холод зимний не знал покоя; не надеялся на посадников и бирючей; не давал бедных и вдовиц в обиду сильным; сам назирал церковь и Божественное служение, домашний распорядок, конюшню, охоту, ястребов и соколов. . . Всех походов моих было 83; а других маловажных не упомяну. Я заключил с половцами 19 мирных договоров, взял в плен более ста лучших их князей и выпустил из неволи, а более двухсот казнил и потопил в реках. — Кто путешествовал скорее меня? Выехав рано из Чернигова, я бывал в Киеве у родителя прежде Вечерен. . . »

Шапка Мономаха

К только что сказанному добавим, что Владимир Всеволодович Мономах был по матери внуком византийского императора Константина Мономаха («Мономах» по-гречески означает «единоборец») и получил в наследство от деда не только его прозвище, но, и по распространенной на Руси легенде, достались ему от царьградского императора царский венец, золотая цепь и бармы—дорогие оплечья византийских басилевсов. (Так вслед за римскими императорами называли себя и императоры византийские.) На самом же деле шапка Мономаха была создана среднеазиатскими мастерами XVI века и представляла собой остроконечный золотой филигранный головной убор.

Регалии Московских Великих князей, а потом царей и императоров со временем менялись: появилось несколько корон, держава в виде золотого шара, со стоящим на нем крестом, скипетр. Те из них, что, сохранились до наших дней, находятся в Оружейной палате Кремля, представляя собою уникальнейшие реликвии.

«... Ох, тяжела ты, шапка Мономаха», — строка из народной трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов», написанной в 1831 году, ставшая крылатым выражением, означавшим тяжесть управления страной, тяжесть царского венца, ибо шапкой Мономаха венчались на царство Московские Великие князья и русские цари.

Шапкой Мономаха впервые был венчан на царство Иван Васильевич Грозный, а после него все другие русские цари до Петра I включительно.

Лишь с 1721 года шапка Мономаха на коронационных торжествах была заменена короной Российской империи, ибо как раз с этого времени Россия и стала империей.

«Поучение Григория, епископа Белгородского»

Интересным и злободневным представляется даже сегодня сочинение XII века «Поучение Григория, епископа Белгородского». Григорий служил в Белгороде—небольшом городке под Киевом, и когда заменял киевского митрополита, то обращался с проповедью к прихожанам Софийского собора в Киеве.

Одна из таких проповедей Григория, во фрагментах, и приводится ниже:

«И вы же все, сколько вас душу имеет человеческую и еще не совсем звероподобны, если видите, чей дом пожаром занимается и когда он совсем уж пропадет, не со рвением ли спешите, стараясь загасить огонь и пламя? Как же я, видя

не один лишь дом, но весь город и окрестности его пылающими и даже полностью сожженными, не воскорблю душою и не постараюсь загасить пламя? Что же это за пламя? Не тот ли это огонь, которым вы наполняетесь, когда пьете вино и мед или иные напитки безмерно, так что как будто от огня выгораете? Таков по рождению хмель: согревает и разжигает нутро, как душу погубляющее пламя. Пьяницы ведь не получают царства Божия, и от Бога они отгоняются, и посылаются в вечный огонь. Я же ужасаюсь, раздумывая, как ликуют в вас бесы и торжествуют в вас сатана, и радуется пьянству, чтимому вами, и даже детям своим велите вы поклоняться пьянству. И лишь тот праздник считаете вы славным, если все лежат мертвые, как идола, с разинутыми ртами, но с языками безгласными, с глазами открытыми, но не видящими, с ногами, которые не могут ходить!

Кто оплачет вас, от пьянства гибнущих? Нет человека несчастнее пьяницы... Дым отгоняет пчел, а пьянство прогонит и Святого духа. Пьяница весь из плоти, весь исполнен пороков и нечи-

стот, пьяница не помышляет ни о каком благе.

Я рыдаю и плачу оттого, что больше Христа вам угоден дьявол, ибо ему вы сотворяете радость. Как вы упьетесь, тогда вы блудите, скачете и кричите, поете и пляшете, и в дудки дудите, объедаетесь и упиваетесь, льстите, злопамятствуете, гневитесь, бранитесь, хулите и сердитесь, лжете и возноситесь, сквернословите и кощунствуете, ссоритесь и крадете, бьете и деретесь, празднословите и порицаете, обвиняете и много спите, укоряете и доносите, и море вам по колено. . .

Да и плясунья и пьяница жена—невеста Сатаны и супруга Дьявола. Прекратите, братья, проклятое пьянство, ибо на радость нам дал Бог вино, а также в удобное время, а не на пьянство».

«Слово о хмеле»

В XV веке на Руси получило распространение еще одно «антиалкогольное» сочинение, приписываемое Кириллу, философу Словенскому. Называлось оно «Слово о хмеле».

Вот его сокращенный текст.

«Так говорит Хмель всякому человеку—не водитесь со мной, будете счастливы. Я же сильнее всех плодов на земле, от корня сильного, от племени великого и многогородного, мать же моя Богом создана. Ноги мои тонки, зато утроба ненасытна, руки же мои держат всю землю, а голова моя высокоумна—умом со мной никто не сравнится.

А кто подружится со мною и начнет любить меня, тотчас же того сделаю блудным, а Богу не

молящимся, а в ночи не спящим, на молитву не встающим. А как проснется он—стон и печаль наложу на сердце, а когда встанет он, с похмелья голова у него болит, и очи его света не видят, и ничто доброе на ум не идет. И есть он не хочет, жаждет и горит душа его и еще пить хочет. Да и пропьет с похмелья чашу и другую, а там и многие пьет, так и напиваясь во все дни. И разбужу в нем похоти телесные, и потом ввергну его в большую погибель—город его или село опустошу, самого пущу по миру, а детей его продам в рабство.

Потому, братья, не уподобляйтесь им, долго не спите, много не лежите, вставайте рано, ложитесь поздно, молитесь Богу, тогда не попадете в беду. Лежать долго—добра не добыть, а горя не избыть. Нужда-скудость у пьяницы дома сидит, а беды у него на плечах лежат, печаль и скорбь голодом позванивают, убожество у него в кошельке гнездо свило, привязалась к нему злая лень, как милая жена, а сон, как отец, а стенанья, как любимые дети. . .

Пьянство князьям и боярам землю опустоша-

ет, а достойных и свободных людей и мастеров повергает в рабство. Пьянство брата с братом ссорит, а мужа отлучает от жены. От пьянства болят ноги, дрожат руки и меркнет зрение. Пьянство не пускает в церковь и губит красоту лица.

Пьяница Богу молиться не хочет, книг не читает и не слушает, свет от глаз его заслонен. Если кто пьян умрет, то сам себе враг и убийца, а приращение его ненавистно Богу.

Так говорит Хмель: “Если познакомится со мною жена, какова бы ни была, а станет упиваться, учиню ее безумной, и будет ей всех людей горше. И воздвигну в ней похоти телесные, и будет посмешищем меж людьми, а от Бога будет отлучена и от церкви Божьей, так что лучше бы ей и не родиться”».

Повести и новеллы об Андрее Боголюбском и Александре Невском

«Повесть об убиении Андрея Боголюбского»

Одним из знаменитых потомков Мономаха был Великий князь Владимирский, сын Юрия Долгорукого, Андрей Боголюбский. (О его отце вы узнаете далее, когда речь пойдет о возникновении Москвы, точнее, о причине ее первого упоминания в летописи.)

Андрей Боголюбский получил свое прозвище из-за построенного им дворцового села Боголюбово, близ Владимира, которое сделал он своей резиденцией. После смерти, случившейся там же, в любимом его селе, стал князь Андрей Юрьевич героем одной из древнерусских повестей, называвшейся «Повестью об убиении Андрея Боголюбского». Ее автор в первых же стро-

ках повести сообщал: «В год 6683 (от Сотворения мира, а от Рождества Христова в 1174 году) убит был великий князь Андрей Суздальский, сын Юрия, внук Владимира Мономаха, июня месяца в 28 день, в канун праздника Святых Апостолов. И была тогда суббота».

Рассказав о многих достоинствах князя, автор «Повести» восклицает: «Ибо если бы не беда—не было б венца, если бы не мука—не было бы благодати: всякий, живущий добродетельно, не может быть без множества врагов».

А враги у князя были, и автор «Повести» знал о том точно. «Итак, — пишет он, — состоялся в пятницу на обедне коварный совет злодеев преступных. И был у князя Яким, слуга, которому он доверял. Узнав от кого-то, что брата его велел князь казнить, возбудился он по дьявольскому наущению и примчался с криками к друзьям своим, злым сообщникам... и стал говорить: “Сегодня его казнил, а завтра—нас, так промыслим о князе этом!”

Как настала ночь, они, прибежав и схвативши оружие, пошли на князя, как дикие звери,

но пока шли они к спальне его, пронзил их и страх, и трепет. И бежали с крыльца, опустясь в погреба, напившись вина. . . И так, упившись вином, взошли на крыльцо. Главарем же убийц был Петр, зять Кучки, Анбал же, яс родом, ключник (Анбал—имя собственное, яс—осетин. — В. Б.), да Яким, да Кучковичи—всего числом двадцать зловердных убийц. . .

Когда приблизились они к спальне, где блаженный князь Андрей возлежал, позвал один, став у дверей: “Господин мой! Господин мой. . .” И тот отозвался: “Кто здесь?”—тот же сказал: “Прокопий”, — но в сомнение князь произнес: “О, малый, не Прокопий”. Те же, подскочив к дверям и поняв, что князь здесь, начали бить в двери и силой выломали их. Блаженный же вскочил, хотел схватить меч, но не было тут меча, ибо в тот день взял его Анбал-ключник, а был его меч мечом святого Бориса. И ворвались двое убийц, и набросились на него, и князь швырнул одного под себя, а другие, решив, что повержен князь, впотьмах поразили своего: но после, разглядев князя, схватились с ним сильно, ибо был он си-

лен. И рубили его мечами и саблями, и раны копьем ему нанесли... Решив, что убили его окончательно, взяв раненого своего, понесли его вон и, вздрагивая, ушли. Князь же, внезапно выйдя за ними, начал рыгать и стонать от боли... Те же, услышав голос, воротились снова к нему... И так, запалив свечи, отыскиали его по кровавому следу... И пока он молился о грехах своих Богу, сидя за лестничным столбом, заговорщики долго искали его и увидели сидящим подобно непорочному агнцу. И тут проклятые подскочили и прикончили его».

Таков один из первых историко-детективных сюжетов, оставленных нам неизвестным современником события, происшедшего в XII веке.

«Сказание о житии Александра Невского»

С самого начала здесь уделялось преимущественное внимание той части Древней Руси, которая нередко называлась Киевской. Однако не меньшую роль в истории нашего Отечества играла и Северо-Восточная Русь, о чем речь пойдет далее.

Сейчас же отдадим должное Северному «народоправничеству» Руси—Новгороду Великому. И расскажем об одном из ее великих сыновей, князе Александре Ярославовиче Невском.

И начнем мы этот сюжет с широко известного в свое время «Сказания о житии Александра Невского».

Оно было написано после смерти князя Александра Ярославича в монастыре Рождества Бо-

городицы во Владимире, где Невский был похоронен, скончавшись по дороге из Орды во Владимир в 1263 году. Автор «Сказания» сам знал князя Александра и был свидетелем его жизни и его подвигов.

Опуская традиционные элементы, присущие жанру «Житий», дадим лишь фактологию, сохраненную этим историко-литературным памятником.

«Сей князь Александр родился от князя Великого Ярослава и Феодосии. И красив он был, как никто другой, и голос его, как труба в народе, лицо его, как лицо Иосифа, которого египетский царь поставил вторым царем в Египте, сила же его была частью от силы Самсона, и дал ему Бог премудрость Соломона, храбрость же его, как у царя римского Веспасиана, который покорил всю землю Иудейскую. Так же и князь Александр побеждал, но был непобедим.

Услышав о такой доблести князя Александра, король страны Римской из Северной земли собрал силу великую и наполнил многие корабли полками своими, двинулся с огромным войском,

пыхая духом ратным. И пришел в Неву, опьяненный безумием, и отправил послов своих, возгордившись, в Новгород, к князю Александру, говоря: “Если можешь, защищайся, ибо я уже здесь и разоряю землю твою”.

Александр же, услышав такие слова, разгорелся сердцем, и вошел в церковь Святой Софии, и, упав на колени пред алтарем, начал молиться... И окончив молитву, он встал, поклонился архиепископу. Архиепископ же был тогда Спиридон, он благословил его и отпустил. Князь же, выйдя из церкви, начал ободрять дружину свою, говоря: “Не в силе Бог, но в правде”. Сказав это, пошел на врагов с малою дружиною, не дожидаясь своего большого войска. И выступил на них в воскресенье 15 июля, имея веру великую к святым мученикам Борису и Глебу.

И был один муж, старейшина земли Ижорской, именем Пелгусий. (Ижорская земля, Ижора, Ингрия, находилась на обоих берегах Невы и на юго-западе Приладожья. Ижоры относились к финской группе и в основном в XIII веке оставались язычниками. – В. Б.) Ему поручена была

ночная стража на море. Был он крещен и жил среди рода своего язычников, наречено же имя ему в святом крещении Филипп.

Узнав о силе неприятеля, он вышел навстречу князю Александру, чтобы рассказать ему о ста-нах врагов. Стоял он на берегу моря, наблюдая за обоими путями, и провел всю ночь без сна. Когда же начало всходить солнце, он услышал шум сильный на море и увидел один насад, плывущий по морю, и стоящих среди насада святых мучеников Бориса и Глеба в красных одеждах, держащих руки на плечах друг друга. Гребцы же сидели, словно мглою одетые. Произнес Борис: “Брат Глеб, вели грести, да поможем сроднику своему Александру”.

Вскоре после этого пришел Александр, и Пелгусий, радостно встретив князя, поведал ему одному о видении. Князь же сказал ему: “Не рассказывай этого никому”.

После того Александр поспешил напасть на врагов в шестом часу дня, и была сеча великая с римлянами, и перебил их князь бесчисленное множество, а на лице самого короля оставил след

острого копья своего.

Проявили себя здесь шесть храбрых, как он, мужей из полка Александра. Первый—по имени Таврило Олексич, второй—по имени Сбыслав Якунович, новгородец, третий—Яков, родом полочанин, четвертый—новгородец, по имени Месиа, пятый—из младшей дружины, по имени Сава, шестой—из слуг Александра, по имени Ратмир.

Все это слышал я от господина своего Великого князя Александра и от иных, участвовавших в этой битве. . .

(Все рассказанное автором “Сказания” относится к Невской битве русских со шведами, произошедшей 15 июля 1240 года при впадении реки Ижоры в Неву. Именно после этой победы двадцатилетнего князя Александра стали называть Невским. – В. Б.)

. . . На второй же год после возвращения с победою князя Александра вновь пришли из Западной страны и построили город на земле Александровой. Князь же Александр вскоре пошел и разрушил город их до основания, а их самих—одних

повесил, других с собою увел, а иных, помиловав, отпустил.

На третий год, в зимнее время, пошел он с великой силой на землю немецкую, чтобы не хвастались, говоря: “Покорим себе славянский народ”.

А был ими уже взят город Псков и наместники немецкие посажены. Он же вскоре изгнал их из Пскова и немцев перебил, а иных связал, а город освободил от безбожных немцев, а землю их повоевал и пожег и пленных взял бесчисленное множество, а других перебил. Немцы же, дерзкие, соединились и сказали: “Пойдем, и победим Александра, и захватим его”.

Когда же приблизились немцы, то проводили о них стражи. Князь же Александр приготовился к бою, и пошли они друг против друга» и покрылось озеро Чудское множеством тех и других воинов. Отец Александра, Ярослав, прислал ему на помощь младшего брата Андрея с большою дружиною. Да и у князя Александра было много храбрых воинов. . .

Была же тогда суббота, и когда взошло солн-

це, сошлись противники. И была сеча жестокая, и стоял треск от ломающихся копий и звон от ударов мечей, казалось, что двинулось замерзшее озеро, и не было видно льда, ибо покрылся он кровью... (Этот эпизод относится к Ледовому побоищу, произошедшему 5 апреля 1242 года. – В. Б.)

... И возвратился князь Александр с победою, и было много пленных в войске его, и вели босыми подле коней тех, кто называет себя «божьими рыцарями».

(И далее автор «Сказания» сообщает и о других славных победах Александра и о том, как сумел он поладить с ханом Батыем, дважды вызывавшим его в Орду. Завершается «Сказание» описанием второй поездки к монголам, болезнью и смертью князя. – В. Б.)

... Великий князь Александр возвратился из Орды от царя, и дошел до Нижнего Новгорода, и там занемог, и, прибыв в Городец, разболелся... Много потрудившись Богу, он оставил царство земное и стал монахом, ибо имел безмерное желание принять ангельский образ. Сподобил же

его Бог и большой чин принять—схиму. И так с миром Богу дух свой предал месяца ноября в 14 день, на память святого апостола Филиппа. (Умер Александр в 1263 году).

Митрополит же Кирилл говорил: «Дети мои, знайте, что уже зашло солнце земли Суздальской!..» Святое же тело Александра понесли к городу Владимиру. Люди же толпились, стремясь прикоснуться к святому телу его на честном одре. Стояли же вопль, и стон, и плач, каких никогда не было, даже земля содрогнулась. Положено же было тело его в церкви Рождества Святой Богородицы, месяца ноября в 24 день...

«Слово о погибели Русской земли»

Александр Невский был после смерти канонизирован и причислен к лику святых. О его жизни было написано «Житие», фрагменты которого вы только что прочитали.

Вместе с тем к «Сказанию о житии Александра Невского» приписано было самостоятельное произведение, получившее название «Слово о погибели Русской земли». Оно коротко и поэтично. Вот его текст: «О, светло светлая и прекрасно изукрашенная, земля Русская! Многими красотами прославлена ты: озерами многими славишься, реками и источниками месточтимыми, горами, крутыми холмами, высокими дубравами, чистыми полями, диковинными зве-

рями, разнообразными птицами, бесчисленными большими городами, славными селениями, монастырскими садами, храмами Божьими и грозными князьями, честными боярами и многими вельможами. Всем ты преисполнена, земля Русская, о, правоверная вера христианская. . . »

«Легенда о Вороньем камне»

На Псковщине сохранилось предание, что Александр Невский построил свои рати на Чудском озере неподалеку от Вороньего камня—огромного валуна, лежащего на Вороньем острове. Сам же князь во время сражения стоял на вершине Вороньего камня и оттуда руководил ходом боя.

Со временем волны Чудского озера размывли остров, он ушел под воду, и вместе с ним оказался под водой и Вороний камень.

Однако и после Ледового побоища немецкие рыцари не оставляли Псков в покое и нередко наведывались на своих кораблях в Причудье. Чаше всего они производили набеги ночью, но, говорится в легенде, когда проходили их корабли над

Вороньим камнем, чудесная сила поднимала камень со дна и он разбрасывал и топил вражеские корабли.

Ключи к секретам истории

Секреты истории сокрыты в старинных сундуках, наполненных свитками, папирусами, книгами, исписанными диковинными иероглифами и буквами всех алфавитов мира. Там же хранятся таблицы мер и весов, печати, рисунки гербов, россыпи медных, серебряных и золотых монет, родословцы, содержащие сведения о истории семей, и их девизы, толкования имен и фамилий, названий сел и городов, рецепты и наставления, как надлежит работать с документами, – в общем, все, без чего нельзя узнать события прошлого.

Весь этот арсенал средств помогает ученым-историкам всесторонне изучать и правильно понимать события, произошедшие и много веков, и несколько лет назад. Арсенал этот называется вспомогательными историческими дисциплинами и состоит из семи больших самостоятельных предметов.

Палеография

Слово «палеография» произошло от греческих «палеос»—древний и «графо»—пишу. Дисциплина, изучающая историю письма, исследующая развитие графических форм его и закономерности этого процесса. Каждый отдельный алфавит и самостоятельная иероглифическая система являются предметом палеографических изысканий. Общей палеографии не существует, хотя некоторые положения этой дисциплины имеются.

Для ученых, изучающих историю России, необходимо прежде всего знать славяно-русскую палеографию, так как большинство источников написаны кириллицей.

Метрология

Название происходит от греческого «метрос»—мера и «логос»—слово. Дисциплина, изучающая меры длины, площади, объема и веса, употреблявшиеся в прошлом разными народами. В разных странах, в различные времена они были

своеобразными и совершенно непохожими друг на друга. Например, аршин у русских, фут у англичан; лье у французов и стадия у древних греков; пуд у русских и баррель—у американцев. Или фунт—мера веса—оказывается неодинаковым в разных странах и т. п.

Сфрагистика

Название этой вспомогательной исторической дисциплины происходит от греческого слова «сфрагис»—печать. Отсюда и сфера изучения исторического материала, находящегося в распоряжении сфрагистики—науки о печатях.

Типов и видов печатей великое множество. Для древней и средневековой Руси характерны так называемые вислые печати, которые оттискивались на золоте, серебре, свинце, воске и сургуче и подвешивались на шнуре, прикрепляемом к документу. С XIV—XV веков вислую печать заменили односторонней прикладной, оттискивающейся на воске, мастиках, красках. Прикладные печати существуют до настоящего времени.

Геральдика

Дисциплина, изучающая гербы государств, княжеств, городов, церковных епархий, цехов и гильдий, родов и фамилий (от латинского «геральдус» — глашатай).

В России геральдика стала формироваться в XVII веке под сильным влиянием польской геральдики. Герольдмейстерская контора, ведавшая вопросами геральдики, была открыта в России в 1722 году указом Петра I.

Нумизматика

Термин, определяющий эту науку, происходит от греческого «нумизма» — монета. Нумизматика — дисциплина, изучающая историю монетной чеканки и денежного обращения по монетам, слиткам и иным вещественным памятникам.

Нумизматика в России использовала все основные виды монет: античных, византийских, восточных, западных и собственно русских, так как отдельные монеты и клады из разных регионов Европы и Азии встречались на всей территории

России.

Генеалогия

Название науки происходит от греческого «генеа»—род, «логос»—слово. Дисциплина, изучающая происхождение родов, семей и отдельных лиц, занимающаяся составлением родословий и установлением родственных связей.

В России генеалогия началась в XVI веке составлением «Государева родословца», где содержались сведения о царской фамилии. В 1682 году была составлена «Бархатная книга», посвященная родословию наиболее знатных княжеских, боярских и дворянских фамилий.

Ономастика

От греческого «онома»—имя, название. Дисциплина, изучающая имена собственные и фамилии в их совокупности. Ономастика делится на три раздела. Первый изучает личные имена лю-

дей и называется антропонимика; второй изучает географические названия—морей, озер, островов, городов, улиц, площадей, церквей, сел и т. п. — и называется топонимикой; третий изучает названия племен и народов и называется этнонимикой.

В России все три отрасли ономастики используются широко и плодотворно, потому что здесь есть широкая сфера приложения для любой из них.

Каждая вспомогательная дисциплина по-своему хороша, но автору представляется наиболее занимательной генеалогия, и потому он и представляет ее как самостоятельный раздел. Однако следует иметь в виду, что во всех семи книгах «Занимательной истории России» не раз придется встретиться с каждой из вспомогательных дисциплин.

Русская генеалогия, сиречь родословие

Начало и конец благородной дворянской науки

Позволю представить вам, уважаемые читатели, сюжет, относящийся к генеалогии, в виде небольшого рассказа.

Если бы матушку небезызвестного недоросля Митрофана Простакова спросили: «А бывают ли науки дворянские?»—то, возможно, эта «интеллектуалка», четко знавшая, что география таковой не является, поразила бы нас и другим пассажем, проявив осведомленность в том, что несомненно дворянскою наукой является родословие, ибо оно занято исключительно рыцарскими сюжетами родства и свойства тех, кого издавна называли «белой костью» и «голубой кровью».

И даже жрецы сей науки отличались от про-

чих ученых истинным аристократизмом, хорошими манерами и изысканностью вкуса. Разве можно было сравнить немногочисленных благородных генеалогов, раздушенных и напомаженных, с толпами доморощенных географов, по сути дела, обыкновенных бродяг, просоленных всякими там морскими пассатами и бризами, покрытыми с ног до головы пылью и грязью бесконечных скитаний?

Среди столпов генеалогии значатся князя М. М. Щербатов, П. В. Долгоруков, А. Б. Лобанов-Ростовский, столбовые дворяне Савеловы, Властьевы, Лихачевы и Барсуковы. Однако, как ни парадоксально, в дворянском государстве науку эту процветающей назвать было никак нельзя. Не расцвела она и после того, как дворянского государства не стало.

И в многотысячной армии книг по русской истории несколько фолиантов по генеалогии (роскошно, правда, изданных) напоминали—и числом, и своими сафьяновыми переплетами—кучку гвардейских офицеров, затесавшихся в толпу пугачевских мятежников, волжских бурлаков или

обыкновенных лапотников-мужиков.

А теперь немного почти ботанических сюжетов о ветвях и деревьях. Так как всякий отдельный род, семью или фамилию генеалогии изображали в виде дерева с отходящими от основного ствола ветвями, где каждая ветвь соответствовала отдельной семейной поросли, такие схемы стали называть генеалогическим деревом. А большую купу генеалогических деревьев—дворянские фамилии, например, Франции или Англии, Грузии или Кастилии—мы могли бы назвать «генеалогическим лесом».

Так вот, если говорить о русском генеалогическом лесу, то здесь давно уже буйно растет трава забвения, а меж деревьями запущенной этой чащобы бродят жалкие одиночки генеалогов-энтузиастов, напоминающие Робинзона и Пятницу на необитаемом острове.

И лишь несколько деревьев в этом заброшенном лесу еще сохраняют следы человеческой заботливости. Это фамильные деревья Пушкиных, Радищевых, Лермонтовых, Аксаковых... Да, пожалуй, и все.

Судьба русской генеалогии парадоксальна. В дворянском государстве она была уделом избранных одиночек, и единственный систематический курс лекций по этой научной дисциплине был опубликован в 1909 году, а его автор Л. М. Савелов скончался на восьмидесятом году жизни за океаном, как бы символизируя и мимолетный взлет той науки, которой он служил, и тихую, почти никем не замеченную ее кончину.

А между тем начало русской генеалогии было многообещающим. Она возникла как наука практическая и ставила перед собою чисто прикладные, утилитарные задачи: правильно определенное родство позволяло занять соответствующее «породе» место в обществе, получить свою долю наследства, отыскать могущественного покровителя—четвероюродного дядюшку—или хотя и сомнительного, но все же четко зафиксированного в родословцах полулегендарного пращура—общего с каким-нибудь вельможей, в ком и искал покровительства бедный дворянчик.

Был в появлении интереса к генеалогии и дру-

гой мотив, ничего общего не имеющий с корыстью и карьеризмом, — интерес возвышенный и чистый, сродни увлеченности родной историей: хотелось определить место своей фамилии в истории Отечества, узнать, как переплелась судьба твоих прадедов и прабабок с судьбами родины. И вдруг обнаружить, к радости и счастью, с гордостью и за них, и за себя самого, что их участь была и частью истории страны—посмотрите-ка как близки по смыслу слова «участь» и «участие».

Русское родословие, как и многое прочее, стало предметом забот Петра I. Однако сначала Петр выступал как бы гонителем генеалогии: в 1700 году он закрыл так называемую Палату родословных дел, открытую за восемнадцать лет перед тем повелением его отца царя Алексея Михайловича.

Возникла же Палата после того, как Алексей Михайлович приказал всем служилым людям «быть без мест», то есть во взаимоотношениях по службе исходить не из того, чей род благороднее и знатнее, а только из живой реаль-

ности настоящего времени—места, занимаемого на служебной лестнице в это время. Сам термин «местничество» возник от слова «место». В. И. Даль так объяснял это: «Местничество—старинный обычай считаться местами предков и занимать должность по этому, а не по заслугам своим: чей отец либо дед занимал высшую должность, того потомок считал и себя выше родом и не подчинялся по службе тому, у кого предки занимали низшие места». Это относилось ко всей служебной иерархии, как гражданской, так и военной: к «началию» всех видов—волостелям и урядникам, судьям и воеводам, боярам и наместникам, — вот и опять корень слова—«место». А на самом верху, в боярской думе, слово «место» воспринималось и в его буквальном смысле: чем важнее был боярин, тем ближе сидел он к трону Великого князя или царя. «Место» сохранялось и за пиршественным столом, из-за чего после обильных возлияний происходили бурные свары и даже драки. С течением времени местами стали считаться и купцы, и дьяки, и иные чины. Все это мешало нормальному ходу дел, и в 1682 году

указом царя Алексея Михайловича местничество было ликвидировано. Одновременно было решено составить родословную книгу наиболее знатных боярских и дворянских фамилий. Эта работа была закончена через пять лет.

Уже в годы правления царевны Софьи Алексеевны и отобранные фамилии далеко не всегда отражали истинную ситуацию, а были данью расположения или неприязни Софьи Алексеевны и руководителей комиссии по составлению списков—князя и боярина Владимира Дмитриевича Долгорукова и его «товарища», окольничего Ивана Ивановича Чаадаева. К тому же следует иметь в виду, что многие сведения, собранные комиссией, можно было бы считать легендами и преданиями, если бы они не представляли собою совершеннейших сказок и басен. Как бы то ни было, но все собранные комиссией Долгорукова сведения свели воедино, переплели в бархат, и потому сей фолиант стал называться «Бархатной книгой», а если какой-либо дворянский род хотел подчеркнуть свою старину и знатность, то ссылался на то, что занесен в «Бархатную кни-

гу», ибо начиналась она с «Государева родословца», написанного еще при Иване Грозном, в середине 50-х годов XVI века, в который главным образом входили родословные записи потомков Рюриковичей и Гедиминовичей, ведших свои роды от уже известного нам Рюрика и от Великого Литовского князя Гедимина, правившего в Литве с 1316 по 1341 год. Он был основателем города Вильно, ставшего столицей его королевства, и держал под своею рукой Черную Русь, что лежала в верховьях Немана вокруг городов Гродно и Несвиж, а также Полоцкое и Минское, Пинское, Туровское и Витебское княжества.

Из-за этого, а также и потому, что был Гедимин правителем воинственным и знаменитым и слыл во многих странах как «литовский король», его потомки, оказавшись на Руси, пользовались почти таким же почетом и уважением, как и собственные русские князья. И потому в «Бархатной книге» Гедиминовичи стояли рядом с Рюриковичами, а уже потом шли другие княжеские и боярские рода, а после них—знатные дворянские фамилии. Однако быстротечное время брало свое,

и к 1700 году местнические споры вспоминались как некие забавные происшествия, и в связи с этим своеобразным курьезом выглядела и сама Палата родословных дел, в которой все эти документы собирались и хранились.

Однако к середине XVIII века, когда старая родовая знать сумела восстановить позиции, утраченные в царствование Петра I под натиском новых людей типа Меншикова, возрос и интерес к старым родословцам.

В некоторой степени способствовало этому и то, что еще при Петре была опубликована «Родословная роспись великих князей и царей российских». Книгу охотно покупали, с удовольствием отыскивали свои связи со старой царской династией, Рюриковичами, и новой династией, Романовыми.

Да и сам Петр к концу царствования вдруг проявил интерес к делам генеалогическим.

В 1722 году император приказал открыть Герольдмейстерскую контору, где снова стали изучать родословие и, кроме того, заниматься всем, связанным с геральдикой, сиречь гербовым де-

лом. Однако произошло это конечно же не вдруг.

Петр после победы над шведами стал императором, а новый титул обязывал его и к введению новых аксессуаров, соответствующих этому титулу.

Теперь и сам Петр, как полноправный император, не прибегая к услугам номинального германского императора, мог возводить в баронское, графское и княжеское достоинство любого дворянина независимо от его национальности и подданства. Дело было с самого начала поставлено на серьезную ногу. В только что открывшейся Академии наук, тогда она, правда, называлась Академией наук и художеств, одной из первых была основана кафедра геральдики. Так как предметом ее забот стало изучение генеалогий и изготовление чертежей для создания различных гербов, то она по характеру своей деятельности находилась, как бы сегодня сказали, на стыке двух смежных дисциплин, коими и являлись науки и искусства.

Князья Рюриковичи

Теперь же возвратимся назад, к временам Владимира Мономаха, и посмотрим, что происходило с русским родословием в самом его начале. Уместно будет вспомнить: «Повесть временных лет» сообщала, что Рюрик сел в Новгороде, Синеус— в Белоозере, Трувор— в Изборске. Синеус и Трувор вскоре умерли, и Рюрик остался полновластным правителем Новгородской земли. Этим объяснялось и то, что только Рюрик оставил после себя потомство, составившее «дом Рюрика». Впоследствии многие Рюриковичи стали называть себя по именам наиболее знаменитых потомков Рюрика, ставших родоначальниками отдельных ответвлений этого рода, — Ярославичи, Мономашичи, Ольговичи и т. п. Все они были

князьями по рождению и до появления в России князей по пожалованию, первым из которых был «герцог Ижорский» Александр Данилович Меншиков, получивший этот титул указом Петра Великого 30 мая 1707 года, составляли, как правило, высший слой военной, гражданской и дипломатической администрации.

Позднее кроме Рюриковичей такими же правами пользовались и другие потомственные князья, перешедшие на службу к государству Российскому, – литовские, татарские, горские и другие нерусские князья.

К началу XX века сохранились потомки восьми княжеских ветвей Рюриковичей: 1) черниговских князей—Барятинские, Волконские, Горчаковы, Долгоруковы, Елецкие, Звенигородские-Спячевы, Кольцовы-Масальские, Оболенские, Оболенские-Белые, Одоевские, Репнины-Волконские, Святополк-Мирские, Святополк-Четвертинские, Щербатовы; 2) галицких князей—Бабичевы, Друцкие, Друцкие-Соколинские; 3) смоленских князей—Вяземские, Козловские, Кропоткины; 4) яро-

славских князей—Дуловы, Засекины, Львовы, Морткины, Прозоровские, Сонцовы, Сонцовы-Засекины, Шаховские, Шехонские, Щетинины; 5) ростовских князей—Касаткины-Ростовские, Лобановы-Ростовские, Щепины-Ростовские; 6) белоозерских князей—Белосельские, Вадбольские, Ухтомские, Шелепшанские; 7) суздальских князей—Шуйские; 8) стародубских князей—Гагарины, Хилковы. От четырех ветвей дома Рюрика—князей полоцких, перемышльских, московских и тверских—потомства к XX веку не осталось.

Князья Гедиминовичи

Великий литовский князь Гедимин имел семь сыновей, у трех из них—Наримунта, Ольдгерда и Евнутия—потомство составило три рода, сохранившиеся через много веков. Эти-то потомки, носившие титул князей, и составили княжеский род Гедиминовичей. После того как земли Гедиминовичей были завоеваны Россией и вошли в ее состав, князья Гедиминовичи были признаны по знатности вторыми после Рюриковичей. Затем многие из Гедиминовичей породнились с Рюриковичами и стали считаться равней им.

От князя Наримунта, сидевшего в Пинске и по крещению получившего имя Глеб, пошли князья Голицыны, Куракины, Хованские. От Евнутия, в крещении Ивана, сидевшего в Ижеславе, по-

шли князя Мстиславские. От князя Ольгерда— князя Трубецкие, а также королевская польско-литовская династия Ягеллонов.

Кроме того, более десяти княжеских ветвей династии Гедиминовичей угасло в средние века.

Стало быть, титул князя в российской истории появился с самого начала русской государственности. По «Повести временных лет», уже «Кий княжаша в роде своем», то есть носил этот титул до призвания князей-варягов.

Впоследствии на Руси из дома князя Рюрика появляется несколько Великих князей, из борьбы между которыми выходят в конце концов победителями одни лишь Великие Московские князья. Все же прочие становятся либо удельными, либо служилыми, или, как их еще называли, «служебными князьями». Титул князя в допетровское время переходил только по наследству, и Великий князь не мог даровать княжеский титул никому из своих служилых дворян, сколь бы значительными ни были их заслуги.

Если к Руси присоединялись какие-либо земли, то местные князья сохраняли свои титулы.

С присоединением татарских ханств или с переездом на службу в Москву князьями оставались Урусовы, Юсуповы и другие татарские вельможи; с присоединением Грузии—Багратионы, князья Имеретинские, Цициановы и другие; с присоединением западных земель—литовские князья из дома Гедиминовичей: Голицыны, Куракины, Трубецкие, Хованские, Мстиславские, о которых уже упоминалось.

Новая титулованная знать

Первые пожалованные князья появились при Петре I. В 1705 году по просьбе Петра германский император пожаловал титул князя Священной Римской империи А. Д. Меншикову, а в 1707 году—Меншиков же стал светлейшим князем Ижорским. Так, в России появился первый светлейший князь, к которому надо было обращаться не как к обычному князю—Ваше сиятельство, но еще почтительнее—Ваша светлость. Тогда же были пожалованы первыми титулами графов и баронов сподвижники Петра—П. Б. Шереметов и П. П. Шафиров, а вслед за ними и другие сановники империи. Но об этом будет рассказано на страницах, посвященных истории России XVIII и XIX веков.

Наследники же императоров и императриц получали титул Великого князя и Великой княжны, с обращением Ваше императорское Высочество. Разряд великих князей со временем менялся, но дети и внуки императоров оставались императорскими Высочествами до 1917 года.

Сказания о начале Москвы

Топонимика столицы России

Познакомимся с одной из трех частей ономастики—топонимикой.

Наш очередной сюжет будет посвящен Москве, а топонимика, как сказано чуть выше, изучает, в частности, происхождение названий городов, сел, улиц, площадей, церквей, входящих в состав любого большого старинного города.

История названий всех этих объектов топонимики в Москве очень тесно связана с историей России, о чем вы узнаете в заключительном очерке настоящего раздела.

Уже в годы жизни Владимира Мономаха многие русские князья начали проявлять сепаратистские тенденции, все более обособляясь в проведении политики от Великого Киевского князя. Для того чтобы пресечь это, Владимир Мономах строил в разных русских княжествах крепости, гарнизоны которых подчинялись ему и проводили его государственную линию.

Так, среди прочих в 1108 году им был основан город Владимир на Клязьме, ставший форпостом Руси на ее восточных рубежах. А уже после смерти Мономаха первый князь Суздальской земли и родоначальник Владимиро-Суздальской династии Юрий Владимирович Долгорукий (шестой сын Мономаха) стал на землях своего удела основывать новые крепости и города.

Потом судьба этих городов оказалась совершенно разной, но одно из тогдашних сел, называвшееся Москов, или Кучково, впоследствии обрело славу, сравнимую с Римом и Константинополем. И через четыре века после Юрия Долгорукова Москов—к тому времени уже Москва—со всем основанием стал претендовать на имя Тре-

тьего Рима. (Об этом будет рассказано дальше.) А тогда это село стояло на месте одного из поселений кривичей, раскинувшегося, скорее всего, на берегу реки Москвы или же неподалеку от нее.

Наиболее вероятным местонахождением этого села, называвшегося Кучковым, известный историк Иван Егорович Забелин считал район в конце Никольской улицы, чуть севернее Кремля. А где-то на территории современного Кремля стояли и хоромы его хозяина—боярина Степана Ивановича Кучко, из-за чего летописец XII века писал: «Москва рекше Кучкового», то есть «Москва, называвшаяся Кучково».

Правда, некоторые ученые считают, что село Кучково находилось в районе Сретенки, названной так в конце XIV века из-за того, что именно здесь в 1395 году произошло «сретенье», то есть «встреча» чудотворной иконы Владимирской Божьей Матери, одной из наиболее почитаемых в России икон, избавившей Русь от нашествия Тамерлана. В честь «сретенья» этого образа в 1397 году был построен Сретенский монастырь, а чуть позже Сретенские ворота.

И сегодня в Москве существуют Сретенская улица и Сретенский бульвар, сохранилась часть монастыря, в основном разрушенного в 1928–1930 годах. Это собор Сретенья Владимирской иконы Богоматери, построенный в 1679 году.

Имя боярина увековечено в названии Кучково поле, располагавшееся в районе нынешней Лубянки. Кучково поле прилегало к селу Кучково, и через него шла дорога из Москвы во Владимир. Во всяком случае, где бы ни стояло это село, вскоре оно потеряло первоначальное имя и стало называться по имени соседней реки—Москвой. В топонимике часто встречаются гидронимы, то есть названия, происходящие от имени соседних водных объектов—рек, озер, прудов и т. д. Так, по мнению многих ученых, произошло и с Москвой. С течением времени село Кучково потеряло свое главенствующее положение среди нескольких соседних с ним сел—Михайловского, Кудрина, Воронина и др., – и все они стали восприниматься как город Москва, по имени соседней Москвы-реки. И вот здесь-то ученые должны были признать, что слово «Москва» никак нельзя посчи-

тать славянским, ибо еще в 1847 году видный русский этнограф и ученый в области исторической географии Н. И. Надеждин установил, что только на крайнем юго-западе европейской России и в бассейне Днепра находятся сплошь славянские названия рек, но уже от восточного берега Днепра до Волги, Оки и Камы их названия—не славянские, а финно-угорские, так как здесь раньше славян жили финно-угорские племена, в которых имя «ва» означает «вода», а «Моек» или «Москы» все еще требует уяснения. Современные ученые—С. П. Обнорский, Г. А. Ильинский, П. Я. Черных—путем сложных умозаключений отыскивают слово «Москы» в языках вятичей и кривичей, придавая этому слову смысл «топкая, болотистая, мокрая». В. Н. Топоров находит корни названия «Москва» в Верхнем Поднепровье и Прибалтике. К нему же примыкают и авторы книги «Топонимия Москвы» Г. П. Смолицкая и М. В. Горбаневский.

Поиски ученых продолжаются до сих пор, но окончательного решения о происхождении слова «Москва» все еще нет.

Первое летописное упоминание о Москве

Как бы то ни было, но впервые имя Москва появляется в одной из древнейших русских летописей—Ипатьевской—под 1147 годом от Рождества Христова, и под 6655-м—от Сотворения мира.

Москва упоминается в связи с тем, что 28 марта, в пятницу, на пятой неделе Великого поста, в канун праздника Похвалы Пресвятой Богородицы, Суздальский князь Юрий Владимирович Долгорукий—шестой сын Великого Киевского князя Владимира Мономаха—призвал в свою вотчину Москву («на Москву», или «в Москов») своего союзника и друга, Новгород-Северского и Белгородского князя Святослава Ольговича, который поддерживал Юрия Долгорукого в его борьбе за великое княжение в Киеве. (Святослав Ольгович через четыре года стал отцом князя Игоря—героя «Слова о полку Игореве», — прославившегося из-за своего неудачного похода на половцев в 1185 году.)

28 марта 1147 года здесь, на Москве, Юрий Долгорукий дал в честь Святослава Ольговича «обед силен». Обед оказался настолько «сильным», что даже был упомянут в летописи, хотя в тот день, когда сотрапезники сели за стол, был Великий пост. С этого-то момента и началась письменная история Москвы, сделавшая эпизод княжеской трапезы неожиданно чем-то знаменательным, неким прообразом отличительных качеств—радушия, гостеприимства и веселия, присущих Москве во все времена.

Видели в этом эпизоде и еще более провиденциальное явление: Москва с первых же шагов явилась провозвестницей будущей истории, став «добрым пристанищем устойчивого, сосредоточенного и могущественного развития Русской земли. . . Москва тем и стала сильною и опередила других, что постоянно и неуклонно звала к себе разрозненные русские земли на честный пир народного единства и крепкого государственного союза»—как писал И. Е Забелин.

В другом историческом источнике—повести «О начале царствующего великого града Моск-

вы», созданной в XVII веке, автор писал, что после пира князь Юрий «взыде на гору и обозрев с нее очима своими семо и овамо (налево и направо) по обе стороны Москвы-реки и за Неглинною, возлюбил села оныя, и повелевает на месте том вскоре соделати мал деревян град и прозва его званием реки тоя Москвы, текущая под ним».

Итак, первой достоверной датой упоминания Москвы в летописи принято считать 28 марта 1147 года.

Легенды об основании Москвы

По мере того как Москва из обычного маленького, провинциального городка, лежащего на далекой периферии от «матери городов русских—Киева», приобретала все большее значение, менялось и отношение к ней летописцев, книжников и князей, стремившихся удревнить ее происхождение, приравнять Москву и по возрасту и по значению к таким мировым центрам, как Рим

и Константинополь. Случилось это в XVI веке, когда старец Филофей, ученый монах псковского Елеазарова монастыря, выступил со знаменитой теорией «Москва—Третий Рим», утверждая, что первый Рим и второй Рим—православный Константинополь пали под ударами язычников, а Москва есть Третий Рим, и она стоит, а четвертому Риму не бывать.

Но столица мира, по существовавшим тогда представлениям, должна была иметь почтенный возраст, благородное, а еще лучше, божественное происхождение. И вот в Москве одна за другой возникают легенды о происхождении города, где требования провиденциализма, то есть божественной предопределенности и древности возникновения, оказываются, точнее, стараниями летописцев становятся историческими реалиями.

При этом московские книжники пытаются если не принизить, то уж, во всяком случае, уравнивать «мать городов русских—Киев» с Москвой. Хотя сделать это нелегко, ибо, по легенде, Киев основан самим Андреем Первозванным, апо-

столом Христа, проповедовавшим Слово Божие скифам на берегах Борисфена—Днепра, и, таким образом, оказывается на тысячу лет старше Москвы и, несомненно, возникшим по соизволению Божию.

И все же попытки уравнивать Москву с Киевом и даже с Римом и Константинополем, существовавшими задолго до Рождества Христова, предпринимались неоднократно. Однако исторические фигуры такого ранга, как апостол Андрей, не подходили—не позволяли каноны церкви, да и простой здравый смысл: слишком уж значительной представлялась временная дистанция. А вот предвестье и чудо, как орудия небесного промысла, вполне могли играть свою провиденциальную, то есть predeterminedенную роком, роль.

Легенда о киевском витязе—отшельнике Вуколе

Провозвестником необычайной судьбы будущей Москвы, когда ее еще не было, стал не апостол и

не святой, а некий киевский витязь Вукол, в старости ставший отшельником. Вукол ушел из Киева и построил себе хижину-келью на лесистом холме, неподалеку от Москвы-реки, на том самом, где впоследствии был заложен Кремль.

Однажды во сне Вуколу было возвещено, что на этом месте возникнет город Москва, который много потерпит и от врагов и от пожаров, но впоследствии станет велик и славен.

Отшельник отправился в не очень далекое от него село Косино, кстати существующее и сегодня под своим прежним именем, и рассказал о своем видении местному священнику, после чего оба они пошли в церковь и стали со слезами на глазах молить Богородицу за православный народ и будущий город. Во время божественной литургии, как только зазвучала херувимская песня, в храм явилась Богородица и церковь стала медленно опускаться под землю. А когда она совсем скрылась из глаз, из недр хлынула вода и возникло большое озеро. И до сих пор, указывалось в одном из московских путеводителей конца XIX века, крестьяне Косино и других сел, прихо-

дя на берег озера, слышат, как из-под воды не умолкает молитва святых старцев за православный народ и град Москву.

Благодаря этой славе косинское озеро, названное Святым, считается возлюбленным Богоматерью, а вода его—святой и исцеляющей благочестивых и паломников.

Легенда об основании Москвы князем Олегом

Сохранились и менее сказочные и не столь экстравагантные версии возникновения Москвы, но все же преследующие цель хотя бы и ненамного, века на два-три, «состарить» матушку-Москву. Вот одна из таких версий.

Автор небольшого, но интересного исследования «О Великих князьях, современных началу Москвы» П. В. Хавский, издавший свой труд в 1851 году, писал, что «Великий князь Юрий Владимирович, проименованный Долгоруким, во время шествия из Киева во Владимир обновил

первый Москву, запустевшую после основания Великим князем Олегом, блюстителем Игоревым, и учинил оную нарочитым городом, именуя сей город Москва, по прежнему ея имени». Хавский основывался при этом на «Государственном акте 1, части Гербовника дворян под № 7 о роде князей Долгоруких», а последующие историки обнаружили, что предание об основании Москвы Олегом, в 912 году уже скончавшимся, было написано во второй половине XVII века в Москве, чтобы удревнить и таким образом облагородить ее историю.

В этом предании, в частности, говорилось: «Вышеупомянутый Олег имея в дозорстве под присмотром, на воспитании, князя Игоря, облада странами многими по всей земли Российской. При княжении же своем Олег прииде на Москву-реку, в я же текут Неглинна да Яуза, и постави ту град, и нарече Москва, и посади ту князя, сродника своего, и ины многи грады постави во странах Российских».

Легенда об основании Москвы внуком Ноя—Мосохом

Среди легенд о начале Москвы следует обратить внимание и на ту, которая принадлежит составителю знаменитого «Синописа»—первого учебника по истории, вышедшего в 1674 году, – архимандриту Киево-Печерской лавры Иннокентию Гизелю, производившему название «Москва» от имени внука праотца Ноя—Мосоха, родоначальника славян.

Его версию еще дальше развил дьякон Холопьяго монастыря Тимофей Каменевич-Рвовский, объявивший Мосоха и основателем Москвы, и первым русским князем.

Юрий Долгорукий

Позвольте, уважаемые читатели, предложить вам первую подробную биографию, подобные которой на страницах этой книги вы встретите еще множество. Принцип изложения чаще всего будет таким, как и здесь: в основу положен сокращенный историко-биографический очерк, принадлежащий какому-либо историку или писателю, а также приводятся подборка характеристик разного рода, заимствованная, как правило, из сочинений видных ученых, фрагменты документов или выписки из источников другого рода.

Итак, Юрий Владимирович Долгорукий, повествование о котором будет основано на книге современного писателя А. П. Торопцева «Москва. Путь к империи. 1147–1709».

В. Н. Татищев о Юрии Долгоруком

Василий Никитич Татищев, использовавший в своей «Истории Российской» некоторые не сохранившиеся до нашего времени источники, так характеризовал Ю. В. Долгорукого:

«Был он роста малого, толстый, лицом белый, глаза не велики, великий нос, долгий и покривленный, брада малая, великий любитель жен, сладких пиц и пития, более о веселиях, нежели о расправе и воинстве, прилежал, но все оное состояло во власти и смотреии вельмож его и любимцев».

Н. М. Карамзин о Юрии Долгоруком

Георгий (Юрий, Егор—одно и то же. – В. Б.), властолюбивый, но беспечный, прозванный Долгоруким, знаменит в нашей истории гражданским образованием восточного края древней России, в коем он провел все цветущие лета своей

жизни. Распространив тем Веру Христианскую, сей князь строил церкви, умножил число духовных пастырей, тогда единственных наставников во благонравии, единственных просветителей разума; открыл пути в лесах дремучих, основал новые селения и города. Но Георгий не имел добродетелей великого отца; не прославил себя в летописях ни одним подвигом великодушия, ни одним действием добросердечия, свойственного Мономахову племени. Мы видели, что он играл святошеством клятв и волновал изнуренную внутренними несогласиями Россию для выгод своего честолюбия.

Детство и юность Юрия Владимировича

Юрий Владимирович родился приблизительно в 1090 или 1091 году. Отцом его был Владимир II Мономах, а матерью—неизвестная, неупомянутая в русских летописях и иностранных хрониках вторая жена Мономаха. Для того чтобы дальше было понятно многое из происходящего в истории нашего Отечества в XII столетии, следует сказать несколько слов и о первой жене Владимира Мономаха—Гиде, дочери английского короля Гарольда, павшего в битве с норманнами, вторгшимися в Англию. Гарольд погиб в сражении при Гастингсе 14 октября 1066 года. Семья Гарольда бежала в Данию, откуда примерно в 1074–1075 годах восемнадцатилетняя Гида

приехала в Киев и стала первой женой двадцатидвухлетнего Владимира Мономаха. В 1076 году у них родился сын Мстислав—будущий Великий князь Киевский. Гита вскоре померла, и Владимир Мономах женился второй раз. К сожалению, источники не сохранили имени его жены—матери Юрия, о котором и пойдет речь впереди.

Когда Юрий родился, его отцу было тридцать семь лет, а уже шести лет он был посажен отцом на княжение в Ростово-Суздальскую землю, разумеется при надежной опеке. С мальчиком в Заокскую землю уехал его учитель Георгий Симонович, известный в Киеве человек, потомок заезжего варяга Шимона. Еще во времена княжения Ярослава Мудрого тот явился в Киев из Скандинавии, обрел популярность и заслуженный авторитет среди сограждан. Человек деловой и щедрый, Симон пожертвовал немалую сумму денег на основание в Киеве Печерского монастыря. Его сын, Георгий, высокообразованный, талантливый, был приближен ко двору, а Владимир Мономах доверил ему воспитание и обучение сына Юрия. Князь сделал удачный и

дальновидный ход. Георгий Симонович оказался не только хорошим педагогом, но и верным другом, и помощником, и правителем.

Пребывание Юрия в Суздале проходило под сильнейшим воздействием его отца—Владимира Мономаха, который в 1100 году сумел убедить многочисленных русских князей начать боевые действия против половцев: не ждать, пока степняки совершат очередной налет на Русскую землю, а самим ходить в походы, бить половцев на их территории.

Когда происходили эти события, было княжичу Юрию около десяти лет.

Молодость князя Юрия

Молодого князя Юрия Владимировича в годы его возмужания конечно же более прочего учили воинскому делу, воспитывая из него верного боевого соратника своему отцу, вместе с которым он должен был совершать многочисленные военные кампании.

В походе 1108 года его отец вместе с Великим князем Киевским Святополком Изяславичем возглавлял объединенное союзное войско. Оно одержало победу, и в январе 1108 года был заключен выгодный мирный договор.

Эта война дала Юрию Владимировичу жену— дочь половецкого хана Аепы.

Отсюда мы можем утверждать, что именно она была матерью первого сына Юрия

Владимировича—Андрея, прозванного впоследствии Боголюбским, хотя летописи не сохранили ее имени.

Зрелые годы князя Юрия Владимировича

В 1113 году шестидесятилетний Мономах стал Великим князем Киевским. Юрий Владимирович наряду с другими сыновьями учился у отца княжить, совершил в 1120 году с ростово-суздальской дружиной поход на волжских болгар, возмущавших то и дело спокойствие на восточных границах Суздальской земли, нанес противнику поражение, захватил богатый обоз и множество пленных. А потом на пять лет его имя исчезло со страниц русских летописей.

19 мая 1125 года «славный победами за Русскую землю и благими нравами» Великий князь Киевский Владимир Мономах умер в возрасте семидесяти трех лет. Пятеро его сыновей, остав-

шихся к этому времени в живых, – Мстислав, Ярополк, Вячеслав, Юрий, Андрей—приехали в Киев, собрались у гроба отца в великокняжеском дворце.

А дальше надлежит познакомиться с тем, какое наследство оставил своим детям Владимир Мономах и как они распорядились этим наследством.

Братья Мономашичи

Мстислав Владимирович, сын Гиды, с 1088 года княжил в Новгороде, Ростове, Смоленске, в Переяславле и в других городах, участвовал в княжеских съездах, в походах на половцев, сыграл выдающуюся роль в организации обороны Новгородской земли от набегов западных соседей, стал Великим князем Киевским в 1125 году. К этому времени созданная Рюриковичами пирамида власти с вершиной в Киеве стала рушиться. Мстислав, каким бы он ни был великим, не смог бы остановить этот объективный процесс дробления. Но потому-то он и велик, что смог смягчить последствия этих болезненных для страны перемен.

С междоусобицей Мстислав боролся теми

способами и средствами, которые считал нужными и важными. Чтобы покончить с этим злом, он решил нанести сокрушительный удар по князьям полоцким, потомкам варяжки Рогнеды, ставшим, по мнению Великого князя Киевского, первопричиной распри. Они действительно представляли собой постоянную угрозу для мира внутри державы, вели независимую политику, часто не подчинялись высшей власти.

У них была на то веская причина. Известно, что матерью Владимира Святославича была ключница Малуша, а не законная жена Рогнеда, потомки которой более ста лет пытались отвоевать силой свое право на великокняжеский престол у потомков Малуши.

В 1127 году в наказание за то, что князья полоцкие отказались участвовать в очередном походе на половцев, Мстислав повелел удельным князьям Турова, Владимира, Курска, Смоленска, других городов всем разом в условленный день начать военные действия против отступников. Союзные войска победили полочан. Гнездо Рогнеды было разрушено. Князей полоцких с се-

мьями сослали... в Константинополь.

Однако распря не прекратилась. На территории Киевской державы возникали новые очаги междоусобицы: Чернигов, Переяславль, Новгород, всегда стремившийся к самостоятельности... Многоголовым драконом набросилась распря на Русскую землю: Мстислав отрубил ему одну голову, вместо нее выросло несколько новых.

Будущий основатель Москвы Юрий Владимирович, князь Суздальский, участия в междоусобной борьбе до поры до времени не принимал. Все годы правления старшего брата Юрий сидел в Ростово-Суздальской земле, занимался ее обустройством, помогая сбежавшим сюда от раздоров осваивать земли Ополя. Позитивные результаты хозяйственной деятельности Юрия Владимировича в Ростово-Суздальской земле в двадцатые—тридцатые годы заметят чуть позже, во второй половине XII столетия, когда в Заокской области начнут возникать один за другим города, когда центр политической жизни страны начнет перемещаться с Поднепровья на во-

сток, когда, по выражению Ключевского, «русский плуг с Днепровских черноземов перешел на Окско-Волжские суглинки».

После смерти Мстислава 15 апреля 1132 года великокняжеский престол занял по старшинству следующий сын Владимира Мономаха—Ярополк, и с этого же года князь Суздальский Юрий Владимирович включился в активную политическую жизнь Киевской Руси.

В воскресный день, 17 апреля, состоялась торжественная церемония вступления Ярополка на великокняжеский престол. Однако после торжества Юрий Владимирович не уехал в Ростово-Суздальскую землю, где ждали его важные дела. Это объясняется тем, что в Киеве с вокняжением Ярополка положение Мономашичей ухудшилось из-за противоречий между ними и удельными князьями, а также между самими удельными князьями.

Причиной очередного раздора стала обширная Переяславская область на юге Киевской Руси. Черниговские и другие удельные князья попытались разодрать на куски эту богатую землю,

расташить ее по своим уделам. Ярополк повел себя в этом деле странно: будто бы забыл, что ему нужно заботиться об укреплении центральной власти, а не потакать амбициям удельных князей. Юрий Владимирович, предчувствуя беду, ушел с дружиной из Киева в Остерский Городец, зорко наблюдая оттуда за событиями.

По соглашению с Ярополком в Переяславль ворвался Всеволод. Это явилось сигналом для других удельных князей—они быстро снарядили дружины. Но князь Суздальский их опередил. «Всеволод утром сел в Переяславле, а до обеда его выгнал Юрий», – свидетельствует летописец. Это был поистине прыжок барса. Изгнав из города племянника, Юрий вернул Переяславль центральной власти и через восемь дней уехал в Городец.

Но на этом дело не кончилось. Еще несколько раз внуки Мономаха посягали на город. Юрий Владимирович успокоился лишь тогда, когда княжество Переяславское досталось брату Вячеславу. Свято исполняя отцовский наказ, он горой стоял за дело Мономашичей.

Но братья не всегда отвечали ему тем же. Вячеслав, правитель вялый, посредственный, частенько грубо выговаривал будущему основателю Москвы: «Я уже был бородат, когда ты только родился». В этой реплике нет отчаяния стариков, когда у них уже не хватает слов для вразумления молодых, в ней есть только спесь избалованного человека, недоброго и бестолкового.

Распря между тем разгоралась с каждым днем. Юрий принял в ней участие на стороне Ярополка. Всеволод Ольгович, черниговский князь, вместе с князьями Изяславом и Святославом Мстиславичами ранней весной 1134 года чуть было не захватили Киев. Неожиданно напали они на пригороды, опустошили их. «Одних людей уводили, других убивали, – сказано в летописи. – Люди не могли перебраться через Днепр и переправить скот». Князья подошли со своими дружинами к Киеву, три дня простояли у города и вдруг отступили и побежали на север, в Черниговскую землю.

Всеволод Ольгович—Великий князь Киевский

В 1139 году Великим князем Киевским стал тоже Рюрикович, однако же противник Мономашичей, сын черниговского князя Олега Святославича—Всеволод Ольгович. Его главной задачей было удержание во что бы то ни стало Киевского великокняжеского стола. Для этого он умело разжигал распри между удельными князьями, пытался натравливать одну на другую части населения Киева, что позволяло его тиунам Тудору и Райше безнаказанно грабить и разорять горожан и Киева и Вышгорода.

Всеволод Ольгович видел, что одним из его главных и опасных врагов является князь Юрий Владимирович, к тому времени уже получивший

кличку Долгорукий за то, что по мнению современников, у него оказались слишком длинные, а по-древнерусски слишком длинные руки.

В 1140 году Всеволод стал готовить поход на Суздальскую землю. Юрий Владимирович прибыл в Смоленск к Ростиславу Мстиславичу и заключил с ним союз в борьбе против Всеволода. Новгородцы отказались воевать, как их ни уговаривал сын Юрия, Ростислав, новгородский князь, которому по этой причине пришлось покинуть город, вернуться к отцу. Князь суздальский отомстил новгородцам, отнял у них Торжок, являвшийся для северян своего рода торговыми воротами. Новгородцы по привычке устроили бунт, который закончился избранием во второй раз Юрия Владимировича в князья. Но он вновь дипломатично отказался и отправил к республиканцам сына. Тем временем Всеволод занял наследственный удел Юрия—Остерский Городец. А вскоре и новгородцы преподнесли очередной сюрприз: узнав, что Великий князь Киевский послал к ним Святополка, они посадили сына Юрия в епископский дом под арест.

Крупная война между Всеволодом Ольговичем и князем суздальским все же не успела разразиться. 1 августа 1146 года Великий князь Киевский скончался.

Дальнейшие дела Юрия Долгорукого

Для того чтобы не повторяться, будем идти далее. Выше вы уже читали о первом летописном упоминании о Москве, о топонимике древней Москвы и об обстоятельствах, сопутствующих пиру Юрия Владимировича Долгорукого с его союзником Святославом, князем Новгород-Северским.

В 1147 году Юрий Долгорукий оставил Москву, чтобы обратить внимание и на другие места в своем княжестве.

В 1152 году основал он в сорока шести верстах от Москвы город Звенигород.

Тогда же, как свидетельствует Никоновская летопись, он поставил в Суздальской земле мно-

го каменных церквей: на Нерли—церковь во имя Святых мучеников Бориса и Глеба, а в Суздале—во имя Всемилоственного Спаса. Владимир в том же году украсила построенная им церковь Святого Георгия, а все заложенные в Клещине церкви он перевез в Переяславль, там же заложил он церковь во имя Всемилоственного Спаса.

В том же году в ста шестидесяти километрах к северо-востоку от Москвы им был основан город Переяславль-Залесский, а в шестидесяти восьми километрах к северо-западу от Владимира—город Юрьев-Польский.

Уже через два года, в 1154-м, в шестидесяти километрах к северу от Москвы на месте бывших славянских поселений им был основан город Дмитров в честь сына Всеволода (впоследствии Всеволода Большое Гнездо), в крещении названного Дмитрием.

А еще через два года, в 1156-м, Юрий Долгорукий повелел соорудить вокруг Боровицкого холма крепостную стену.

Но вернемся в конец 40-х годов XII века. В начале 1149 года Мстиславичи, поддержанные нов-

городцами, которые на этот раз воевали на стороне великого князя, ворвались в Суздальскую землю, прошли по ней огнем и мечом, разграбили и сожгли много слабо укрепленных городов, взяли большую добычу и семь тысяч пленных и, подгоняемые ранней весной, возвратились в свои княжества.

Летом 1149 года Изяслав прогнал из Киева Ростислава, сына Юрия, и тот в ответ выступил к Киеву и в 1151 году взял его.

После четырех лет изнурительной междоусобной борьбы, проходившей во многих местах Руси, Юрий все же одержал победу и 20 марта 1155 года стал Великим князем Киевским.

Последние годы правления

Став великим князем Киевским, Юрий Владимирович решил собрать под свой скипетр всю Русь. Летописи сохранили его новый титул: «Великий князь Юрий, сын Владимира Мономаха, внук Всеволода, правнук Ярослава, праправнук Великого Владимира, крестившего всю землю Русскую».

В 1155 году у него осталось в живых девять сыновей, которым он и отдал все самые важные земли и города.

Особое внимание при этом он уделил Суздальской земле, завещав ее младшим сыновьям от второго брака с византийской принцессой. Одним лишь завещанием он не отделался, организовал пышные торжества по случаю «крестоцело-

вания» на верность его детям. Присягнули князю вся его дружина и население. Этаким странным шагом. С одной стороны, Долгорукий пытался собрать Русь под центральной властью Киева, с другой стороны, он, даже обремененный делами в столице, не забыл о своем уделе, основывал в Суздальской земле города, строил каменные церкви и передал быстро усиливающееся княжество младшим детям. Он будто бы предвидел будущее Заокского края.

Колокольный звон на пышной церемонии «крестоцелования» в Суздальской земле слышали все на Руси. Юрий Долгорукий, муж принцессы византийской, передал ее детям (но не детям от первой жены—половчанки) эту быстро развивающуюся область, устроил богатый праздник, напоминающий торжественностью и пышностью церемонию восшествия монарха на престол. Этот факт говорит не только о властолюбивых намерениях, выходящих за рамки существовавших в те годы на Руси обычаев и государственных устоев, но и об отношении Юрия к Суздальской земле, которую он в течение всей своей жизни

обихаживал и с которой он сроднился.

Но время для создания единогодержавного государства еще не пришло, и проводить такую политику становилось все труднее. Сначала Юрию удалось достичь немалых дипломатических успехов, замириться почти со всеми врагами, но они вскоре почувствовали, что сын Мономаха мечтает об единойдержавии, и стали готовиться к войне. Великий князь принял вызов, война была неизбежна...

10 мая 1157 года Петрила, боярин Юрия Долгорукого, пригласил Великого князя Киевского на пир. Шестидесятисемилетний сын Мономаха принял приглашение. Он не мог его не принять. Уже сформировались противоборствующие союзы князей, уже собраны боевые дружины. Скоро начнутся битвы. Нужно показать всем свое физическое здоровье, свои добрые взаимоотношения с боярами, воеводами, знатными людьми. Нужно хитрить. Киев отдавать врагам Долгорукий не мог. Авторитет и великое прошлое могучего града вынуждали князя продолжать борьбу за Киев.

Он пошел на пир.

Ночью после пира Юрий Долгорукий почувствовал себя плохо, слег. Ему оставалось жить пять дней.

15 мая 1157 года Юрий Владимирович Долгорукий умер. Его возможный соперник по предстоящей распре Изяслав Давидович, узнав об этом, сказал, подняв руки к небу: «Благодарю тебя, Господи, что ты рассудил меня с ним внезапною смертью, а не кровопролитием!» Киевляне, в отличие от Изяслава Давидовича, поступили иначе. После смерти Долгорукого они разграбили его дворец и сельскую усадьбу, ворвались в имение суздальских бояр, устроили там погром, а тех, кто попытался оказать им сопротивление, убили. Они забыли даже о святом: не захотели, чтобы тело Долгорукого лежало рядом с телом Мономаха, и предали его земле в Берестове, в обители Спаса.

Дикая, неуправляемая толпа мстила Юрию Владимировичу за то, что он пренебрежительно относился к дряхлеющему городу, а значит, и к горожанам, избалованным славой предков.

Некоторые специалисты считают, что Юрия

Долгорукого на пиру у Петрилы отравили бояре. . .

Монгольские завоевания и установление ордынского ига

Начало монгольских завоеваний

Около 1155 года, примерно через восемь лет после того, как Юрий Долгорукий дал «обед силен» в Москве, в тысячах верст от нее, в неведомой славянам земле, лежавшей за Байкалом, в урочище Демун-Болдак, на реке Онон, в семье монгольского батура Есугая родился мальчик, получивший имя Тэмуджина. О его детстве и юности можно только догадываться, но к 1205 году он стал полновластным владыкой всех монгольских племен, разгромив одного за другим сначала мелких, а затем и крупных врагов и соперников.

В

1206 году съезд монгольских аристократов—курултай—провозгласил Тэмуджина Чингисха-

ном. По-тюркски «Тенгиз»—«океан». И, таким образом, этот титул может быть истолкован как «Великий хан». Он создал сильное централизованное государство и большую армию, скрепленную жесточайшей дисциплиной. Подчинив себе окрестные племена на Енисее и в Восточном Туркестане, в 1211 году войско Чингисхана вторглось в Китай и в 1215 году заняло Пекин. Монголы уничтожили девяносто китайских городов, перебили всех их жителей, пленив оружейников, искусных ремесленников и взяв к себе на службу опытных чиновников для создания разветвленной административной системы по сбору налогов и дани с покоренных народов.

В 1218 году армия Чингисхана перешла на берега Иртыша и осенью произвела нападение на Среднюю Азию. В течение трех лет после упорного сопротивления пали центры ремесел и культуры—Бухара, Самарканд, Мерв, Ургенч и Хорезм.

В 1221 году Средняя Азия пала, а на следующий год войска темников Субедей-багатура и Джебенойона начали завоевание Северного Кав-

каза и Крыма.

(Темник—командующий туманом, наиболее крупной тактической единицей в монгольской армии численностью в десять тысяч человек. Слово «тумэн» на Руси означало «тьма». – В. Б.)

С Кавказа монгольские тумэны вышли в половецкие степи и двинулись навстречу русским и союзным им половецким войскам.

Решительное сражение произошло 31 мая—3 июня 1223 года на реке Калке (ныне она называется рекой Кальчик, протекает на юге Донецкой области Украины, севернее Мариуполя).

Битва на Калке

Вот как описывает эти события «Галицко-Волынская летопись»:

«В год 6732 (1224)* пришло неслыханное войско, безбожные моавитяне, называемые татарами; пришли они на землю Половецкую. Половцы пытались сопротивляться, но даже самый сильный из них, Юрий Кончакович, не мог противостоять и бежал, и многие были перебиты—до реки Днепра. Татары же повернули назад и пошли в свои вежи. И вот, когда половцы прибежали в Русскую землю, то сказали они русским князьям: “Если вы нам не поможете, то сегодня мы были побиты, а вы завтра побиты будете”.

Был совет всех князей в городе Киеве, и решили на совете так: “Лучше нам встретить их

на чужой земле, чем на своей". На этом совете были Мстислав Романович Киевский, Мстислав Козельский и Черниговский и Мстислав Мстиславович Галицкий—они были старейшими князьями Русской земли. Великого же князя Юрия Суздальского на том совете не было. А младшие князья были Даниил Романович, Михаил Всеволодович, Всеволод Мстиславич Киевский и иных князей много. Тогда же крестился великий князь половецкий Басты. Василька там не было, он по молодости остался во Владимире. Оттуда пришли они в апреле месяце и подошли к реке Днепру, к острову Варяжскому. И съехалось тут с ними все кочевье половецкое, и черниговцы приехали, киевляне и смоляне, и иных земель жители. И когда переходили Днепр вброд, то от множества людей не видно было воды. Галичане и волынцы пришли каждый со своим князем. А куряне, трубчане и путивльцы, каждый со своим князем, пришли на конях. Изгнанники галицкие прошли по Днестру и вышли в море—у них была тысяча лодок, – вошли в Днепр, поднялись до порогов и стали у реки Хортицы на броне у быстрины.

Дошла до стана весть, что пришли татары посмотреть на русские лады; услышав об этом, Даниил Романович погнался, вскочив на коня, посмотреть на невиданную рать; и бывшие с ним конники, и многие другие князья поскакали смотреть на нее. Татары ушли. Юрий сказал: “Это стрелки”. А другие говорили: “Это простые люди, хуже половцев”. Юрий Домамирич сказал: “Это ратники и хорошие воины”.

Вернувшись же, Юрий все рассказал Мстиславу. Молодые князья сказали: “Мстислав и другой Мстислав, не стойте! Пойдем против них!” Все князья, Мстислав и другой Мстислав, Черниговский, перешли через реку в половецкую степь. Они перешли Днепр во вторник, и встретили татары русские полки. Русские стрелки победили их и гнали далеко в степь, избивая, и захватили их скот, и со стадами ушли, так что все воины обогатились скотом.

Оттуда они шли восемь дней до реки Калки.

Около самой реки Калки встретились татары с русскими полками. Мстислав Мстиславич повел сначала перейти реку Калку Даниилу с пол-

ком и другим полком с ними, а сам после них переехал; сам он ехал в сторожевом отряде. Когда он увидел татарские полки, то приехал сказать: “Вооружайтесь!” Мстислав Романович и другой Мстислав сидели и ничего не знали: Мстислав им не сказал о происходящем из-за зависти, потому что между ними была большая вражда.

Сошлись полки вместе. Даниил выехал вперед, и Семен Олюевич и Василько Гаврилович ударили в полки татарские, и Василько был ранен. А сам Даниил, будучи ранен в грудь, по молодости и храбрости не почувствовал ран на теле своем. Ему было восемнадцать лет, и он был силен.

Даниил крепко боролся, избивая татар. Увидел это Мстислав Немой и, подумав, что Даниил ранен, сам бросился на них ибо был он муж сильный; он был родственником Роману от рода Владимира Мономаха. Он очень любил отца Даниила, а тот поручил ему свою волость после своей смерти, чтобы отдать ее князю Даниилу.

Когда татары обратились в бегство, Даниил избивал их со своим полком, и Олег Курский

крепко бился с ними, но новые полки сразились с нами. За грехи наши побеждены были русские полки.

Даниил, увидев, что разгорается сражение и татарские лучники усиленно стреляют, повернул своего коня под напором противника.

Пока бежал он, сильно захотел пить, а напившись, почувствовал рану на теле своем, которую не заметил во время боя из-за мужества и силы возраста своего. Ибо был он отважен и храбр, от головы до ног не было у него изъянов.

Побеждены были все русские князья. Такого же никогда не бывало. Татары, победив русских людей из-за прегрешений христиан, пришли и дошли до Новгорода Святополкова (Новгорода-Северского. – В. Б.). Русские же, не ведая об их лживости, вышли навстречу им с крестами и были все перебиты».

«Батыево нашествие»

Чингисхан умер 25 августа 1227 года, и вскоре хурал избрал Великим ханом третьего его сына—Угедея, который продолжил завоевания своего отца, прежде всего попытавшись покорить Северный Китай.

Половецкие земли от Иртыша до Дуная и от Сырдарьи и Крыма до южных русских княжеств и Волжской Булгарии были отданы старшему сыну Чингисхана—Джучи.

В 1227 году Джучи умер, и его сын Бату-хан встал во главе наследственного Улуса.

В 1236 году он, возглавив 120-тысячное войско, двинулся на восток и вторгся в Волжско-Камскую Болгарию.

Разгромив страну, монголы в конце 1237 года

подошли к Рязани, и угроза их нашествия на Русь стала жестокой реальностью.

«Тверская летопись» о событиях 1237–1238 годов

«В год 6746 (1237). Окаянные татары зимовали около Черного леса и отсюда пришли тайком лесами на Рязанскую землю во главе с царем их Батыем. И сначала пришли и остановились у Нузы, и взяли ее, и стали здесь станом. И оттуда послали своих послов, женщину-чародейку и двух татар с ней, к князьям рязанским в Рязань, требуя у них десятой части: каждого десятого из князей, десятого из людей и из коней: десятого из белых коней, десятого из вороных, десятого из бурых, десятого из пегих и десятой части от всего. Князья же рязанские, Юрий Ингваревич и братья его Олег и Роман Ингваревичи, и муромские князья, и пронские решили сражаться с

ними, не пуская их в свою землю. Вышли они против татар на Воронеж и так ответили послам Батыя: “Когда нас всех не будет в живых, то все это ваше будет”. Потом они послали к великому князю Юрию Всеволодовичу во Владимир, и тогда отпустили татарских послов от Воронежа. А к великому князю Юрию во Владимир послали рязанские князья своих послов, прося помощи или чтобы сам пришел вместе постоять за землю Русскую. Но великий князь Юрий не внял мольбе рязанских князей, сам не пошел и не прислал помощи; хотел он сам по себе биться с татарами. Но гневу Божьему уже невозможно было противиться, как в древности сказано было Господом Иисусу Навину; когда Господь вел иудеев в землю обетованную, тогда он сказал: “Я пошлю сначала на них недомыслие, и грозу, и страх, и трепет”. Так и у нас Господь отнял сначала силы, а за наши грехи послал на нас грозу, и страх, и трепет, и недомыслие.

Поганые же татары начали завоевывать землю Рязанскую, осадили Рязань, и огородили ее острогом месяца декабря в шестнадцатый день,

на память святого пророка Аггея. Князь же Юрий Рязанский заперся в городе с жителями, а князь Роман отступил к Коломне со своими людьми. И взяли татары приступом город двадцать первого декабря, на память святой мученицы Ульяны, убили князя Юрия Ингваревича и его княгиню, а людей умертвили, — одних огнем, а других мечом, мужчин и женщин, и детей, и монахов, и монахинь, и священников; и было бесчестие монахиням, и попадьям, и добрым женам, и девицам перед матерями и сестрами. Только епископа сохранил Бог, он уехал в то время, когда татары окружили город. И, перебив людей, а иных забрав в плен, татары зажгли город. И кто, братья, из оставшихся в живых не оплачет это, — какая горькая и мучительная смерть их постигла! И мы, видя это, должны устрашиться и оплакивать свои грехи с покаянием денно и нощно; а мы поступаем по-другому, заботимся о своем имуществе и ненавидим братьев. Но вернемся к прежнему рассказу.

Великий князь Юрий Всеволодович Владимирский послал передовое войско с воеводой

Еремеем, и оно соединилось с Романом Ингваревичем. А татары, захватив Рязань, пошли к Коломне, и здесь вышел против них сын великого князя Юрия Всеволодовича Владимирского и Роман Ингваревич со своими людьми. Окружили их татары, и произошло сражение, и бились ожесточенно, и оттеснили русских к городским укреплениям, и убили здесь князя Романа Ингваревича и Еремея Глебовича, воеводу Всеволода, и убито было с князем и с Еремеем много народа; а москвичи обратились в бегство, ничего не видя кругом. А Всеволод Юрьевич с остатками войска убежал во Владимир. А татары пошли и захватили Москву, а князя Владимира, сына великого князя Юрия, взяли в плен. И пошли в несметной силе, проливая кровь христианскую, к Владимиру. Услышав об этом, великий князь Юрий оставил вместо себя во Владимире сыновей своих Всеволода и Мстислава, а сам пошел к Ярославлю и оттуда за Волгу, а с ним пошли племянники Василек и Всеволод, и Владимир Константинович, и, придя, остановился Юрий на реке Сити, ожидая на помощь братьев Ярослава

и Святослава. А во Владимире заперся его сын Всеволод с матерью, и с епископом, и с братом, и со всеми жителями.

Беззаконные же татары пришли к Владимиру месяца февраля в третий день, на память святого Симеона-богоприимца, во вторник мясопустной недели. Привели они с собой Владимира Юрьевича к Золотым воротам, спрашивая: “Узнаете ли княжича вашего?” Братья его, воевода Ослядюкович и все люди проливали обильные слезы, видя горькие мучения князя. Татары же отошли от городских ворот, объехали город, а затем разбили лагерь на видимом расстоянии перед Золотыми воротами. Всеволод и Мстислав Юрьевичи хотели выйти из города против татар, но Петровоевода запретил им сражаться, сказав: “Нет мужества и разума, и силы против Божьего наказания за наши грехи”.

А татары пошли и взяли Суздаль, и вернулись к Владимиру в пятницу перед мясопустом. Утром же в субботу мясопустную, седьмого февраля, на память святого отца Парфения, начали татары готовить войско и ночью окружили ты-

ном весь город. Утром увидели князя Всеволод и Мстислав и епископ Митрофан, что город будет взят, и, не надеясь ни на чью помощь, вошли они в церковь святой Богородицы и начали каяться в своих грехах. А тех из них, кто хотел принять схиму, епископ Митрофан постриг всех: князей, и княгиню Юрия, и дочь его, и сноху, и благочестивых мужчин и женщин. А татары начали готовить пороки (тараны. – В. Б.), и подступили к городу, и проломили городскую стену, заполнили ров свежим хворостом, и так по примету вошли в город; так от Лыбеди вошли они в Иринины ворота, а от Клязьмы в Медные и Волжские ворота, и так взяли город и подожгли его. Увидели князя, и епископ, и княгиня, что зажжен город и люди умирают в огне, а других рубят мечами, и бежали князя в Средний город. А епископ, и княгиня со снохами, и с дочерью, княжной Феодорой, и с внучатами, другие княгини, и боярыни, и многие люди вбежали в церковь святой Богородицы и заперлись на хорах. А татары взяли и Средний город, и выбили двери церкви, и собрали много дров, обложили церковь дровами и подожгли. И

все бывшие там задохнулись, и так предали души свои в руки Господа; а других князей и людей татары зарубили.

И оттуда рассеялись татары по всей земле Владимирской, одни пошли к Ростову, иные погнались за великим князем в Ярославль и к Городцу и пленили все города по Волге до самого Галича Мерьского; а иные пошли к Юрьеву, и к Переяславлю, и к Дмитрову и взяли эти города; а еще иные пошли, и взяли Тверь, и убили в ней сына Ярослава. И все города захватили в Ростовской и Суздальской земле за один февраль месяц, и нет места вплоть до Торжка, где бы они ни были.

На исходе февраля месяца пришла весть к великому князю Юрию, находящемуся на реке Сити: “Владимир взят и все, что там было, захвачено, перебиты все люди, и епископ, и княгиня твоя, и сыновья, и снохи, а Батый идет к тебе”. И был князь Юрий в великом горе, думая не о себе, но о разорении церкви и гибели христиан. И послал он на разведку Дорожа с тремя тысячами воинов узнать о татарах. Он же вскоре прибе-

жал назад и сказал: “Господин князь, уже обошли нас татары”. Тогда князь Юрий с братом Свято-славом и со своими племянниками Васильком, и Всеволодом, и Владимиром, исполчив полки, пошли навстречу татарам, и каждый расставил полки, но ничего не смогли сделать. Татары пришли к ним на Сить, и была жестокая битва, и победили русских князей. Здесь был убит великий князь Юрий Всеволодович, внук Юрия Долгорукого, сына Владимира Мономаха, и убиты были многие воины его.

А Василька Константиновича Ростовского татары взяли в плен и вели его до Шерньского леса, принуждая его жить по их обычаю и воевать на их стороне. Но он не покорился им и не принимал пищи из рук их, но много укорял их царя и всех их. Они же, жестоко мучив его, умертвили четвертого марта, в середину Великого поста, и бросили его тело в лесу. Некая женщина, увидев тело Василька, рассказала своему богобоязненному мужу; и тот взял тело князя, завернул его в плащаницу и положил в тайном месте.

Татары, вернувшись от Владимира, взяли и

Переяславль, и Москву, и Юрьев, и Дмитров, и Волок, и Тверь, а затем подошли к Торжку в первую неделю поста, месяца февраля в двадцать второй день. И окружили они весь город тыном, так же как и другие города брали, и осаждали окаянные город две недели. Изнемогали люди в городе, а из Новгорода им не было помощи, потому что все были в недоумении и в страхе. И так поганые взяли город, убив всех—и мужчин и женщин, всех священников и монахов. Все разграблено и поругано, и в горькой и несчастной смерти предали свои души в руки Господа месяца марта в пятый день. И были здесь убиты: Иванко, посадник новоторжский, Аким Влункович, Глеб Борисович, Михаил Моисеевич. А за прочими людьми гнались безбожные татары Селигерским путем до Игнатьева креста и секли всех людей, как траву, и не дошли до Новгорода всего сто верст. Новгород же сохранил Бог, и святая и великая соборная и апостольская церковь Софии...

Кирилл же, епископ ростовский, в то время был на Белоозере, и когда он шел оттуда, то

пришел на Сить, где погиб великий князь Юрий, а как он погиб, знает лишь Бог—различно рассказывают об этом. Епископ Кирилл нашел тело князя, а головы его не нашел среди множества трупов; и принес он тело Юрия в Ростов, и положил его со многими слезами в церкви святой Богородицы. А потом, узнав о судьбе Василька, пошел и взял его тело, и принес в Ростов, горько рыдая. . .

Батый оттуда пошел к Козельску. Был в Козельске князь великий юный по имени Василий. Жители Козельска, посоветовавшись между собой, решили сами не сдаваться поганым, но сложить головы свои за христианскую веру. Татары же пришли и осадили Козельск, как и другие города, и начали бить из пороков, и, выбив стену, взошли на вал. И произошло здесь жестокое сражение, так что горожане резались с татарами на ножах; а другие вышли из ворот и напали на татарские полки, так что перебили четыре тысячи татар. Когда Батый взял город, он убил всех, даже детей. А что случилось с князем их Василием—неизвестно; некоторые говорили, что

в крови утонул. И повелел Батый с тех пор называть город не Козельском, но злым городом; ведь здесь погибло три сына темников, и не нашли их среди множества мертвых.

Оттуда пошел Батый в Поле, в Половецкую землю».